

Фернандо де Монтесинос.
«Древние исторические и политические памятные сведения о Перу»

=====
[Последняя Версия (сверено 22.10.2009) перевода на русский язык с испанского, а также
вступление и комментарии

© 2006-2009,
Виктор Талах,
Киев,
Украина]

[комментарии (часть)
© 2009, А.Скромницкий,
Киев,
Украина]

=====

**ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЙ БАРОН МЮНХАУЗЕН ИЛИ ОРИГИНАЛЬНЫЙ
ИСТОРИК ПЕРУ?**

Фернандо де Монтесинос родился в 1593 году в Осуне, недалеко от Севильи (Испания). На следующий год после окончания в 1627 году местного университета и получения звания лиценциата канонического права, Монтесинос по его просьбе был направлен в колонии, в Перу, куда прибыл вместе со свитой вновь назначенного вице-короля Луиса Херонимо Фернандеса де Кабрера-и-Бобадилья, графа де Чинчон. В 1629 году Монтесинос получает место секретаря епископа перуанского портового города Трухильо, а вскоре становится ректором местной семинарии. Однако, после смерти покровительствовавшего ему прелата Монтесинос оставил Трухильо и в 1630 году был уже священником в Потоси, тогдашнем главном южноамериканском (и мировом) центре добычи драгоценных металлов. Последующие тринадцать лет пребывания Монтесиноса в Перу обнаруживают его непоседливый характер: между 1631 и 1635 году он оказывается в Куско и, возможно, в Чаркас (северо-запад современной Аргентины), затем получает приход в Лиме, но надолго там не задерживается, в начале 1640-х годов он опять на севере вице-королевства – в Кахамарке и Кито. По собственному свидетельству Монтесиноса (возможно несколько преувеличенному) он семьдесят раз пересекал перуанские Кордильеры. Высказывались мнения, что Монтесинос был иезуитом и колесил по Перу, выполняя поручения Общества Иисуса, однако, они, по всей видимости, безосновательны.

Сфера интересов Фернандо де Монтесиноса в целом оказывается весьма далекой от духовных поисков и забот о спасении душ туземцев. Более всего его интересует добыча драгоценных металлов и камней, о чем он оставил отдельное сочинение, при этом и сам он оказывается, в конечном счете, человеком небедным. Другая область его деятельности, несколько экстравагантная, тоже была направлена на обретение сокровищ земных: дон Фернандо энергично занимался поисками легендарного затерянного города Пайтити, куда инки будто бы перенесли большую часть своих несметных сокровищ, и который он считал тождественным не менее легендарному Эльдorado и ... библейской стране Офир, откуда черпал богатства царь Соломон. Монтесинос даже написал "Историю Пайтити" (закончена в 1638 году, ныне утрачена), где собрал известные ему сведения об этом городе; он, однако, не

ограничивался мечтательным теоретизированием, и выступил одним из спонсоров экспедиции Педро Бооркеса, искавшей Пайтити за Андами, а затем снарядил собственную, под руководством своего кузена Франсиско де Монтесиноса. Впрочем, этот поход закончился полным провалом, и сам Франсиско де Монтесинос был убит индейцами. Наконец, во время проживания в Лиме дон Фернандо весьма активно сотрудничал со Святейшей Инквизицией, оказавшись одним из организаторов первого и самого жестокого из состоявшихся в колониальном Перу аутодафе. Об этом он даже написал специальную книгу, рукопись которой поныне хранится в библиотеке Севильского университета. Есть веские основания подозревать, что и здесь нашим душпастьером двигало не одно только рвение к защите веры: Святейшая щедро делилась имуществом осужденных с теми, кто сотрудничал с ней.

В 1643 Монтесинос вернулся в Испанию, где принялся хлопотать, во-первых о прибыльной церковной должности где-нибудь в Лиме либо Мехико, во-вторых, о продаже испанской Короне за какие-то 12 тысяч дукатов в год будто бы изобретенного им способа повторного использования ртути при добыче серебра. В обоих начинаниях он, однако, потерпел неудачу, и умер в Севилье в 1653 году (по другим сведениям – в 1655).

Помимо стараний о чистоте Святой Веры, хлопот на металлургическом поприще и непрерывных путешествий, за время пребывания в Перу Монтесинос составил обширную литературную штудию в пяти томах, озаглавленную "Древние и новые памятные записки о Пиру" (*Memorias antiguas i nuevas del Pirú*). Однако, это сочинение, особенно его вторая часть, повествующая о доиспанском Перу, «Древние исторические и политические памятные сведения о Перу» (*“Las Memorias Antiguas historiales y políticas de Pirú”*), не пользуется особым доверием исследователей. Известный популяризатор культур доколумбовой Америки Милослав Стингл писал о Монтесиносе, что «за свои довольно необычные сообщения он даже заслужил прозвище ‘перуанского барона Мюнхаузена’» [1.С.157]. Не очень почтительно отзывается о нем и Ю.Е.Березкин: «Ф.Монтесинос, чья хроника при фантастичности исторических данных небезынтересна для этнографа» [2.С.117].

Между тем, при ближайшем знакомстве столь уничижительное отношение оказывается не вполне справедливым. Немало эпизодов «Памятных сведений» совпадают с сообщениями Педро Съесы де Леона, Хосефа Акосты, Инки Гарсиласо де ла Вега, Педро Сармьенто де Гамбоа, авторов, в добросовестности передачи которыми индейской традиции никто не сомневается. Сам Монтесинос неоднократно и с охотой называет в качестве источников своей информации амаута (индейских мудрецов), «древние индейские поэмы», а также известных и весьма основательных писателей раннеколониального периода, таких как Поло де Ондегардо и Хуан де Бетанос. Поэтому, нет серьезных оснований считать приводимые Ф. Монтесиносом сведения его собственным вымыслом.

Это касается и самого спорного пункта «Памятных сведений» – хронологической схемы, в соответствии с которой инкским повелителям из Куско будто бы предшествовали девяносто (!) «царей Пиру» с общей продолжительностью правления 2253 года.

Во-первых, такое построение скорее всего не является собственным изобретением Монтесиноса, а восходит к некоей упоминаемой им рукописной «Истории» неназванного автора. Кажется, именно о ней Монтесинос пишет в первой книге «Памятных сведений»: «Мне же следует упомянуть другое сообщение о древности этого имени Перу, которое я нашел в одной рукописной книге; я купил ее на распродаже в городе Лиме и храню ее с уважением и заботой. Она толкует о Пиру и его императорах, и сообщает по поводу Кито занимательные вещи о его делах; и я удостоверился, что ее составил один словоохотливый человек из этого города, очень давний в нем и имевший устные сведения, которые ему дал святой епископ дон Ф. Луис Лопес, и опрос, который тот же господин епископ сделал индейцам» [3. L.I, cap.4]. Сабина

Хайленд отмечает в тексте второй книги Монтесиноса орфографические особенности, свойственные индейцам кечуа, писавшим по-испански [4. P.7]. Возможно, Монтесинос (а скорее – писец по его указанию), в некоторых местах просто копировал оригинал автора-индейца. Сама С. Хайленд полагает, что Ф. де Монтесинос вообще не был автором текста Книги II "Исторических памятных сведений...", так как "она содержательно, стилистически и грамматически не соответствует остальной части монтесиновской хроники. В контексте всех "Исторических памятных сведений ..." Монтесинос не был первичным автором Книги II... Пристальное изучение этих рукописей выявляет, что хроника Монтесиноса воспроизводит традицию из диоцеза Кито, записанную безымянным колониальным автором из города Кито" [4.P.5].

Во-вторых, анализ самого царского списка Монтесиноса позволяет предположить, что в нем в последовательную цепочку объединены по крайней мере несколько списков более или менее одновременных правителей. Так, Юха Хилтунен выделяет в монтесиновском списке четыре «династии»: Пирва (цари с 1 по 17), Амаута (с 18 по 62) и две династии царей Тампутоко (с 63 по 77 и с 78 по 90) [5.Pp.57-59, 360;6.64-65]. По его мнению: «Это может указывать на три разных этноисторических источника и упоминаемых группы. В одном из вероятных вариантов две из этих династий возможно были современниками» [5. P.360]. Впрочем, список может быть расчленен и на большее количество частей. Например, в главе 8 второй книги сообщается, что при седьмом и восьмом «царях Пиру» Куско пришел в упадок, и его жители «жили в большой неразберихе и возвратились в первородное состояние» [3.L.II,р.39-40], что, скорее всего, означает падение государства. В таком случае «династия Пирва» делится на две: с 1 по 7 царей и с 8 по 17.

Причина «вытягивания» во времени списка правителей Перу в сочинении Монтесиноса вполне объяснима. Одной из главнейших проблем колониальных историков XVI – XVII веков было определение места доколумбовых государств в общей схеме мировой истории, чьей основой была история библейская. В частности, необходимо было согласовать с библейской традицией перуанское предание о «всемирном потопе». Однако, как пишет по этому поводу сам Ф. де Монтесинос: «Амаута говорят, что на втором году правления Манко Капака [почти] завершилось четвертое Солнце от Сотворения, что чуть меньше четырех тысяч лет, и 2900 – столько после всеобщего потопа» [3.L.I.P.58]. Принимая традиционную генеалогию, согласно которой Вайна Капак, умерший в 1525 году, принадлежал к одиннадцатому поколению после Манко Капака, последний родился около 1125 года и воцарился около 1150. Следовательно, перуанский потоп нужно было бы отнести ко времени около 1750 г. до н.э. Но это значительно (на 1200 лет) позже, чем признавала католическая доктрина XVI – XVII веков.

Существовало два пути, чтобы преодолеть противоречие между индейской и библейской традициями. Можно было устанавливать для инков баснословные продолжительности жизни и правлений, как это делает, например, Фелипе Ваман Пома де Айала, отводящий двенадцати инкам от Манко Капака до Вайна Капака интервал примерно в 1550 лет (и тогда Рождество Христово приходится на правление Манко Капака) [См.:7]. А можно было поместить между Манко Капаком и историческими инками вереницу правителей, известных из генеалогических списков, вследствие чего оказалось, что второй год Манко Капака, «считая год за годом, ... был приблизительно первый год от рождества Христова, Господа нашего. Этот царь Манко в то время имел наибольшее могущество, как никогда в Перуанском царстве ранее этого времени. Согласно счету этих перуанцев не хватало сорока трех лет до полного завершения четырех Солнц, и я обнаружил не без удивления, что согласно счету семидесяти переводчиков и тому, которому следует Римская Церковь, которая говорит, что Божественное Слово родилось из утробы Девы в 2950 году после потопа» [3. Lib.II, p.58]. Удивление Монтесиноса было безосновательным: автор использованной им хронологической схемы намеренно

синхронизировал Манко Капака и Иисуса и согласовал время перуанского и библейского потоков.

Кроме того, эта схема позволяла решить еще одну продиктованную идеологическими установками колониальной историографии задачу, на которую обращает внимание американская исследовательница Моника Барнс: «Все факты ... должны были быть подчинены идее, что Инкская Империя охватывает время от предшествующего рождению Иоанна Крестителя до испанского прихода в Анды... Это позволило бы дохристианским инкам составить временную и историческую параллель дохристианским римским императорам, равно как христианским Священным Римским императорам» [8.Р.121]

В любом случае, в основе «максимальной капакуны» (царского списка), приведенной у Монтесиноса, лежат все-таки оригинальные индейские предания, пусть и существенно переработанные. Нельзя не согласиться с мнением Ю.Хилтунена: «Монтесинос не был романтическим фальсификатором или откровенным лжецом ... Он не выдумал доинкские династии, однако во многом переработал их» [5. Р.356]. В рассказе об идоле из Ванкаррамы [3.ЛП.Р.80-81] Монтесинос описывает свой метод работы с источниками: он знает, что традиция связывает эту историю с первым инкой Манко Капаком, но, так как по его воззрениям Манко Капак был не первым инкой, а первым «царем Перу», а первым инкой – Инка Рока, то он совершенно самовольно связывает всю историю с Инкой Рока и придумывает его поход в Ванкарраму. Вопрос в том, насколько глубокой оказалась переработка Монтесиноса и в других случаях, и насколько возможно восстановить после нее первичную информацию.

Соотнесение монтесиносовских «царей Пиру» с теми или иными географическими областями и археологическими памятниками с достаточно давнего времени соблазняло историков. Первый переводчик Монтесиноса на английский язык Ф.Минс предположил, что речь идет о правителях знаменитого боливийского Тиаванаку [16]. В последние десятилетия эту идею в том или ином виде поддержали Я.Шеминьский, К.Понсе Сангинес и Б.В. Биадос Яковассо [10;11;12]. С другой стороны, Ю.Хилтунен связывает «династию Амаута» с археологической культурой среднего горизонта Уари (ее центр располагался вблизи современного Аякучо), господствовавшей в VII – IX веках в центральных Андах от Кахамарки на северо-западе до Куско на юго-востоке, а царей Тампутоко – с культурой Чакепукио, существовавшей в долине Куско с середины IX века приблизительно до 1400 года. Следует, однако, отметить, что при наличии в этих гипотезах многих привлекательных черт, они остаются достаточно спорными.

Не исключено, что в некоторых использованных Монтесиносом списках или их частях перечислены просто предки знатных андских кланов вплоть до колониального времени, которые на самом деле вовсе не обязательно где-то царствовали.

Недоверие к Монтесиносу в значительной мере питается стилем его сочинения. Неизвестно по каким причинам он старался писать занимательно. Поэтому Монтесинос практически никогда не ограничивается простым пересказом своих информаторов, а излагает материал в соответствии с приемами (точнее, штампами) европейской барочной риторики XVII века. Притом, в противоположность индейцам, мыслит Ф. де Монтесинос совершенно рационально, и на каждом шагу старается объяснять местные мифы и легенды с точки зрения европейского здравого смысла (что зачастую имеет следствием комический эффект), а в случаях, когда это не удается, «припечатывает» древние сказания презрительным “finxieron” – «измыслили».

Например, оригинальная индейская версия, обосновывая права инков на власть, сообщала об основателе исторической инкской династии Инке Рока, "будто он был сыном Солнца, и что его отец перенес его в место собственного обитания, где он находился среди его

лучей четыре дня, получив тысячу знаков внимания, и как он вернулся, чтобы царствовать и править миром" [З.ЛП.Р.76]. Однако, такой рассказ, утверждающий божественное происхождение династии Анан Куско, не был приемлем для Монтесиноса ни как для христианского священнослужителя, ни как для человека с рационалистическим складом ума. И он, с целью развенчания идолопоклонства и разоблачения языческих суеверий, постарался пролить свет на истинную, с его точки зрения, подоплеку происшедшего. Да так увлекся, что в главах 16-17 создал по-настоящему забавный рассказ, больше всего напоминающий сюжет известного фильма Якова Протазанова «Праздник святого Йоргена». Сам Монтесинос явно не стремился к юмористическому эффекту, но чем выпреннее речи персонажей этой плутовской истории, тем сильнее комическое впечатление от нее.

В результате стилистических изысков автора на страницах «Памятных сведений» читатель встречает облаченных в бутафорские «под античность» латы персонажей, изъясняющихся цитатами из Цицерона, которые, несмотря на имена Капаков, Йупанки и Пачакути, имеют очевидно неиндейский облик. За этой «штукатуркой» в стиле провинциального барокко оригинальный характер источников Монтесиноса теряется. А если учесть, что литературным дарованием дон Фернандо, увы, не обладал, и потуги писать красиво делают чтение многих страниц его труда едва стерпимым, причины не особенно приятного отношения позднейших исследователей к «Памятным сведениям ...» понятны.

Другое обстоятельство, порождающее недоверие к Монтесиносу, также вытекает из его стремления к занимательности. Желая увлечь читателя, он выбирает факты и версии, которые не совпадают с общепринятыми среди современных ему историков Перу. Особенное удовольствие доставляет Монтесиносу полемика с идеализаторским направлением в описании инкской государственности. Хотя во второй книге он ни разу не ссылается на Инку Гарсиласо де ла Вега, само его изложение истории доиспанского Перу, наполненной мятежами, заговорами, тайными соглядатаями, грязными пороками, изуверскими карами, массовыми человеческими жертвоприношениями, камня на камне не оставляет от образа наилучшего, справедливого, доброго государства, представленного на страницах «Подлинных Комментариев» Инки Гарсиласо.

Труд Ф. де Монтесиноса – очень сложное для исторического анализа сочинение, в котором авторские идеологические наработки (ничего общего с действительной историей индейского Перу не имеющие) и подогнанные под них хронологические схемы (чистый плод схоластических изысканий) причудливо перемешаны с данными навсегда утраченной в своей подлинной версии индейской традиции и тонкими наблюдениями очевидца. Можно, конечно, в первую очередь обращать внимание на первое, и отложить "Памятные сведения" в стопку книг курьезных, но гораздо плодотворнее, кажется, иметь в виду второе и видеть в них интереснейший источник информации о доколумбовом Перу.

Книга 2

/1/ Глава 1. О способе, которым первоначально установились власть и господство среди индейцев Пиру

После того, как Офир заселил Америку, он воспитал своих сыновей и внуков в страхе Божиим и уважении к естественному праву. Они жили там многие годы, передавая от отца к сыну почтение к творцу всего сущего за полученные благодеяния, особенно из-за потопа, от которого он избавил их прародителей. Они пребывали в этом благоденствии многие годы, и согласно указанной рукописи было 〈не читаемо〉 пятьсот, считая их от потопа, хотя согласно счету амаута [*aumautas*] и перуанских историков это было во второе Солнце после сотворения мира, которое, считая время общепринятыми годами, настало двумя тысячами лет ранее, если допустим /2/, что оно было последним из двух Солнц, и потому, что эти два Солнца не закончились, когда произошел потоп, ибо не хватало до их окончания трехсот сорока лет согласно нашему общепринятому счету. Эти амаута полагают, что эта эпоха или время длилась указанные триста сорок лет 〈лакуна〉.

Но они ошибаются, ведь *это* Офир, внук Ноя, в случае, если тогда он заселил Америку, пришел через триста сорок лет после потопа. Остальные сто шестьдесят лет были те, когда его сыновья и внуки жили в страхе Божиим и любви к Господу и ближнему, в мире и без войн и раздоров.

Однако, это недолго продолжалось в Перу, ибо его обитатели, которых было уже немалое число, начали ссориться между собой из-за вод и пастбищ, и, чтобы охранять их, избрали вождей айлью [*ayllo*] и семейств на случай войны и для мира, которые им поручали, и со временем некоторые люди, которые силой и ловкостью превосходили других, начали становиться господами, и мало помалу одни стали преобладать над другими.

В это время, которое согласно тому, что можно проверить, было через шестьсот лет после потопа, все эти области наполнились жителями. Многие пришли по дороге из Чили, другие через Анды, другие по материку и по морю, и заселили /3/ побережье от острова Санта-Елена и Пуэрто-Вьехо до Чили.

Это известно из старинных стихов и песен индейцев и соответствует тому, о чем говорят надежные авторы, что через сто пятьдесят лет после потопа вышло много людей, которые выросли и размножились в землях Армении, и что, когда к праотцу Ною пришло такое количество людей, движимых срочной необходимостью и божественными предписаниями, которые имели божьи люди, чтобы заполнить мир, он приказал своим сыновьям и внукам, чтобы они со своими семьями отправились искать земли для заселения, и есть такие, кто говорит, что и сам праотец Ной¹ отбыл указать и распределить земли, и что он обошел весь мир, и так вышли из Армении первые поселенцы и многие другие по другим поводам, одни по суше, другие по морю, как говорят в своих «Древностях» Кедрин и

¹ Кедрин в «Историческом компендиуме»

Филон, в соответствии с которыми нетрудно допустить, что и Ной побывал в Пиру.

Первопоселенцы пришли в окрестности места, где сегодня Куско, толпой, и осели родом. Согласно рассказу амаута было четверо братьев, которых звали Айар Манко Топа [*Ayarmancotopa*], Айар Чачи Топа [*Ayarchachitopa*], Айар Аука Топа [*Ayaraucotopa*] и Айар Уччу [*Ayaruchu*], и четыре сестры, имена которых были Мама Кора [*Matacora*], Ипа Вакум [*Hipa Huacum*], Мама Вакум [*Mama Huacum*], Пилько Акум [*Pilco Acum*].

Старший брат поднялся на некую гору, называемую Ванакаури [*Huanacauri*] и, развязав головную повязку и сделав из нее пращу, /4/ метнул из нее четыре камня, отмечая четыре стороны света и выкрикивая, что этим действием он принял во владение землю для себя и во имя своих братьев и женщин.

Из холмов, которые он отметил камнями, один он назвал Атисуйо [*Atituyo*], на востоке, тот, что на западе, он назвал Контитуйо [*Contituyo*], тот, что на юге – Кольясуйо [*Colla*]. И когда они приветствовали царей, то говорили: «Тавантинсуйо капак» [*Tahuantin suyo capac*], что означает: «Владыка четырех частей света».

Три брата очень огорчились, когда увидели, что впредь на правлении и верховенстве будет старший, подозревая, что он сделал это, чтобы стать их главой.

Тем, кто в наибольшей степени понял намерения старшего брата, был младший, и как человек смысленный и мнительный, он решил сделать так, чтобы остаться одному, и никто не навязывал бы ему власти. Отбрасывая поэтические вымыслы, которые индейцы сообщают по этому случаю, наиболее достоверно, что он прибегнул к следующей уловке, чтобы избавиться от своих братьев.

Старшему он сказал, чтобы тот вошел в одну пещеру и попросил у Итатиси Виракоча [*Itatiçi Huiracocha*], чтобы тот дал ему семя из своей руки и свое благословение на плодовитость. Брат поверил ему, вошел в пещеру, а младший завалил вход большим камнем и другими маленькими, так что пещера оказалась заваленной, а несчастный погребенным.

Второго брата Топа Айар Уччу привел к высоким кручам под предлогом поисков старшего брата и сбросил его с них, а женщин и третьего брата убедил, что Итатиси Виракоча превратил его в камень с тем, чтобы он при его сопровождении бросил его вслед за всеми. /5/ А камень, на который ложно указал Топа Айар Уччу, позже перенесли в Куско.

Оставшийся брат, сочтя эти события зловещими, бежал в другие области, а Топа Айар Уччу сказал своим сестрам, что он поднимался в <пятно> небеса, чтобы там получить в свое распоряжение все горы, долины, источники и реки, чтобы защищать их от холодов, молний и грозовых туч и быть покровителем и защитником власти, которую он должен иметь во всем мире как сын Солнца, и чтобы он имел сан Пирва Пари Манко [*Pirua Parimanco*], ибо должен быть как бог на земле.

И Топа Айар Уччу стал именоваться всеми Пирва Пари Манко. Избавившись от братьев, он пошел к местности, где сейчас расположен Куско, со своими

сестрами и женами, которым он объявил благосклонность, такую же большую, как они должны были иметь от трех других братьев, и что он должен построить город и быть владыкой живущих *|там|*, и чтобы возбудить в тех истинное почтение, они должны проявлять его в самой большой степени и разговаривать со всей покорностью как с единственным сыном Солнца.

Местность показалась хорошей старшей сестре, и она сказала брату, чтобы названный город строили здесь, в этом Куско, как будто бы говорила: «В этой местности, где находятся камни, которые кажутся нагромождениями», – откуда, как говорят некоторые, называется этот первогород Куско. Другие говорят, что местность, где он был основан, была возле гор и там были большие скалы, которые нужно было сравнивать с землей, и это выражение «сравнивать» переводится глаголом *cozsa ani*, ^{〈пятно〉} *cozsa chanqui* или *chanssi*, и что отсюда он называется Куско.

Пирва собрал своих домочадцев, которые были многочисленны и служили ему /6/ как слуги и подданные по примеру, который им подавала его сестра, делавшая это со всем желанием, ибо от нее он имел сыновей, которых более всех любил. Затем Пирва приказал им навалить камни и выровнять названную местность с большим количеством земли, где заложил многочисленные дома, в которых они жили как горожане. И они имели между собою раздоры из-за посевов, скота и воды, и при каждом спорящие обращались к нему и к его первородному сыну, которого он любил более, чем других, чтобы он их примирил, говоря, что так приказал Итатиси Виракоча. Таково было почтение, которое они имели к отцу и сыну, что их словам и их приказам подчинялись, как нерушимым законам, и никто не смел возражать им. Обычно Пирва уединялся в своем доме, почитаемый сыном Солнца не только четырьмя своими семьями, но и соседями, которые по его замыслу возвратились в селения из хижин в окрестностях Куско.

Индейцы говорят, что этот Пирва Манко превратился в камень, как остальные его братья, и что его сын Манко Капак и остальные поместили его вместе с ними *|в Куско|* до тех пор, пока не соорудили для них храмы. Но истина, извлеченная на свет, состоит в то, что Пирва Манко был первым, кто царствовал в Куско и не был идолопоклонником, но почитал Господа праотца Ноя и его потомков и не имел иных богов, кроме Творца сущего, называя его Ильтатиси Виракоча.

Этот князь пришел в Куско и жил спустя многие годы после потопа. Он царствовал более шестидесяти лет, и умер в возрасте более ста лет, и оставил наследником и преемником Манко Капака.

/7/ Глава 2. Как семьи Куско провозгласили владыкой Манко Капака и о посольстве, которое к нему отправили другие владыки

Как только Пирва Манко умер, четыре семьи, которые признавали его сыном Солнца, его сына Манко Капака, которого он им оставил, приказав, чтобы они подчинялись ему как такому и своему владыке, провозгласили владыкой и

князем всех соседей с великими приветствиями, и празднествами, и танцами, и пиршествами.

Владыки, которые жили вокруг Куско, обеспокоились этим и, не смыкая глаз, толковали о начале и происхождении Манко Капака и его отца, сомневаясь, что он сын Солнца, порожденный землей без отца-человека, и подозревая, что он сам является источником таких новостей, главным образом из-за того, что распространяют его семьи и подданные то, что Итатиси говорил с амвона, одобряя его действия, а они приветствовали его как сына Солнца и существо большее, чем человеческое, из-за чего такое мнение стало признанным во всей округе.

Подозревая таким образом, что из-за этого их власть и господство могут ослабеть, если они с самого начала не предостерегутся, эти владыки собрали стариков и самых искушенных и советовались между собой о сложностях, которые у них могут возникнуть, если сын Солнца задумает некоторые новшества, намереваясь сделать большим свое влияние, решив по общему согласию, чтобы астрологи, предсказатели [Auspicios] и колдуны, которых они имели на все случаи /8/, обратились бы к огню, который был их первым божеством, которое они имели на прародине, и к матери Земле, и чтобы они спросили у них о намерениях, которые они имели по этому поводу.

Они подготовились со многими постами и жертвоприношениями овец и барашков, которых истребляли для бога огня у подножия каменного идола, который его изображал, и он ответил им такими словами:

«Пирва Манко и Манко Капак из Куско и их потомки возьмут верх над враждебной судьбой, и им подчинятся жители всей этой земли, ибо они сыновья Солнца, в чьей доблести имеют свое счастье, и я увидел, как этот первый владыка измерил шагами всю землю, и так без сомнения его потомкам будет благоволить счастливая судьба, так что не покинет их никогда, ибо враждебная судьба будет поправа их ногами».

Этот ответ очень обеспокоил владык, и они несколько дней обсуждали между собой разные вещи. Одни говорили, чтобы ранее, нежели Манко Капак приобретет большую силу и воинственность, постараться предавать его огню и крови до тех пор, пока не уничтожить его и не выбросить его из мира или, по крайней мере, из его округа, либо обратить его в подчинение и подданство, другие же говорили, что будет лучше объединиться с ним путем дружбы и родства, чтобы была нерушимая связь между такими выдающимися людьми как Манко и они, и что больше соответствовало бы /9/ оракулу, чтобы это второе решение было бы одобрено всеми, и в подтверждение они устроили великие жертвоприношения, и между ними большого барана, отдав его своим идолам с тем, чтобы по внутренностям барана узнать их волю, с предзнаменованиями хорошего или плохого исхода того, что они избрали. После жертвоприношения они вскрыли барана и по его внутренностям определили предзнаменования доброго исхода.

С этим названные владыки отправили посланцев из числа самых опытных своих подданных с богатыми дарами и драгоценностями в сосудах из золота и серебра и много одежд из тончайшей шерсти для Манко Капака, предлагая ему

мир и вечную дружбу, а в ее подтверждение они намеревались установить связь, предложив ему брак с дочерью главнейшего из владык, которых они там имели.

Великий Манко Капак был в Куско, когда пришли посланцы и, простершись на земле, кроткими и униженными словами предложили ему свое посольство. Царь принял их с ласковым лицом, и выслушал их, и задал им несколько вопросов, и удовлетворился некоторыми вещами, которые желал знать. Он сказал им, чтобы они отдохнули, и чтобы они пришли в его дом и на его двор, и приказал своим подданным, чтобы они отвели им самое лучшее жилище, дав им понять, что вскоре их отпустит.

Одаренные многими дарами они много дней находились при дворе царя Манко, и /10/ после многочисленных жертвоприношений великий Манко Капак с согласия старцев и своего совета призвал к себе посланцев и, восседая на своем царском престоле-*тиане* [*tiana*], всенародно с радостным лицом сказал посланцам: «Итатиси Виракоча и Солнце, мой отец, в своих потаенных суждениях определили мое предназначение и счастливые пути, по которым должны идти люди моего рода, по причине чего мне необходимо объять то, что они имеют упорядоченным и определенным, и, поступая вопреки, я перерублю нить моей счастливой доли. И так я определил, в соответствии с мнением моих, сделать то, о чем вы попросили, принимая ваших владык друзьями и братьями и получая их дочерей в знак их воли и моей».

Посланцы, услышав столь желанный ответ, простерлись на земле в этот великий момент, подтверждая молчанием и покорностью согласие со столь великой милостью.

Люди царя Манко подняли посланцев и с этого времени дали им еще лучшие места и помещения, и торжественно принимали их многие дни, одаривая их богатыми одеждами, сделанными из разноцветных нитей, украшениями и драгоценностями из золота и серебра.

Царь, найдя для этого время, отпустил их, послав вместе с ними других посланцев, чтобы предложить посольство владыкам и рассказать о приеме Манко, их владыки, заверяя их /11/, со своей стороны, в вечной дружбе и родстве через брак их дочерей, которым посланцы Манко Капака вручили драгоценности, которые принесли, оказывая им величайшие почести.

Владыки приказали привести своих дочерей, чтобы исполнить то, чего они так желали, и по общему совету собрали всех своих подданных в хорошо построенное войско, и сделали ему смотр, чтобы войти в Куско во всем блеске и показать его жителям свое могущество и силу, а также с намерением, чтобы, если царь Манко задумает какие-то изменения, они оказались бы готовы сопротивляться им.

Обо всем этом Манко Капак был предупрежден тайными соглядатаями, которых имел повсюду и, зная о собрании тех владык, приказал своим военачальникам, чтобы они со всей осмотрительностью приготовились к тому, чтобы, если будет необходимо, воевать с теми, кто возбудит у них подозрения. Для этого они укрепили некоторые высоты внутри и вовне города Куско,

поместив там стражу и гарнизоны из самых отважных людей. С этими взаимными опасениями одни и другие оставались осторожными, и главными были празднества и развлечения новой свадьбы, которой, готовой уже состояться, помешал необычный случай, произошедший /12/ внезапно.

Глава 3. О редком случае, произошедшем в Куско, когда царем был Манко Капак, и о владыках округи, которые готовились к празднику бракосочетания

Выше уже говорилось, насколько к этому времени бесчисленны были племена, вышедшие из Армении заселить мир. Случай пусть послужит для прояснения следующего и других подобных, поскольку о происхождении этих народов и даже чужеземных индейские поэты измыслили достойную внимания поэзию по образцу греческой и латинской, но должно верить, что эти люди происходят от Адама, а не были сами по себе в этой стране, как говорят древние поэмы. Мы должны сказать, что те, кто пришел сюда, вышли из Армении в поиске земель для проживания, как и о других можно было бы привести многочисленные примеры, если бы не краткость, которой я следую.

В случаях же с семьями, которые вышли из Армении по разным причинам, либо же с обитателями Чили или Тукумана или теми, кто пришел вновь, ясно, что их побуждал к приходу в Пиру поиск земель для проживания.

Итак, царь Куско и владыки, его тести, готовились к свадьбе /13/, когда огромные толпы народа, без воинского строя или организованного лагеря пришли и разместились над городом Куско. Вид этого народа вызвал великое беспокойство Манко Капака и его тестей, и тех, кто был с ними. И что наиболее их удивляло, было то, что по Андам и в направлении из области жителей Коля [Colla], которая тогда была за ними, из такого числа народа вышло мало людей.

Манко показал в этом случае свое великодушное и доблестное сердце. Он расположил своих людей в хорошем порядке и распределил их по укрепленным и достойным внимания местам, отдав приказы военачальникам, которые должны были стремительно напасть первыми, и тем, которые во вторую и третью очередь, оставив других, чтобы они пришли на помощь в случае крайней необходимости. Владыки остались восхищенными, видя царя столь решительного и усердного, и всегда сопровождали его в походах.

И гораздо большее изумление он вызвал у толп народа, которые видели эти приготовления, и, поняв его намерения, главнейшие из них пришли туда, где находился царь, и сказали ему, что они пришли не воевать и не причинить какое-либо зло, но только искать хорошие земли, где жить, сеять и выращивать скот. И лазутчики и соглядатаи, которых послал Манко Капак, сказали то же самое, и он убедился, что это так, и указал этому народу северные области и южные, и так эти племена рассеялись по разным странам, /14/ не причиняя кому-либо ущерба, хотя из-за голода, который они испытывали, потравили посевы и увели овец, которых нашли, и они проходили шесть или семь дней.

Жители Куско приняли многих из них, а другие по своей воле остались служить Манко Капаку. Особенно привязались к царю некоторые работники [obreros], которые пришли вместе с этим народом. Они были людьми очень высокими и богатырского сложения. Другие предложили царю услуги, чтобы обрабатывать ему землю и поля, и были атомуруна [atumuruna], которые до сего времени считаются в Пиру простонародьем и подлым людом, занятие которых одно только земледелие.

Остальные прошли вперед и ушли, обосновавшись в Помакоча [Pomacocha], Киноа [Quinoa], Вайтара [Guitara], Чачапоя [Chachapoyas] и на равнинах, и многие из них не знали, с какой целью делают каноэ, и отплыли по реке Апурима, называемой Мараньон – как утверждают амаута, чтобы идти вниз по реке – на своих плотах.

Согласно древнейшему преданию, которое рассказывают индейцы округа аудиенсии Кито с восточной и южной стороны и с севера в разное время приходили большие толпы народа, как по суше, так и по морю, и заселили побережье моря Океана, и по материку вышли во внутренние области, из-за чего заполнили эти разбросанные царства, которые мы называем Пиру, как говорится в главе «С» первой книги.

/15/ С этими переменами и беспорядками из-за прихода стольких варварских племен в Куско владыки, которые пришли на праздники, вернулись в свои провинции и там собрали многих пришельцев, дав им земли.

Прошло много времени, и умерли эти владыки и великий Манко Капак, так и не решившись на его обещанный брак.

Он умер пятидесяти лет, на тридцатом [году] своего царствования среди многой скорби своих подданных.

Ему наследовал его сын и преемник Ванакви Пирва [Huancavi Pirua], первый этого имени и третий перуанский царь, который распорядился о некоторых составах [conficciones], чтобы предотвратить разложение тела своего уже покойного отца, посвятив ему особый храм как хранилище, пока не построили великолепный храм Солнца, который он начал, а затем закончили его преемники на площади Корианча [Coricancha], согласно особому предсказанию, которое он получил.

Глава 4. Как по смерти Манко Капака и соседних владык случились большие войны между их наследниками и об их прекращении вследствие особенного случая

Ванакви Пирва, как только получил правление, постарался установить покой во всем своем государстве, вступив в союз со своими соседями и их доверенными лицами, которые добивались мира и дружбы. Наследники же некоторых владык по истечении стольких лет забыли /16/ то, о чем их отцы договорились с Манко Капаком как из зависти к процветанию и успехам его сына,

так и из-за вмешательства дурных посторонних, из-за чего мало помалу верх взяли страсти и ожесточеннейшие войны, в ходе которых произошли разные события.

Случилось же, что во время одного утреннего нападения на сыновей Солнца («пятно» так называли жителей Куско) захватили среди других многочисленных пленников маленького мальчика, сына Ванакави Пирва, приведя его с большим торжеством вместе с кормилицей, и содержали его некоторое время в надежном месте. Они желали предать его смерти, медля для того, чтобы обязать ею и его жертвоприношением все войско и из-за такого зрелища иметь верный залог, что у них никогда не будет дружбы с сыновьями Солнца.

И вот, когда все собрались, они приказали вывести этого малыша (а он не переставал плакать во время своего плена ни днем, ни ночью), обнаженного, чтобы ему быть принесенным в жертву. И когда его поставили на место всесожжения, он начал плакать кровавыми слезами, что вызвало у всех изумление. По этой причине они не стали приносить его в жертву, а с большим почтением вернули кормилице и стали совещаться об этом случае с предсказателями и астрологами. Обдумав это никогда не слыханное и не виданное чудо, те ответили, что следует вернуть дивное дитя его родителям, ибо от этого последует мир с ними, а в противном случае их будет преследовать враждебная судьба, и Солнце будет их противником. Из-за этой угрозы они решили /17/ вернуть ребенка его отцу, отправившись со многими дарами и попросив Ванакави, чтобы отныне и он имел их друзьями.

Царь Куско принял это посольство с большой радостью и в знак мира, о котором его просили, приказал устроить большие празднества и развлечения, великие пиры и танцы, на которых его сопровождал главный военачальник соседних владык.

А между некоторыми из них уже возникали большие раздоры, из-за которых власть претерпела ущерб, и войны. И царь Манко выступал как третейский судья, чтобы примирить их, оставляя одних и других весьма обязанными. И они служили ему отныне и впредь со всей верностью. Это сохранилось и еще укрепилось, так как Ванакави женился на дочери владыки селения, называемого Ильяка [*Hillaca*] в долине Лукай [*Lucay*]; эту госпожу звали Мама Микай [*Mama Micay*], от которой у него было много сыновей.

Уже в это время первородный сын Ванакави по имени Синчи Коске [*Sinchi Cozque*] был юношей цветущего возраста и красивого сложения, и был любим и обожаем всеми подданными своего отца.

Амаута говорят, что из этих времен происходят сведения, по древнейшему преданию, передаваемому из уст в уста, что когда царствовал этот князь, у них были буквы, и их знатоки, называемые амаута, и они /18/ учили читать и писать, и главной наукой была астрология.

О том, что можно добиться и что писали на листьях банана, высушивали их, а затем на них писали, кажется, говорит Иоанн Коктовито² «стерто», что древние

² Cotouito.Lib.14,f.92.

писали на этих листьях, и что линии, которые до сих пор используются в итальянских пергаментях, должны были быть взяты оттуда. И в Чили, когда дон Алонсо де Арсилья не имел бумаги для своей «Арауканы», один индеец заменил необходимое листьями банана, и на них он написал очень большие отрывки, как говорит отец Акоста, 6. Писали также на камне, и оказалось, что один испанец нашел среди зданий в Киноа [*Quinoa*], в трех лигах от Ваманки [*Guamanga*], камень со знаками, и не было никого, кто понимал бы их, и подумали, что там была записана память о ваке [*Guaca*], и он сохранил камень, чтобы лучше понять эти буквы. Перуанцы утратили их из-за одного события, которое произошло во времена Пачакути Шестого, как мы увидим в своем месте.

Ванакави достиг немощного возраста, и когда настал его смертный час, он созвал всех своих сыновей и дочерей, и под всеобщий плач попрощался с ними, оставив их, и дал наказ, чтобы они подчинялись как своему царю и владыке своему старшему брату Синчи Коске.

Ванакави умер в 90 лет, будучи на царствовании пятьдесят, и его сын Синчи Коске соорудил для него особую могилу, поместив его в особом храме до того, как был создан Солнечный, который уже пытались начинать /19/ возле великолепных сооружений города Куско. Его работе мешала зависть, которая завладела соседними владыками, которые, видя, что он молод и что он не был сыном Мамы Микай, их родственницы, жены Ванакави, его отца, и пренебрегая советом стариков, попытались начать с ним войну, и с оружием в руках подошли к Куско. Царь со всем мужеством вышел встретить своих врагов. Они хвастали, что должны сделать его своим данником и лишить власти. Царь более доверял своей справедливости, чем силам, так как спешка не позволила ему ни собрать их, ни построить в боевой порядок.

И он дал бой своим врагам, который был очень кровавым, вместе с народом, называемым мичина [*Michina*], возле одной лагуны, до которой враги отступали, громя их и убивая многих. Он сохранил жизнь главарям, а затем в ответ на их дерзости лишил их не только владычества, но и жизни. Поступив столь доблестно, Синчи Коске возвысил свое царство и славу, и сделался очень уважаемым всеми своими соседями.

Он победоносно вернулся в Куско и затем постарался отстроить его. Он приказал построить дома из камней, которые добывали в той же местности, заполняя пустоты землей и маленькими камнями, а также доставляя большие камни из других частей *царства*, но невозможно выяснить, откуда. Обработывали их кайлами [*fricas*] и топорами из речного камня, заостряя их, как будто бы они были из стали. Одни должностные лица приходили им на помощь в обработке инструментов, другие – камней, другие – зданий. Чтобы поднимать камни они не имели блоков [*gruas*], но использовали с этой целью насыпи. Они шли от текущей середины стены /20/ до последнего ряда камней, и мускульной силой людей затаскивали, переворачивая, камни, какими бы большими они ни были, и добавляли их к кладке стены, очень медленно и ровно. И говорят, что этот город называется Куско, получив имя царя, который его начал.

Прожил Синчи Коске более ста лет, процарствовав более шестидесяти. Говорят, что он был очень мудрым, и что научил обрабатывать землю плугами, которые до сих пор используют названные. И говорят, что в это время исполнилась тысяча лет после потопа, и по этой причине его называли также Пачакути [*Pachacuti*], и он был первым, кто использовал это имя.

У этого царя было много сыновей, так как он имел обычай, чтобы ему служили многие женщины. И он был очень старым, когда в Куско произошли волнения, которые повергли его в смятение.

Глава 5. Об уважении, в котором пребывал Синчи Коске Пачакути и его сыновья и родственники, и о счастливом исходе войн, которые владыки Антавайльи вели против них

Среди прочих сыновей, которых имел Синчи Коске, был один, называемый Инти Капак Йупанки [*Inti Capac Yupanqui*], юного возраста и самый младший из всех, чьи подвиги мы увидим чуть позже, ведь из-за них он заслужил унаследовать царство. Он имел многих братьев, хотя ни одного такого же доблестного как он, потому что его отец имел в своем распоряжении многих женщин, и по этой причине эта /21/ семья разрослась, и из ее членов можно было создать войско.

Царь Синчи Коске был очень стар и немощен, но более уважаем во всем своем царстве и многими другими владыками, кроме своего владычества также потому, что они считали его сыном Солнца и верховным жрецом Итатиси Йачачик Виракоча [*Itatiçi yachachic Huiracocha*]. Так владыки из самых отдаленных местностей приходили к нему почтить его особу большими пожертвованиями и подношениями для создания храма и службы в нем, которую, хотя он еще не был закончен, совершали там жертвоприношениями, и спрашивали о своих судьбах и событиях при посредстве главного жреца, который всегда находился в храме. И управлял этим брат царя, или самый близкий родственник, из-за чего цари Куско были весьма прославлены.

Пачакути жил в великом спокойствии и намеревался выдать своего сына Инкапака [*Incapac*] за одну госпожу, дочь владыки Чока [*Choc*], что близ Куско, по имени Мама Анаваик [*Mama Ana Huaic*], и это произошло по истечении его дней.

Об этом Пачакути древние амаута говорят, что он овладел всем царством Пиру, за исключением области Чачапоя и части равнин, до области Кито, которую вскоре обнаружил, и только через многие столетия была вновь объединена эта империя. Причина, по которой она так выросла, была следующая.

Среди прочих областей, которые имеются в царстве Пиру, есть одна большая и обширная у чанков [*chancas*], называемая Антавайлья [*Antaguailas*], отстоящая от Куско на тридцать шесть лиг. Ею правили два отважных и воинственных брата. Старшего из них звали Ваман Варока [*Guaman Huaroca*], а другого Акос Варока [*Hacoz Guaroca*].

Они с горделивостью юности и вследствие /22/ некоторых удач, с которыми положили начало своему правлению и из-за которых подчинили некоторых соседних с собою владык, вознамерились расширить свое владение, и мало помалу нападали на земли соседей.

Были знамениты области Контисуйо [*Contisuyo*] и Тукасуйо [*Tucasuyo*], и они напали на них и подчинили их, и прошли вперед, опустошая земли тех, кто не изъявлял им покорности. Они подчинили область Кольясуйо [*Collasuyo*] и пришли к чиригуанам [*chiriguanas*], в область крестьянского народа, воинственного и храброго, и после нескольких стычек обратили их в своих подданных и оставили там гарнизоны и наместников, как делали это и в других областях.

При таких победах они возвратились с намерением сделаться владыками всего мира, и так как Куско, где был царь Синчи Коске, лежал позади, они приняли решение взять этот город и обратить в рабство царя Пачакути. Чтобы начать эту войну, имели разные совещания между собой эти два брата и их военачальники, так как одни говорили, что нет причины гневить Солнце, отца Пачакути, ведь он своим впечатляющим и сияющим светом благоприятствует всем творениям, и не было бы справедливо ни войти в Куско, ни вооруженной рукой осквернить его храм. Верх взяло противоположное мнение, и они решили, что, если царь не подчинится по добру, вести против него жестокую войну. Для этого они отправили двух посланцев, сопровождаемых множеством народа, /23/ которые сказали Пачакути о намерениях владык Антавайльи.

Они явились в присутствие царя и предложили ему свое посольство с должной почтительностью, а он ответил им, чтобы они отдохнули несколько дней с тем, чтобы вскоре быть отпущенными. Царь разослал по всей стране лазутчиков, чтобы они посмотрели, как много людей имеет неприятель, какие у него нравы и оружие, какой способ становиться лагерем, и дела, которыми он занят, и в это время вели переговоры с посланцами со всей вежливостью и учтивостью, несмотря на то, что подданные царя и народ Куско был так возбужден, что если бы не добрые слова и уловки военачальников, ушел бы в горы, особенно из-за того, что рассказывали некоторые соглядатаи, из чего выяснилось, что они вероятно говорили по секрету о том, что увидели, и о том, что узнали о неприятелях. Воистину, это были вещи, внушающие большой страх.

Соглядатаи рассказывали, что число народа было бесчисленным, что это люди свирепейшего нрава, и что их что их барабаны и раковины, когда они на них играют, заставляют дрожать землю, что в их лагерях они имеют обычай устраивать пьянки, что начальники войска бодрствуют и очень бдительны, но что у них нет охраны, кроме царской, и что большинство войска или спит, или пьет.

Царь Синчи Коске имел много советов и собраний, и на них /24/ разные мнения, и принял в качестве окончательного решения подчиниться царю народа Антавайльи как из-за малочисленности людей, которые к нему пришли, так и потому, что был уже стар для тревог войны, а если это мнение покажется им неприемлемым, чтобы они ушли вместе с ним в крепость, которая была построена

в Йакравана [*Yacraguana*], что в четырех лигах от Куско, и чтобы там они действовали по обстоятельствам.

Одни приняли мнение царя, другие его отвергли и, придя к царю со всем смущением, решили уйти из Куско и удалиться в названную крепость со своими женщинами и малыми детьми до тех пор, пока небо не прикажет им по этому поводу и они не будут иметь каких-либо средств, чтобы сразиться с людьми из Антавайльи. Одной ночью они исполнили свое решение, и в полной тайне вышли из города, оставив его безлюдным.

Царевич Инти Капак Йупанки, младший сын Синчи Коске, созвал своих братьев и других, кто остался в Куско, и сказал им, что он имел откровение от отца-Солнца, и оно сказало ему, чтобы он без страха напал на своих врагов с небольшим числом народа, чтобы он знал, что оно ему поможет и явит себя всегда благосклонным, и для этого дало ему золотые жезлы и его болас [*estolica*], которые он им предъявил.

Так говорят поэмы перуанских поэтов, что эти жезлы имели такую силу, что всякий раз, когда один из них бросали, множество народа валилось на землю и падало без сознания.

Царевич сказал это с такой пылкостью, /25/ что склонил их всех к своему мнению, и они обещали умереть на его стороне вместе со всеми военными. И он приказал провести к себе послов и от имени своего отца ответил им так, что, поскольку цари Куско являются сыновьями Солнца и служителями [*ministros*] Ильятиси Виракоча, они не могут быть ничьими подчиненными, и что он был весьма изумлен, что их владыки, которые должны были бы смиренно явиться, дабы почтить Ильятиси и Солнце, его отца, принесли дары и жертвоприношения для его храма за столькие победы, которые оно им даровало, пришли беспокоить их и воевать «Это я сказал бы тем, кто вас послал, а мы остаемся спокойными и мирными в наших домах и не можем никому служить и подчиняться».

С этим ответом послы ушли в свой лагерь и передали его своим владыкам, и те без промедления выступили, приближаясь к Куско. Царевич был в Куско, уже приготовившись, и со своими людьми вышел в поле, постоянно заботясь о том, чтобы знать, что происходит у врагов через своих соглядатаев, которых по обычаю имел с собой, и от которых каждый час и минуту царевич знал, что делает противник, который, зная об отсутствии царя, и уверенный в своем численном превосходстве, не заботился о том, чтобы знать, что делает неприятель.

Царевич, пользуясь этой беспечностью, решил со своими военачальниками, что они нападут на противников /26/ перед рассветом, за час или два до наступления дня, потому что тогда, из-за пьянки предыдущей ночью, они будут спать. И это принесло им победу. Ибо, когда враг находился в дневном переходе от Куско, царевич со своими вышел со всей поспешностью в ночной тьме, ведомый звуками боевых музыкальных инструментов, звучавших <стерго> в лагере противника в первую и вторую стражу, которые сотрясали землю; царевич со своими людьми в назначенный час и в полном молчании ворвался в лагерь, нанося великий урон врагам.

Увидев неожиданно обрушившихся на них, они похватали оружие и, не зная, против кого сражаются, убивали друг друга. Люди царевича имели приказ окружить палатки владык Антавайльи и захватить их живыми, как и сделали. Кольцом они подошли к их хижинам и сражались так доблестно, что погибли уже почти все их охранники. Они пришли схватить двух братьев, которые оставались спокойными, как будто бы были сделаны из камня. Царевич Инти Капак Йупанки приказал связать им руки и сказал им, чтобы они приказали своим сдаться, в противном случае он прикажет их убить. Они сделали так, и вскоре одни и другие остановились, и битва прекратилась, и рев музыкальных инструментов, и так они оказались покоренными до того, как занялся день.

Плененные братья были напуганы угрозами /27/ царевича, и когда он увидел их уже слишком запуганными, он сказал им, чтобы они созвали всех начальствующих из своего лагеря, и когда они пришли, царевич заставил, чтобы сначала братья, а затем военачальники изъявили перед ним покорность в присутствии всего войска, что они сделали со всем смирением и уважением, и без каких-либо других тягот. Царевич обошелся с этими побежденными братьями с таким великодушием, что отослал их в их области после того, как они искренне пообещали быть его подданными, опустившись на колени перед Солнцем. Затем они ушли, очень довольные, что остались свободными после столь сурового испытания, которому никогда не подвергались.

Здесь амаута измышляют, в соответствии с древним преданием, многие поэтические вольности и басни, говоря, что Солнце двигалось над царевичем и его людьми с большим сиянием, чем обычно, и, наоборот, над противниками была сплошная ночная тьма, и что, когда люди царевича подошли к палаткам братьев, и имели битву с первыми, кого встретили, то Солнце, чтобы исполнить обещание, данное своему сыну Инти Капаку, превратило камни лагеря в людей и рассеяло над ними свои лучи для того, чтобы видели это проявление, и что из-за этого тотчас сдались враги, а после битвы они опять превратились в камни.

Царевич вернулся в Куско, где уже находился его престарелый отец Синчи /28/ Коске, ожидая счастливого сына, который, торжествуя, вошел в город. Там его встречали со многими песнями и приветствиями, в которых желали счастья за победу и свободу отечества. Старый отец не ограничился тем, чтобы обнять его, проливая обильные слезы радости. Вскоре в присутствии войска он провозгласил его царем, и почтил его права, передав ему власть и господство, что произошло с одобрения царской семьи и всех данников. И он стал пятым перуанским царем.

Глава 6. О вещах, которые упорядочил в Куско Инти Капак Йупанки в области религии и правления

Через немного дней после того, как Синчи Коске отдал царство своему сыну Инти Капаку, он умер, как мы уже сказали, в возрасте более ста лет, будучи правителем шестьдесят.

Сын устроил ему великолепные похороны и принес великие жертвы в храме Солнца, для того, чтобы доставить ему благое отдохновение [ospedaxe] среди прочих своих предков.

После того, как прошли похороны, он приказал позвать некоторых родственников владык Антавайльи, которых он привел с собой и умышленно задержал их более, чем на три года, обеспечив им хорошее обращение, и чтобы они всегда занимались работами и делами его высшей власти, из-за чего они очень привыкли ко двору Ин Капака, видя также дела мирных областей. Он приказал им /29/ вернуться к себе, обязав их хранить верность и иметь страх перед Солнцем, его отцом, который имел такое расположение к нему и проявил такую неприязнь к ним.

Радужное гостеприимство, оказанное им царем, и новости о его победах, которые распространились во все стороны, послужили причиной того, что почти все владыки Пиру послали свои посольства и дары Ин Капаку, который отпускал их со всей благосклонностью, особенно владыку Вайтары [Huaytara]. Он прислал сказать ему, что хотел бы следовать его религии и построить храм в честь Солнца, и что он послал туда работников, чтобы они взяли модель того, который создан в Куско, и чтобы они вернулись хорошо обученными способам обрабатывать камень и строить царский дворец, который он посвятил религии. И он сделал все, о чем к нему послал вайтарец, давши его чиновникам многочисленные инструменты и обучив способам обращения с ними, отчего они вернулись радостнейшими. А другие владыки послали к царю своих сыновей, чтобы они служили ему, с богатыми дарами золотом, и серебром, и одеждами.

Находясь среди всеобщего мира, царь Ин Капак решил упорядочить свое государство [su rrepublica], ибо нашел его весьма варварским в части законов и культа. И так первым, что он приказал, было, чтобы признали Верховным Творцом Ильятиси Виракочу [Illa Tiçi Huiracocha] и Солнце – отцом его предшественников, не запретив идолов, которых те имели для личных дел, вещь, которая впоследствии вылилась в великую испорченность, ведь было столько идолов, также как привела к событиям и лицам, из-за новшеств у племен чужеземцев, которые пришли в Пиру, как /30/ мы увидим в своем месте.

После этого Инти Капак занялся политическим устройством государства с тем, чтобы при помощи его законов управлялось все его царство, и чтобы во всем нем было управление.

Первое, с чем он согласился, было разделить город Куско, который уже был весьма населенным и с великолепными зданиями, которые начали строить во времена его отца, на кварталы, которые он различил. Главный он приказал называть Ананкоско [Anancozco], что означает «Верхний Куско» или «Верхний квартал», а другой назвал Уримкоско [Hurimcozco], что значит «Нижний Куско» или «Нижний квартал».

Первый квартал он разделил на пять или шесть улиц и отдал в управление сыну-наследнику, и назвал его Капак айлью [Capac ayllu], что означает

«Главнейшая часть». Он заселил этот квартал людьми из всех сословий [estados] и племен и дал улицам их названия.

Второй квартал, называемый Уринкуско, он разделил на другие пять или шесть улиц, и управление им дал второму сыну, и населил его разными людьми.

Об этом делении старые индейцы говорят, что Инти Капак³ сделал его с особыми намерениями, так как вместе с делением и подразделениями разделились в некоторой степени и привязанности, так что, если бы в городе случился бы какой-нибудь мятеж, они не были бы единоклассны, и потому, что, будучи так разделенными между разными кварталами и правлениями, можно было иметь лучший счет и сведения о народе, когда царь имел в них необходимость или для войны, или для каких-нибудь общественных работ, или для какого-либо другого случая, или для уплаты /31/ налогов, и можно было бы без затруднений иметь сведения обо всех. А главнейшая причина этого соперничества и разницы во мнениях, которые вызвало это деление и размежевание, была та, чтобы люди из одной части заботились о том, чтобы превзойти людей из другой, и это соперничество делало бы их известными в их службе и умениях.

О таком же распределении и разделении Инти Капак приказал, чтобы их произвели во всех городах его царства, и для этого разослал срочный приказ своим наместникам.

Точно также он приказал, чтобы и все царство разделилось на две части, называя одну половину Анансайак [Hansayac], а другую половину – Уринсайак [Hirinsayac], что означает «Те из верхней части» и «Те из нижней», и это подразумевалось не в смысле вещественного характера [lo materia] царства, а касалось людей, из которых одни были большими, а другие меньшими. И так, когда царь созывал жителей какой-либо области или приказывал им выполнить какую-нибудь общественную работу, имели разные места люди из Анан Сайак и из Урин Сайак, вследствие чего царь имел свое царство хорошо управляемым, так как лично знал о своих подданных, о чем особенно заботился этот царь.

И после того как Пиру было разделено, как мы рассказали, он приказал, чтобы каждая часть управлялась по сотням, и чтобы те, кого называют пачака [Pachacas], имели в своем распоряжении по сто человек, а над этими сотниками были другие, которые имели в своем распоряжении по тысяче человек и десять сотников, и они назывались варанко [Huarangos]. Над ними имелись высшие начальники, называемые уно [Hunos], которые приказывали /32/ десяти тысячам человек, и они всегда были владыками областей.

А над этими уно этот царь распорядился поставить лицо, называемое токрирок [Tocricroc], который был как вице-король и всегда был близким родственником царя или из ближайших домашних.

Токрирок, что означает «Надзиратель» [Vehedor], имел заботу следить и знать обо всех происшествиях в царстве, как для того, чтобы устранять злоупотребления, так и затем, чтобы соблюдали справедливость и мир.

³ В тексте главы – *Itin Capac*

Незначительные дела разбирали сотники, а также, если дело не было серьезным, и его не разбирали токрикрок, не сообщая царю, а если выносился смертный приговор или назначалось суровое наказание, это делал царь.

На должностях в сотнях, варанко и уно должны были быть люди в возрасте от двадцати шести лет и до пятидесяти. Среди прочих вещей они сообщали царю, сколько стариков и старух, холостяков и дев больных, парализованных и увечных было в государстве, чтобы изыскать подходящие средства для их нужд.

Холостякам, когда им исполнялось двадцать шесть лет, они приказывали жениться, а девушки, которым исполнилось пятнадцать лет, должны были выйти замуж, а когда они не хотели, их приказывали поместить в некоем убежище [irresojimiento], одних для служения Солнцу, а других, чтобы им прислуживать, что затем превратилось в непристойное использование [vso postrano], как мы увидим. Они назывались *мамакона* [mamaconas] или *альякона мамакона* [allaconas mamaconas], то есть «женщины для служения Солнцу».

/33/ Этот царь установил один закон, который нерушимо сохранялся, и до сегодняшнего дня испытывают уважение к тому, чтобы в каждой области как мужчины, так и женщины имели бы отличие с тем, чтобы по нему могли бы быть узнанными. Это охранялось с такой суровостью, что если какие-нибудь мужчина или женщина пришли бы без указанного отличия, они были бы наказаны, так как по нему царь узнавал, видя отличия, из какой он области. Одни носили заплетенные волосы, другие – распущенные, другие помещали в них обручи, как у сита, другие – кусок ткани, другие – пращи, повязанные на голову, другие – косы, и каждую область узнавали по ее головному убору или по ее одежде.

Чтобы быть узнанными, благородные мужчины царской крови имели проколотые уши с отверстиями, в которые помещали большие диски из золота или серебра; из-за этого испанцы называли их «длинноухими» [orexones]. Знатные женщины различались платьем и обувью, которые не были позволены жительницам других областей и еще менее подданным в Куско. Их называли палья [*Pallas*].

Глава 7. О других вещах, которые упорядочил царь Инти Капак для доброго управления своими царствами, и о его смерти

Инти Капак полагал, что царю было необходимо находиться, /34/ как сердцу, в центре его царства, и он установил, чтобы место царских приемов [asistencia de los Reyes] было в Куско, чтобы находиться посреди него.

Для должной быстроты |сообщения| он приказал, чтобы по дорогам были посты, которые мы называем *часки* [chasqui]. Расположение их было таково, чтобы каждую лигу, которая равняется двум испанским, на них имелись два или три домика, в которых было одно и то же количество людей на постоянном дежурстве, и об этих домах, расположенных вблизи царской дороги, заботились, и люди сменялись ежемесячно, так как один дежурил, а двое других переносили

послания, один в одну сторону, а другой в другую, и, не останавливаясь ни на миг, они возвращались в свои жилища, и это было столько труда, ибо бывали дни, когда они проходили по двенадцать и по четырнадцать лиг. Они сменялись каждый месяц.

Что касается сообщений, которые наместники посылали царю или царь наместникам, они имели большое разнообразие, как, например, в них содержались успехи этих царей. Когда у них были буквы и цифры или иероглифы, они писали на банановых листьях, как мы сказали, и один часки передавал лист другому, пока он не достигал рук царя или наместника. После того, как они утратили буквы, часки передавали послание один другому, и очень хорошо понимали их, и таким образом по цепочке они доходили до лица, которому направлялись.

Перед тем, как *часки* прибывал в место, где находились другие, он громко кричал им, выходил другой и получал послание, и без задержки /35/ шел со всей быстротой до того места, где находился другой бегун. И таким образом эта почта переходила из рук в руки с такой быстротой, что за три дня проходила пятьсот лиг.

С тем же прилежанием они служили царю, когда он желал какого-либо подарка, которого не было в области, где он находился, и годы спустя, когда перуанские цари подчинили Кито и расположились в нем некоторое время, они ели рыбу из залива и рыбу из моря, пойманную в порту Тумбес. Ее доставляли царю живой в Кито, находящийся в ста лигах, за двадцать четыре часа. Такой бегун назывался *часки*, что означает на их языке: «Тот, кто получает», потому что он брал и получал послание от другого.

Этот царь установил также, чтобы были наставники, которые обучали бы юношей занятиям военным делом и обращению с оружием, с позволением, чтобы из них выбирались самые способные и умелые, а тех, кто не проявлял себя на этой службе чтобы готовили к другим занятиям, как мы увидим в другой части.

Счет времени, который угасал, он возобновил таким образом, что с этого царя время считалось общепринятыми годами в 365 дней, и часами, а затем декадами, определяя для каждого десяти по сто лет, и каждого десяти декад по сто – /36/ тысячу лет, называя их капаквата [*Capahuata*] или интипватан [*intiphuatan*], что означает «Большой год Солнца», и таким образом считали века и царствования великими солнечными годами.

Между ними общепринято, говоря о каком-либо перуанском царе и о событиях, произошедших в его царствование, говорить: “*Ysa ay intipi alliscampum cau ay caria*”, что означает: «После того, как минули два Солнца случилось то-то и то-то».

И непонимание этого языка побудило лиценциата Поло де Ондегардо [Polo de Ondegardo] сказать, что инки не имеют древности более 450 общепринятых лет, которые должны были быть большими годами или Солнцами из тысячи лет, которых было 4500 и которые прошли после потопа, если только нам не следует говорить, что это правление собственно инков [gouierno especial de los ingas] было 400 лет в этой части, что правильно, как мы увидим в своем месте.

И также имели представление о високосе, вследствие наблюдений, которые астрологи совершали за разными положениями [apartamento] Солнца на линии [экватора], которую отметили как раз у Кито, где, как мы говорим, она проходит, при помощи неких огромных стен, которые и сегодня видно.

Этот царь прожил более ста лет и еще при жизни приказал править Манко Капаку, второму этого имени, ибо видел у него добрые нравы и был удовлетворен его доблестью и благоразумием, и после того, как прожил несколько лет в достопримечательном убежище и в одиночестве возле Храма Солнца, там и умер, оставив великую скорбь во всем своем царстве, и многие о нем плакали, и поставили статую среди /37/ его предков, и подчинились как царю Манко Капаку. Инти Капак царствовал более 50 лет.

Глава 8. О небесных знамениях во времена Манко Капака, второго этого имени

Как только Манко Капак положил конец оплакиванию его отца, которое длилось многие дни, он отдал приказ, чтобы из областей его державы были проложены царские дороги в Куско, разровняв опасные переходы и приказав сделать мосты через реки. Он установил, чтобы были тамбо [tambos] или строения постоянных дворов через каждые три лиги и четыре, и чтобы их снабжали людьми и всем необходимым из ближайших областей, за чью службу они имели возмещение. И тогда не было столько порядка [poliçia] как позже, во времена других царей, как мы увидим.

Он приказал также, чтобы служители Ильтисии Пирва Йачачик Виракочи [Illatici Phirua yachachic Huiracocha] жили в великом уединении и скромности, в такой степени, что если кто-то в чем-либо нарушал их, его хоронили заживо. Верховным жрецом он назначал им своего брата или самого близкого родственника, чтобы он предшествовал им на торжественных жертвоприношениях.

Он приказал также, чтобы имелись дома-убежища для женщин, которые должны были служить в храме, и которых называли «Матерями Солнца», /38/ и они были так уважаемы, что тот, кто их разглядывал и касался, наказывался с большими мучениями.

Манко Капак Йупанки правил своим царством в полном мире, хотя его полководцы вели некоторые войны против жителей Тукумана [Tucuman], которые вторглись в земли чича [chichas].

По истечении нескольких лет объявились две ужасные кометы, появившиеся в виде льва и змея. Царь приказал собрать астрологов и амаута из-за того, что произошли достойные внимания затмения Солнца и Луны, и они советовались с идолами, и демон дал им понять, что Ильтисии хочет разрушить мир из-за их грехов, и для этого послал льва и змея, чтобы уничтожить Луну.

И тогда собрались все женщины и дети, и издавали жалобные вопли и плакали с очень жалкими стонами, заставляя собак, чтобы они выли, ибо

говорили, что слезы и вздохи невинных больше взволнуют верховного творца, а военные выстроились, готовые воевать, играя на раковинах и барабанах, и меча многочисленные стрелы и камни в сторону Луны, имея намерение ранить льва или змея, так как говорили, что этим способом они пугали их для того, чтобы они не разорвали в клочья Луну. Они полагали, что если бы лев и гад сделали бы свое дело, они остались бы во тьме, а все орудия мужчин и женщин попревращались бы во львов и гадюк, а женские веретена – в гремучих змей, а ткацкие станки – в медведей и тигров и других ночных животных, /39/ и по этой причине и сегодня перуанцы так кричат, когда происходит затмение.

После того, как были принесены в жертву многие юноши и девушки, и мужчины и женщины из золота и серебра размером в одну треть *[вары]*, их всех предали огню, за исключением юношей, так как говорили, что затмение Солнца означало смерть некоего великого владыки, и измышляли, что из-за нее Солнце облачилось в траур, и поэтому закапывали живыми юношей, для того, чтобы они должны были для всеобщего Творца своими смертями заменить смерть владыки.

Немного спустя после этих чудес случилась в Пиру такая великая чума, что, как говорили древние, многие области обезлюдели из-за смерти многих владык и простолюдинов. А к ней присоединилась засуха, столь сильная, что длилась пять лет таким образом, что реки, которые орошают равнины от Тумбеса до Арики пересохла, из-за чего обезлюдела почти вся эта земля, оставив кое-каких немногочисленных обитателей на побережье, которые кормились безмерным трудом.

При таком стечении обстоятельств умер Манко Капак, уже в преклонном возрасте, владея царством двадцать лет, и ему наследовал Топа Капак *[topacapas]*, первый этого имени. Его сын Инти Капак Йупанки *[Tinicapas Yupanqui]* жил во многих трудах, удалившись в течение нескольких лет в Анды, и когда получил известия, что погода улучшилась, пришел в Куско, где нашел мало народа, как и в остальных областях.

/40/ Здесь амаута придумывают большие вымыслы и басни о сокращении Куско, и людей, и семей, которые оттуда исчезли, и как они вернулись и жили в большой неразберихе и возвратились в первобытное состояние.

Оставив же басни, то, что кажется более обоснованным, состоит в том, что среди многих сыновей, которых имел Инти Капак, одним был Титу Капак Йупанки *[Titucapas Yupanqui]*. Он был юношей великой доблести и, получив власть, подверг многим наказаниям в городе Куско тех, кому было противно древнее правление, и из-за этого оставил город покорным, и затем обошел *[остальные]* области, и, не предупреждая, нападал на них и, внезапно захватывая главных в них, лишал их жизни для того, чтобы было легко подчинить их владения.

Будучи уже старым, он передал правление Инти Капаку Пирва Амару *[Ynticapas Pirua Amaurri]*. Случилось же, что этот Амару был другом низких людей *[gente podrida]*, и они попросили его отца, чтобы он забрал у него власть, и тот, хоть и с болью, сделал это.

Юноша, огорченный, ушел из Куско с некоторыми друзьями, которые сопровождали его, и ему был дана такая искусность, что, следуя по следам своего отца, он завершил умиротворение Кольяо [Collao] и части чарков [charcas], и, когда он вернулся в Куско, его приходу радовался его отец и весь город, от того, что увидели его возвращение. За его нрав он был очень любим всеми, и амаута утверждают, что он прожил более 80 лет в полном счастье.

/41/ Этот князь оставил наследником Капак Сайва Капака [Capac Sayhuacapas], своего сына, чья жизнь была очень мирной, и он царствовал более 60 лет и умер в возрасте более 90.

Он оставил наследником Капак Синчи Йупанки [Capac sinia iupanqui], о котором амаута не рассказывают ничего примечательного, кроме того, что он был очень тщателен в исполнении предписаний и благодарен своим богам, сделав для них многочисленные святилища – вакам [guacas], Итатиси, Солнцу, своему отцу, и своим прародителям. Он умер в преклонном возрасте, прожив более 90 лет и процарствовав 40. Он оставил наследником Айартако [Ayartaco].

Глава 9. О том, что произошло во времена этого царя в Куско и о происхождении великанов в Перу

Царь Айартарко Капак [Ayartarco Capac] в великом спокойствии находился в Куско, когда гадатели и предсказатели сказали ему как, желая смягчить гнев Итатиси, они нашли очень плохое предзнаменование во внутренностях овец и баранов, принесенных в жертву, и выразили царю беспокойство из-за этого.

А через малое число дней пришла новость, что на равнинах высадилось с плотов и лодок, которые составляли огромный флот, большое количество странных людей, и что /42/ они двигаются, заселяя в первую очередь берега рек, и что люди огромного роста прошли вперед, и амаута утверждают, что были неисчислимы племена и народы, которые пришли в это время.

Как только царь узнал об этом прибытии, он послал узнать, что это был за народ, какое наступательное и оборонительное оружие носил, и какой у него образ жизни. Вернулись лазутчики и рассказали, что повсюду, куда они приходили, и где были люди, они оставались и подчиняли всех на земле, и что они расселились на равнинах, а некоторые стали жить в горах, и что они управляются беспорядочно.

Узнав об этом, Айартарко Капак предупредил своих полководцев и военных, чтобы они были готовы к тому, что могло бы произойти, но это не было необходимо в этом случае, так как чужаки остались на равнинах, полагая, что невозможно, чтобы имелись люди за такими высокими и суровыми горами, за исключением некоторых малых, которые они перешли и поселились в Вайтаре [Guaytara] и Киноа [Quinoa], оставив некоторые здания, которые оказались начатыми инструментами из железа, которые они принесли из своих земель.

Те, кто остался в Пачакаме [Pachacama], сделали великолепный храм творцу всех вещей в знак благодарности. Здесь амаута, путая происшедшее, измышляют, будто бог Пачакама [Pachacama], что означает «творец», создал эти бесчисленные

народы в море и привел их в эти пределы, и поэтому его называют «творец» в Пачакаме.

/43/ Лазутчики рассказали также, что огромные и рослые люди дошли до мыса, который сегодня мы называем Санта-Елена, и стали господами этой земли от Пуэрто-Вьехо, и что местные жители поубегали от них, потому что они причиняли им телесное зло, и не только, по моему мнению они бежали от греха, так как те предавались также содомии, но и из-за вреда, который наносили их орудия, которыми они лишали их жизни.

Но таковы были преступления этих великанов, что Божие Правосудие взяло на себя их наказание. И чтобы их наказать, в один миг был послан огонь с небес, который внезапно поглотил их. Здесь амаута измышляют, будто их отец Солнце обнял их раскаленными лучами, так как в противном случае они разрушили бы мир.

В память об этом находят кости, которые Господь сохранил как пример, от пришельцев. Видели кость от колена и ниже в человеческий рост, и также видели на том же мысе Санта-Елена колодцы, сделанные в скале, где собирается очень свежая вода, прекрасную работу, достойную большого восхищения.

Царь Айартарко, опасаясь тех людей, которые поселяли некоторые местности в горах, например, Кахамарку и Вайтару, и все равнины, вышел из Куско с многочисленным войском с намерением подчинить их и принудить их, дошел до Антавайльи и там узнал новости, что враждебный народ многочислен и ужасен. Он изменил мнение и удовлетворился тем, что оставил гарнизоны в Вильке [*Vilcas*] /44/ и Лиматамбо [*Limatambo*], отдав строгий приказ начальникам, чтобы они не пропускали к Куско эти столь чуждые народы.

Но, мало доверяя чужому усердию и лишившись сна из-за боязни врагов, он пожелал расположиться в нынешнем Лиматамбо в противоположность им, так как знал, что они действуют сообща и сильны на равнинах. Против этого он расположил своих людей таким образом: в горах он поместил многих воинов с валунами и большими камнями, чтобы они помешали проходу врага, заставив его идти по дороге, которая у Лиматамбо узка, и там поместил главные силы своих людей.

Среди этих занятий, утомленный и обессиленный такими изменениями, которые приносил каждый день, он умер, процарствовав 25 лет.

Он оставил наследником Васкар Титу [*Huasca Titu*], первого этого имени и двенадцатого перуанского царя, который перенес тело своего отца Айартарко Титу в Куско, в дома Солнца, как тот ему приказал, и после того, как совершил погребение, вернулся в Лиматамбо, чтобы продолжить строительство крепостей, которые начал его отец против названных чимо [*chimos*], а также против чужеземцев, называемых равным образом чужеземцами из Трухильо, которые были еще воинственней, чем Чимо [*Chimo*], их царь и военачальник. Каждый день они приободрялись от новостей, что чимо с каждым днем приумножались и усиливали крепости и оружие для того, чтобы быть хорошо подготовленными в своих домах /45/ к походу для завоевания Куско.

С заботой о том, как сопротивляться им, Васкар Титу [*Huascartitu*] прожил всю жизнь, пока его не забрала смерть, прожив 64 года и процарствовав 50.

Этот царь имел многих сыновей, и оставил наследником Киспи Титу [*Quispi Titu*]. И он был тринадцатым перуанским царем. Этот был очень любим своими данниками, и о нем не рассказывают никаких замечательных вещей сверх того, что он умер в 30 лет, процарствовав <лакуна> лет.

Он оставил наследником Титу Йупанки Пачакути [*Titu Yupanqui Pachacuti*], который был четырнадцатым перуанским царем.

Глава 10. О царе Титу Йупанки Пачакути и о преобразованиях, которые он осуществил в своем царстве

На третий год правления этого царя и на шестой год после наступления третьего Солнца, что согласно счету наших историков соответствует второй эпохе мира [*segunda edad del mundo*], в этом царстве жили, совершенно забыв добрые обычаи и предавшись всем видам пороков. По этой причине, говорят древние амаута, а они выучили это от старших и сохранили в памяти благодаря своим кипо [*quipu*] для вечной памяти, что Солнце утомилось совершать свой путь и скрыло от живущих, в наказание им, свой свет, и не рассветало более двадцати часов. Индейцы издавали крики, призывая своего отца Солнце, совершали великие жертвоприношения, чтобы смягчить его, пожертвовав многих баранов, и девушек, и юношей, и когда появился свет по истечении указанных часов, они выразили ему много благодарностей за полученные благодеяния.

А царь решил /46/ преобразовать свое царство. То, что он сделал, было преобразованием войска, ибо воины были мятежны в связи с тем, что цари в условиях мира забыли о складах и амбарах, где собирали пропитание для них, и так не давали им ни пищи, ни одежды, которую они имели обычай получать дважды в год каждый. Царь восстановил амбары и возобновил миту [*mitas*] одеждой, вследствие чего получил изобилие всего и довольство воинов, ибо чимо из Трухильо стали настолько окрепшими, что собирались воевать с царем Титу Йупанки.

После того как добрым обхождением было приобретено расположение войска и закончились праздники, которые он им устраивал многие дни, он проявил чрезвычайную умеренность в наказаниях мятежников без волнений и шума. Способ состоял в том, чтобы послать соглядатаев во все подразделения, когда семьи были на пирах и попойках, где высказывали то, что чувствовали в сердце и о чем свободные от опьянения молчали. Уличенных преступников приводили к десяти судьям из царского сословия, и они подвергали их допросу с пытками по поводу слов, которые они говорили, и виновные и соучастники были изобличены и схвачены. А для полного оправдания им давали пить из одного заколдованного кубка [*vasso*], и так они вершили над ними правосудие (смотри это о кубке в предыдущих сочинениях и помести в примечания).

Отсюда у индейцев осталась предосторожность /47/, когда они опьяняются, не делать этого в присутствии лиц, с которыми у них какое-либо недоверие, сообщая своим женам и близким родственницам, чтобы, когда что-нибудь такое случится, они отвели бы их туда, где их никто не увидит, и те не пили, и во времена инков никогда не видели, чтоб их жены напивались, из-за боязни своих мужей. Царь, проявив такую осмотрительность, установил закон, чтобы не устраивались собрания народа ни для пиров, ни для других дел без разрешения и присутствия его вице-королей и наместников. Он позволил им некоторые собрания, например, для обработки земель, которые назывались минка [*mingas*], для посева и строительства домов, и когда они устраивали и праздновали свадьбы, для других общественных праздников и похорон не нужно было разрешения, так как они устраивались в пампах [*Pampas*], но они постоянно жили в опасении соглядатаев.

Этот царь решил воевать с чимбо [*chimbo*], для чего послал спросить о пропуске для своих людей владыку Вильки [*Vilcas*], который ему ответил, что не может, дабы не навлечь на себя зло со стороны людей, которые были так могущественны. Тогда он решил поменять войну на действия против Вильки, которые приостановил на несколько дней, в течение которых он умер, отягощенный годами, процарствовав <лакуна>.

Он оставил многочисленных сыновей, а наследником Титу Капака [*Titucapac*], который является пятнадцатым перуанским царем. Он правил 25 лет и умер, не совершив ничего достопримечательного.

Ему унаследовал Паульу Икар Пирва [*Paullu hicar purua*], который был шестнадцатым перуанским царем. Он прожил /48/ в большом мире и спокойствии 30 лет, и о нем не говорят ничего важного сверх того, что его смерть была очень оплакиваема его данниками.

Он оставил своим наследником Альоке Тесак Амаута [*Alloquite sagamauta*]. Говорят, что он был очень мудрым, и царствовал пятьдесят лет и умер в преклонном возрасте.

Он оставил своим преемником Кайо Манко Амаута [*Cayo Manco Amauta*], который прожил более 90 лет. Он имел многих сыновей и умер, не совершив ничего замечательного.

Ему наследовал на царстве Васкар Титу Тупак [*Huascartitipac*], второй этого имени.

Этот царь был очень мудрым. Он назначил вновь наместников во все области из своих родственников и царской крови, и отдал им приказ, чтобы они отобрали самых крепких парней |до| 30 лет, для того, чтобы упражнять их в военном деле, и военачальников, которые делали бы им смотр каждый месяц, и чтобы войско имело знаки отличия, и стрелы, дротики, облачения, копья в тридцать пядей и дубинки, целиком окованные медью, и другие, из черной пальмы, похожие на большие шпаги, такие гладкие и заостренные, что они резали, как будто были из стали.

Он придумал оборонительное оружие, которым были плащи из тонкого хлопка, наматываемые много раз вокруг тела, а на грудях и спинах – большие диски. Владыки их употребляли золотые, а другие, их крови, и полководцы – из серебра, а остальные – медные. В то время использовали маленькие круглые щиты из пальмовых листьев и хлопка. И с этим оружием воины и древние военачальники обучали новобранцев. Он приказал предоставить воинам многочисленные льготы, особенно тем, кто отличился /49/ в какой-либо битве. Им царь собственноручно оказывал знаки расположения, вручая драгоценное оружие и одежду.

Владыки также выполняли воинские упражнения, и люди из Ананкуско обучались вместе с людьми из Уринкуско, и иногда занятия обоих кварталов доходили до кровопролития, а так как все государство было разделено на эти подразделения, они повсюду имели такие объединения [vandos] и состязания, которые делали их отважными, отчего этот царь имел людей, весьма искусных в военном деле.

Он основал также совет из двадцати своих родственников, старейших, и здравомыслящих, и многоопытных в управлении царством.

И, сделав это и другие примечательные вещи, он умер на тридцать третьем году своего царствования, прожив более 75.

Он оставил своим наследником старшего сына Манко Капак Амаута, четвертого этого имени. Он был очень мудр и великий астролог, из-за чего его и прозвали «амаута». Он устроил собрание всех знатоков этой науки, и посоветовавшись с ними, сказал, что Солнце и Луна находятся в отличающихся |от должных| положениях [diferentes puestos]. Он приказал, чтобы начало общепринятого года приходилось на весну, что согласно нашему счету соответствует весеннему равноденствию <лакуна> марта. Этот царь, вместе с другими астрологами, обнаружил, наблюдая воздействия звезд, что должны быть великие изменения в этом перуанском царстве, и так он принялся обучать этому своих сыновей и наследников, и предостерег их, чтобы они всегда проявляли осмотрительность, обращаясь к Ильятиси Йачачик Виракоче, который является верховным Творцом всех вещей, чтобы он был к ним благосклонен, имея за ходатаев Солнце и Луну, их отцов и прародителей, постоянно принося им жертвоприношения.

Проществовал этот царь 50 лет и мирно правил, имел многих сыновей и умер в возрасте более 80 лет, и оставил наследником своего первородного сына Тикатуа [Ticatuá], двадцать первого перуанского царя.

О нем не говорят ничего памятного, кроме того, что он проществовал 30 лет /50/, и ему унаследовал Паульо Тото Капак [Paullo Toto Capac], который проществовал 19 лет и является двадцать вторым из перуанских царей.

Глава 11. О других перуанских царях и о некоторых событиях их времени

Паульо Тото Капак оставил наследником Кайо Манко Амаута [*Caotanco Amauta*], второго этого имени. В его время были большие волнения в его царстве из-за новостей, которые появились, о том, что через Тукуман, чиригуанов и Чили пришел жесточайший и суровейший народ. Кайо Манко приготавливался и в этих приготовлениях к обороне он умер, процарствовав 30 лет, и был двадцать третьим перуанским царем.

Среди многочисленных сыновей, которых имел Кайо Манко, он избрал наследником царства Мараско Пачакути [*Marasco Pachacuti*], третьего этого имени, двадцать четвертого перуанского царя.

Во времена этого царя, говорят, вновь прибывшие люди силой принудили устроить великие служения идолам по всей стране. Он пожелал с многочисленным войском воевать с ними, но этому намерению помешал народ равнин, с которым он имел несколько стычек и никогда не мог овладеть у чимо [*chimo*] хотя бы пядью земли, хотя и сдержал их. Самое большее, что он сделал, так это усилил людей в гарнизонах, которые имел между двумя горными цепями, идущими через равнины до реки Римак, где сегодня находится город Лима, и в горах до Вануко [*Huanico*]. Его люди имели одну очень кровавую битву на перевале с варварами, у которых было много раненых и взятых в плен. И он имел другие благоприятные успехи, с которыми вернулся победоносным и торжествующим в Куско, где совершил великие жертвоприношения в Доме Солнца.

/51/ Была такой испорченность, которой варвары пользовались в своем идолослужении, что они пришли к тому, что перуанцы почти забыли о древних обрядах. Мараско Пачакути устроил общее собрание о преобразованиях и издал некоторые постановления. Он прожил 80 лет, из которых процарствовал более 40. Он умер в глубокой старости и оставил множество сыновей.

Он оставил своим наследником Паульо Атаучи Капака [*Paullo Atauchicapac*], который является двадцать пятым перуанским царем и который устроил сорокадневный траур по отцу, который был очень любим и уважаем своими данниками и за счастливые успехи, которые он имел, его называли Пачакути, и он был третьим этого имени.

О Паульо не говорят каких-либо примечательных вещей сверх того, что его царствование было мирным, он имел многих сыновей и умер в возрасте 70 лет.

Он оставил своим наследником, процарствовав ^{лакуна}, Льюки Йупанки [*Lluqui yupanqui*]. Он был очень рассудительным, прожил 30 лет, был двадцать шестым перуанским царем, и царствовал из них 14.

Он оставил своим наследником Льюки Тикака [*Lluqui Ticac*], двадцать седьмого перуанского царя. Он процарствовал только 8 лет, а умер в возрасте 30.

Он оставил своим наследником Капака Йупанки [*Capac Yupanqui*], двадцать восьмого перуанского царя. Говорят, что этот царь был очень прямым и справедливым, и что он весьма обуздал народы равнин. Он умер в возрасте более 80, и из них процарствовал 50.

Он оставил многих сыновей, а наследником своего первенца, названного Топа Йупанки [*Tora Yupanqui*], первого этого имени и двадцать девятого перуанского царя. О нем говорят только, что он процарствовал 18 лет и умер очень старым.

И ему унаследовал его сын Манко Авито Пачакути [*Mancoavito Paachacuti*]. О нем говорят, что он вел многие войны и что, хотя был идолопоклонником, установил очень хорошие законы. Он процарствовал 50 лет, и отменил <пятно> относительно счета лет то, что прежде определил Капак Амаута, и приказал, чтобы зимнее солнцестояние, которое выпадает на 27 декабря⁴, было началом года, и чтобы *им* считалось 25 число этого месяца. Этого царя называли Пачакути за добрые законы, которые он установил, и за изменение года, и он является четвертым этого имени. Процарствовал 50 лет и умер в преклонном возрасте.

/52/ Оставил своим наследником Синчи Апуски [*Sinchiapusqui*], своего сына, мужа очень доблестного и умнейшего, а из-за неспособности отстранил первородного, что было древним обычаем этих царей, приняв во внимание благо государства от этого, а не порядок природы и частных лиц относительно наследников.

Этот царь, видя, что выросло число богов, и что одинаково поклонялись и единому богу, и его предкам, и другим, новым, которых принесли разные народы, счел, что такое равенство было умалением древнего бога, и созвал большие собрания, и после них приказал, чтобы призывался великий бог *Пирва* [*Pirua*] под этим именем *Ильятиси Виракоча*.

И так как к этому времени уже было искажено имя *Пирва* и говорили *Виракоча*, отсюда и далее мы будем называть его так: *Ильятиси Виракоча*, что означает «сверкание, и «бездна, и основание, в котором заключены все вещи», ибо *illa* означает «сверкание» [*resplendor*], а *tiçi* – «основание» [*fundamento*], *huira* в древности, до того, как исказилось, произносилось *pirua*, что есть «хранилище всех вещей», а *cocha* – «бездна» и «глубина», и кроме того эти имена имеют большую возвышенность [*grandes enfasis*] в своих значениях.

Так как этот царь установил это различие между верховным богом и остальными и изменил древнее имя, его называли Варма Виракоча [*Huarma Huiracocha*], что означает «Юноша Виракоча». Он был очень мудрым и издал много законов против грабителей, прелюбодеев, поджигателей и обманщиков, и приказал карать их с такой суровостью, что в его времена не было тех, кто обманывал бы или крал, ни прелюбодеев, и была она таковой, что даже за ложь должны были поплатиться жизнью, и не решались говорить ее. И было бы хорошо, если бы такая суровость продолжалась до сегодняшнего дня. Этот царь, будучи более чем восьмидесятилетним и процарствовав сорок лет, и говорят амаута, что к этому времени исполнилось 2070 лет после потопа.

Он оставил /53/ многих сыновей, а из них наследником Ауки Киту Ачаучи [*Auqui Quitua chahuchi*], который умер 29 лет, процарствовав только четыре.

⁴ В рукописи “27 de setiembre”. Монтесинос путал равноденствия и солнцестояния, ср. стр.55.

Ему унаследовал Айай Манко [*Ayay Manco*], первый этого имени. Этот царь устроил в Куско общее собрание всех мудрых амаута для преобразования летоисчисления, счет которого был почти забыт в это время, и для того, чтобы привести его в соответствие со связями и положениями звезд в их движениях, и чтобы был упорядочен счет времени.

И после многих дней, которые длилось собрание, определили, чтобы год не считался по луне, как было до того, но чтобы в каждом месяце было по тридцать постоянных дней, и чтобы недели были по десять дней, и пять дней, которые их превышают, были бы половиною недели, и в ней помещались бы високосы, которые они называют «алья кауки» [*Allacauquis*], и индейцы называют месяц из этой недели «месяц-малыш». Он приказал также, чтобы, подобно тому, как существуют недели из десяти дней, у них имелись бы и годы таким способом, чтобы они насчитывали по десять обычных лет в одном, и затем каждые десять этих декад |десятилетий| – в другом, который был бы одним Солнцем, и половин, которую составляли бы 500 лет. Он приказал, чтобы его называли Пачакути по причине, о которой я сказал. Этот счет лет индейцы этого царства всегда сохраняли до прихода испанцев.

Глава 12. Продолжение последовательности перуанских царей

После того как правил Ауки Киту Ачаукучи [*Auqui Quitua Chaucuchi*] своими царствами в полном счастье и спокойствии, пришел конец его дням после шестидесяти лет его жизни. Он оставил наследником Виракоча Капака [*Huiracocha Capac*], второго этого имени, и он был тридцать четвертым перуанским царем; умер, процарствовав 15 лет.

Он оставил наследником Чинчи Рока Амаута [*Chinchi Rroca Amauta*]. Он был очень мудр и процарствовал 20 лет. Ему унаследовал Топа Амаро Амаута [*Topa Amaro Amauta*], первый этого имени. Этот царь прожил в постоянной печали, и никто в его царствование не видел, чтобы он смеялся в течение /54/ двадцати пяти лет, которые он царствовал.

Ему унаследовал Капак Райми Амаута [*Capac Raymi Amauta*], тридцать седьмой перуанский царь.

Этот царь устроил собрание своих мудрецов и астрологов, и все они вместе с царем, который много знал, точно определили солнцестояния. Был некий вид солнечных часов, и, благодаря им, они знали, какой день был долгим, а какой коротким, и когда Солнце шло и возвращалось к тропику.

Мне были показаны четыре древнейшие стены на одном холме, и один креол, большой знаток языков и правдивый [*Beriotia*], удостоверил мне, что это здание служило часами для древних индейцев.

Так как этот князь был столь сведущ в движениях звезд, он назвал месяц декабрь, в котором родился, «Капак Райми» [*Capac Raymi*], своим собственным именем, а затем называли месяц июнь Ситок Райми [*Citoc Raymi*], как если бы мы говорили о большом и малом солнцестоянии.

Поскольку в подражание царю Варме Виракоча, первому этого имени, каждый народ назвал своих богов и идолов Виракочами, и даже некоторые главные владыки с определенной дерзостью называли своих сыновей этим именем, он приказал, чтобы только великий древний бог, которому поклонялись его предки именовался отныне и впредь Ильятиси Виракоча, и это соблюдали вплоть до прихода святого Евангелия. Он приказал также, чтобы никто не называл своих сыновей «Виракоча», что, хотя некоторое время соблюдалось, затем было нарушено. Он разрешил также, чтобы земледельцы считали год лунными месяцами, и он вооружил и дал отличия знатым, чтобы они отличались от простонародья.

Он умер среди многой скорби своих подданных, прожив много лет, о которых неизвестно, сколько их было.

Он оставил наследником Илья Топа [*Illatopa*], который умер в тридцатилетнем возрасте, а царствовал только три года.

Он оставил своим наследником Топа Амаури [*Tope Amauri*], второго этого имени. Он умер 30 лет.

/55/ Он оставил своим наследником и преемником Вана Каури [*Huana Cauri*], второго этого имени, и он умер на третий год своего царствования.

Ему унаследовал Тока Корка Апу Капак [*Tocacorca apu capac*], который был сороковым перуанским царем. Он был очень мудр, великий астролог. Он обнаружил равноденствия, которые индейцы называют «икляле» [*iglales*], и по этой причине они называют месяц март⁵ «Киратокакорка» [*Quiratocacorca*], как если бы мы говорили о весеннем равноденствии, а сентябрь – «Камайтопакорка» [*Camaytopacorca*], что означает осеннее равноденствие, и точно также он разделил обычный год на четыре части и времени года, согласно четырем моментам солнцестояний и равноденствий.

Он основал в Коско знаменитую среди них школу [*çelebre universidad entrellos*] в связи с их малой воспитанностью. И в его времена, согласно тому, что говорят индейцы, имелись буквы и знаки [*letras y caracteres*] на пергаменте и на листьях деревьев, пока все это не исчезло за 400 лет до настоящего времени, как мы вскоре увидим. Он процарствовал 45 лет при всеобщем удовлетворении, и они так опечалились его смертью, что плакали тридцать дней.

Ему унаследовал его сын Вампар Сакри Топа [*Huampar Sacri Tope*]. О нем не рассказывают памятных вещей. Он процарствовал 32 года и оставил наследником и преемником Инак Вилья Амаута Пачакути [*Hinachuilla Amauta Pachacuti*], который был сорок вторым перуанским царем.

На пятом году этого царя Инака [*Hinac*], в его царствование, исполнилось 2500 лет после потопа, и поэтому этого царя называли Пачакути. Он процарствовал 35 лет и умер, оставив своим преемником и наследником Капак Йупанки Амаута [*Capac Yupanqui Amauta*]. Он процарствовал 35 лет и оставил наследником Вапара Сайри Топа [*Huapar Sairi Tope*]. О нем ничего не рассказывают.

⁵ В оригинале описка – *мауо*

Он оставил своим наследником Како Манко Ауки [*Caco Manco Auqui*], второго этого имени. Он процарствовал 13 лет и умер очень старым.

Он оставил своим наследником Ина Вуилья [*Hina huulla*], второго этого имени; он процарствовал 30 лет.

Он оставил своим наследником Инти Капак Амаута [*Inticapac Amauta*]. /56/ Он оставил своим наследником Айар Манко Капака [*Ayar Manco Capac*], второго этого имени.

Во времена этого царя произошли большие беспорядки в Андах, где он был посредником, и своей рассудительностью не только сделал их друзьями, но и данниками своего царства.

Ему унаследовал Йавар Укис [*Yaguar huquiz*], первый этого имени. Он процарствовал 30 лет к общему удовлетворению своих данников. Он был великим астрологом, и определил хороший способ, как должны считаться вставные дни или високосы каждые четыре года. Он приказал, чтобы для хорошего счета будущих времен каждые четыреста лет вставлялся один год, и отказались бы из-за них от високосов, так как согласно амаута астрологам, с которыми он имел большие собрания, царь выяснил, что таким образом счет лет достигнет точности. И старики в память об этом царе и о событии называют високос «укис» [*Huquiz*], хотя ранее называли его «алькаалька» [*Alcaallca*], и также в память об этом царе называли месяц май Лавар Укис [*Lahuar Huquiz*]. Он умер очень старым и оставил преемником и наследником Капак Титу Йупанки [*Capac Titu Yupanqui*], пятидесятого перуанского царя.

В его время в Куско и во всем царстве была большая эпидемия оспы [*viruelas*], и он умер от нее, процарствовав 23 года, и имел возраст больше ста лет.

Ему унаследовал Топа Кури Амаута [*Topa Curi Amauta*], второй этого имени. Этот князь установил порядок, чтобы равноденствия и солнцестояния отмечались большими праздниками и торжествами, представляя на них движение Солнца. Он процарствовал 39 лет, достигнув более чем восьмидесятилетнего возраста, и не рассказывают других памятных вещей об этом царе.

/57/ Глава 13. О событиях и последовательности некоторых царей Пиду

Топа Кури оставил наследником Топа Кури Амаута [*Topacuri Amauta*], своего сына. Он был мудрейшим и правил сорок лет. Он оставил многих сыновей, а наследником Вильянота Амаута [*Huillanota Amauta*]. Во время этого царя пришли многочисленные толпы народа через Тукуман, и его наместники побегали в Куско. Он устроил собрание своего народа и тотчас же собрал большое войско. Он послал соглядатаев узнать образ действия, который используют враги. Он узнал, что идут два войска, и виднелся народ. Он стал со своими людьми в высокогорной местности, полной снега, в 20 лигах от Куско, называемой Вильканота [*Huilcanota*], и ожидал там, укрепившись, врагов. Он дал бой первому войску, которое легко разбил, потому что они шли отдельно от второго. Узнав новость, те в большом беспорядке поспешили на помощь, и было

то же самое. Царь вошел в Куско, торжествуя, ведя впереди побежденных со связанными руками и нагих. Из-за этого успеха древние называли этого царя Вильканота.

В это время через Анды пришло большое число людей, и они сдались с условием, что им дадут земли, чтобы сеять, и они сказали, что пришли не воевать, а бежали от неких очень высоких ростом людей, которые изгнали их из их земли, по причине чего они принялись искать, где жить. Они сообщили, что прошли равнины, где они жили, землю очень орошенную и богатую, прошли, чтобы прийти туда по очень большим болотам и густым зарослям, полным диких зверей, и что, не зная, куда они идут, достигли этих пределов.

После того, как царство было умиротворено, и он прожил более 90 лет, /58/ и царствовал 60, и имел многих сыновей, он умер.

Он оставил наследником Топа Йупанки [*Topa Yupanqui*], второго этого имени и пятьдесят четвертого перуанского царя. Он был очень мудрым, и к нему были очень расположены все ближние и дальние соседи, и они посылали ему дары и драгоценности, и он отвечал взаимностью. Он поручал управление многим сыновьям, которых имел, и давал им советниками своих старых и опытных родственников. Он умер в 90 лет, царствовал 43.

Ему унаследовал Ильяк Топа Капак [*Illac topa capac*], процарствовал 4 года.

Он оставил наследником Титу Рами Коске [*Titu reymi cozque*]. Он процарствовал 31 год.

Он оставил наследником Уки Нина Ауки [*Huquininaqui*]. Он процарствовал 43 года, ему унаследовал Манко Капак [*Manco Capre*], третий или четвертый этого имени.

Амаута говорят, что на втором году правления Манко Капака завершалось четвертое Солнце от Сотворения, что чуть меньше четырех тысяч лет, и 2900 – столько после всеобщего потопа, и, считая год за годом, это был приблизительно первый год от рождества Христова, Господа нашего. Этот царь Манко в то время имел наибольшее могущество, как никогда в Перуанском царстве ранее этого времени. Согласно счету этих перуанцев не хватало сорока трех лет до полного завершения четырех Солнц, и я обнаружил не без удивления, что согласно счету семидесяти переводчиков и тому, которому следует Римская Церковь, которая говорит, что Божественное Слово родилось из утробы Девы в 2950 году после потопа.

Царствовал Манко 23 года с двумя упомянутыми, прожив многие.

Он оставил своим наследником Кайо Манко Капака [*Cayo Manco Capac*], четвертого этого имени. Он процарствовал 20 лет.

Ему наследовал его сын Синчи Айар Манко [*Cinchi Ayarmanco*]. Он умер, процарствовав семь лет.

Ему наследовал Ваман Такко Амаута [*Huamantaco Amauta*], который был шестьдесят первым перуанским царем.

/59/ Во время этого царя были видны многочисленные кометы и другие чудесные знамения, большие землетрясения, длившиеся многие месяцы. Они

были столь примечательны, что обитатели пришли в смущение и совершили великие жертвоприношения Ильятиси Виракоча и матери-земле, которую называют Пачамама [*Pachamama*], умоляя их, чтобы столькие знамения и такие чудесные обернулись на добро.

Этот князь процарствовал только пять лет.

Он оставил наследником и преемником Титу Йупанки Пачакути [*Titu Yupanqui Pachacuti*], который является шестым этого имени и шестьдесят вторым перуанским царем. Его называли Пачакути, так как в его время закончились 3 000 лет со времен потопа, и с ними четвертое Солнце от сотворения мира, что составляет четыре тысячи лет, и так как в его время пришли большие армии свирепейших народов как через Анды, так и через Бразилию и через Тьерра Фирме, они вели большие войны и утратили письмо, которое имели до этого времени.

Глава 14. О смятении, которое вызвало в Куско вторжение иноземных народов в Пиру, из-за чего они утратили письменность

Было столь велико смятение, испытываемое в это время жителями Куско и всеми областями царства, как из-за чудесных знамений, которые ежедневно появлялись в небесах с таким разнообразием комет, и продолжались землетрясения и разрушение строений, так и из-за множества народа, приходившего со всех сторон, объявляя об истреблении и изгнании жителей царства Пиру, что царь Титу Йупанки Пачакути, полный тоски и печали, заботился только о совершении жертвоприношений богам, и увеличивалось уныние, ибо гадатели тарпута [*Tarputaes*] и алькавила [*alcahuilas*], и другие колдуны и жрецы /60/ говорили ему, что во внутренностях животных имеются очень плохие предзнаменования и плохие события во всем, и что чики [*chiqui*], так они называют враждебный рок, преобладает во всех вещах, касающихся царя.

Тем не менее, царь Титу приказал собрать всех своих наместников и военачальников и предпринял приготовления и меры защиты, укрепив гарнизоны и крепости, и приказав, чтобы все были начеку и чтобы соглядатаи умножились повсеместно. И, будучи среди этих приготовлений, он получил известие, что многочисленные толпы народа только что преодолели перевал, и что жестокие люди, которые идут со стороны Анд, приближаются, и что некоторые из них очень темнокожие, и точно также люди равнин, и что все образовали огромные армии и идут, уничтожая поля и завладевая селениями и городами. Наместники земель, по которым они проходили, не могли сопротивляться им, а так царь решил собрать все свои силы, чтобы противостоять этому народу. Против людей с перевала он послал некоторых военачальников, а других для того, чтобы они отражали тех, кто шел с Анд, в опасных проходах и у мостов через реки.

Титу Йупанки с большой массой своего войска пришел на высокогорье, которое называется Пукара, и устроил вокруг многих горных гряд рвы и окопы, с одним только узким входом на первый холм, и другие, со вторым проходом

наискось со второй террасы, и таким |же| образом на остальных, вплоть до самого высокого места, где царь имел свои палатки и необходимые припасы, таким образом, что все напоминало сосновую шишку, и все войско находилось на террасах горных гряд и между двумя укреплениями.

Укрепившись таким образом, царь получил новость о том, что враг подошел близко, и вопреки мнению своих, вышел дать /61/ бой, который был очень ожесточенным. И поразили царя Титу Йупанки, который двигался повсюду на своих носилках, возглавляя свой народ, стрелой, и те, кто нес носилки, увидели много крови и тело царя, свесившееся с них. В большом смятении они издали крики и вопли, и из уст в уста распространилась весть о смерти царя по его войску, отчего все воины, бросив поле боя, бежали в укрепления вместе с телом своего мертвого царя.

Враги преследовали их, и тогда погибли многие военачальники с обеих сторон. Люди Титу Йупанки тайно перенесли его тело и положили его, как в усыпальницу, в Тампотоко [*Tampocoto*].

Затем они послали к противникам, которые большими пиршествами отмечали победу, посланцев, чтобы они дали разрешение похоронить трупы, но они его не дали, и через короткое время они разложились и заразили воздух так, что из обеих войск почти все умерли. Амаута говорят, что из противников осталось пятьсот живых воинов, которые бежали в Анды, оставив много больных, и люди из царского войска их всех убили.

И те из них, кто остались в живых, ушли в Тампоток [*Tampotoc*], куда не дошла зараза. Области царства, узнав о смерти царя, все восстали, а те, кто был в Тампотоко, имели многочисленные распри о выборе царя, и из-за этого погибло правление Перуанской монархии и более чем четыреста лет не возрождалось, и утратилась письменность.

В каждой области избрали своего царя, чему дало повод то, что наследник Титу, называемый Титу Ваман Кичо [*guamanquicho*], был совсем младенцем. Верные ему были малочисленны и не могли противиться остальным. Они ушли в Тампоток и там провозгласили его царем, так как из-за беспорядков некому было жить в Куско, потому что все было в смятении. И так мало-помалу люди стали жить в Тампоток под сенью царя, и он оставил Куско почти пустынным, в нем остались только служители храма.

/62/ Верные данники добровольно находились в Тампотоко с царем-младенцем, ибо там была пещера, столь почитаемая, что о ней поэзия амаута говорит, будто из нее происходят индейцы, утверждая как достоверную вещь, что там никогда не видели ни дрожи, ни чумы, ни землетрясений, и потому, если бы судьба преследовала младенца-царя, они могли бы поместить его и укрыть его в этой пещере, как в святилище.

Царь повзрослел, и жил с большой умеренностью много лет, и назывался царем Тампотоко, а не Куско, хотя приходил молиться в храм на несколько дней.

Он оставил наследником Коске Ваман Титу [*Cosque Huaman Titu*]. Он прожил 25 лет. О нем и других преемниках не рассказывают памятных вещей вплоть до переустройства Куско.

Коске Ваман Титу унаследовал Куйо Манко [*Cuyo Manco*], процарствовал 50 лет.

Ему унаследовал Вилька Титу [*Huicatitu*], процарствовал 30.

Ему унаследовал Сайри Туа [*Sairi tupa*]; процарствовал 40.

Ему унаследовал Топа Йупанки [*Topa Yupanqui*], первый этого имени; процарствовал 25.

Ему унаследовал Вайна Топа [*Huauna Topa*], третий этого имени, он пожелал переустроить город Куско и по совету гадателей покинул его; царствовал 37 лет.

Оставил своим наследником Вана Каури [*Guana Cauri*]; процарствовал 10 лет.

Оставил своим наследником Вилька Вamana [*Huilca Huaman*]; процарствовал 60 лет.

Оставил своим преемником Ваман Капака [*Huaman Capac*]; он процарствовал 40 лет.

Ему унаследовал Паульо Тайме [*Paulio Tayme*]. Процарствовал 19.

Оставил наследником Манко Капак Амаута [*Manco Capac Amauta*], а этот Ауки Атав Вильке [*Auqui Atauilque*]. Он процарствовал 35 лет. Этот собрал много людей против мятежников, но смерть воспрепятствовала его намерениям.

Ему унаследовал Манко Титу Капак [*Manco Titu Capac*]; он процарствовал 72 года.

Он оставил наследником Вайна Топа [*Huauna topa*]; третьего этого имени, процарствовал 50.

Оставил наследником Топа Каури [*Topa Cauri*], четвертого этого имени, которого называли впоследствии Пачакути, и который был седьмым этого имени из-за того, что мы увидим в следующей главе.

/63/ Глава 15. О событиях во времена Топа Каури Пачакути седьмого и о других перуанских царях

На девятый год царствования Топа Каури Пачакути седьмого исполнилось 3500 лет после потопа. Этот царь стал поднимать голову и подчинять некоторые города и области, но их уроженцы подчинялись ему со многими условиями и были настолько разложены в области религии и нравов, что он замахнулся завоевать их, так как говорил, что если бы какой-то народ исповедовал бы свою, она растлила бы его великими пороками, особенно идолопоклонством и содомией, которым они целиком отдались как разнузданные животные. Он с кротостью разослал во все стороны посланцев, упрощая главарей оставить поклонения и заблуждения по поводу стольких божеств, которым они поклонялись, и чтобы одни мужчины не

использовались другими вопреки законам природы, но то, что вышло из этого, было малым исправлением и в одном, и в другом, и убивали его посланцев.

Тогда царь скрыл свои чувства, и совершил великие жертвоприношения и спрашивал Ильятиси Виракочу. Ответ был, что причиной заразной болезни были буквы, и чтобы никто их не использовал и вновь к ним не возвращался, ибо от их использования они должны будут претерпеть наибольший ущерб. Из-за этого Топа Каури установил законом, чтобы под страхом смерти никто не имел бы дела с килькой [*quilca*], которая была пергаменами и листьями определенных деревьев, на которых они писали, и чтобы никоим образом не пользовались письмом. Этот оракул, его они соблюдали с такой тщательностью, что после этой утраты перуанцы никогда не пользовались буквами, так что когда некоторое время спустя один мудрый амаута изобрел некие /64/ знаки, его сожгли живьем, и так с тех пор использовали нить и кипо с различиями, как мы увидим.

Он также устроил в Пакаритамбо [*Pacaritambo*] подобие университета, где знатные заботились об упражнениях в военном деле и о мальчиках. Их обучали способу считать при помощи кипо, добавляя разные цвета, которые служили буквами, из-за чего было облагорожено их маленькое государство.

Имея хорошо подготовленное войско и верность своего народа, он решил завоевать бунтовщиков, и тотчас все построились с оружием, но это начинание прервалось, так как случились достойные внимания землетрясения, которые разрушили многие здания во всей округе Куско. Реки вышли из берегов и *потекли* по сухим теснинам, где никогда не текла вода, были видны большие потоки ее в течение многих дней, и они разрушили многие селения. После этого случилась заразная болезнь, из-за которой умерло бесконечное множество народа, и говорят амаута, что только в Тампотоко не слышали и не видели этой эпидемии; опыт, который побудил Манко Капака [*Manco Capac*], перенести сюда свой двор. С этой заразой скончался Топа Каури, более чем 80 лет. Он умер, оставив многих сыновей, которых имел от разных жен.

Он оставил наследником Арантиала [*Arantial*], который является семьдесят девятым перуанским царем.

Этот царь устроил похороны своего отца со всей пышностью, и вместе с ним были похоронены законная жена и другие самые любимые наложницы, и если они так не делали, их считали прелюбодейками.

Некоторые старые писатели, например, Бетансос, говорят, что с царем Пиру хоронили тысячу младенцев, и когда он получал кисточку на головном уборе [*vorla*], что возникло потом, /65/ приносили в жертву две сотни младенцев, приведенных со всего царства. То, что я смог выяснить, что это не было обычаем, но, что, вероятно, некоторые цари так поступали.

Способ, которым он похоронил своего отца, состоял в том, что у него вынули печень сердце, и их похоронили с прутиками из золота и серебра, а тело забальзамировали определенными ароматическими составами; они предохраняли его от разложения; и с тех пор инки, которые впоследствии унаследовали эту монархию, держатся этого обычая.

Арантиал начал царствовать почти без подданных, так как великие эпидемии оставили области опустошенными от народа, и из тех немногих, кто остался, одни ушли в Анды, другие – к Хаухе [*Xauja*], где находились многие годы, до тех пор, пока с улучшением климата и добрым правлением не возвратились в Куско, как будет сказано далее. Он прожил более 70 лет, оставил своим наследником Вари Титу Капака [*Huari Titu Capac*]. Не рассказывают о нем памятных вещей, только говорят, что он прожил более восьмидесяти лет.

Он оставил наследником Виспа Титу Ауки [*Huispa Titu Auqui*]. Тот умер в возрасте более семидесяти лет, а царствовал только девятнадцать.

Он оставил своим наследником Токо Коске [*Toco Cozque*], который является восемьдесят вторым царем Пиру.

Во время этого царя пришли большие толпы людей через Панаму и через Анды, и пришли в Куско и в другие селения в некоторых областях, и поселились в них. Они жили как звери, много предавались содомии, без порядка и без правления, и ели человеческое мясо, и от тех, кто пришел через порт Буэна-Вентура происходят пирао [*Piraos*] и паэсе [*Paeçes*].

Царь находился /66/ в уединении со своей небольшой семьей, и когда шли эти варвары, они радушно приняли их и стали смешиваться с ними, избежав почти всех их пороков и идолопоклонства. Умер восьмидесяти лет.

Он оставил наследником Айар Манко [*Ayarmanco*]. Он прожил много лет и царствовал двадцать два, оставив своим наследником Кондор Року [*Condoroca*].

Он был очень мудр, с большой рассудительностью обходился с варварами, заполнившими царство, хотя это было правление из учтивости, а не из повиновения [*hera Gobierno de cortesia no de ovediençia*].

Умирая, он собрал своих сыновей и сказал им, как те пороки содомии и людоедства были противны древним законам, и что Ильтяиси Виракоча их всегда карал, и покарает за это их, если они не станут мало помалу избавляться от них. Он умер восьмидесяти лет, и не говорят, сколько царствовал.

Он оставил наследником Амаро [*Amaro*], который является восемьдесят третьим.

Этот оставил наследником Чинчи Року [*Chinchi Rroca*]. Он процарствовал 41 год. Этот царь, увидев множество сыновей, и внуков, и правнуков своих предшественников, основал семью, которую называют Викка Кирау [*Huicca quirau*]. И с этого времени начали использовать идолов из золота. Он умер семидесяти лет.

Он оставил наследником первенца по имени Илья Тока [*Illatoca*]. Он процарствовал семьдесят два года.

Он оставил наследником Льюки Йупанки [*lluqui yupanqui*], который царствовал сорок и пять лет.

Он оставил царем Рока Титу [*Roca Titu*], который процарствовал двадцать пять лет.

Он оставил наследником Инти Майта Капака [*Intimaita Capac*].

На двадцать седьмом году царствования этого /67/ завершились четыре тысячи лет после потопа и пятое Солнце от сотворения мира, и поэтому его назвали Пачакути, восьмой этого имени, в чье время прекратился порок порчи нравов, и уже содомия была государственным преступлением [Pecado Político]. Не было покорности, люди жили в беспорядке и как звери, что длилось определенное число лет, пока инки [Ingas] не водворились в этой монархии способом, который мы увидим в следующей главе.

Глава 16. О происхождении царей Инков и о способе, которым они учредили свою власть

С каждым днем дела в Перу шли все хуже, и цари Куско были таковыми только по имени, ибо пороки полностью устранили повиновение, из-за чего общественный порядок прекратился и установилась неразбериха, всеобщим состоянием было скотство, первопричина всех несчастий, которые произошли в царстве. Длился этот грех с лет потопа до <лакуна> года Искупления нашего, в течение более чем <лакуна> лет непрерывно.

Теми, кто особенно страдал из-за этих несчастий, были женщины, ввиду того, что естество лишили приумножения /68/, а их – удовольствий. На своих собраниях они толковали только о несчастном положении из-за малого |к ним| уважения, которое настало. Они распалялись ревностью, видя мужчин, общающихся между собой с любезностями и ласками, которые им только должны были бы оказываться, и предпринимали меры к исправлению, и знали травы и уловки, но ничто не годилось для того, чтобы прекратить произвол.

В качестве руководительницы этих совещаний выступала одна госпожа из царского сословия по имени Мама Сивако [*Mama Cibaco*]. Она с сочувствием выслушивала жалобы остальных, утешала их и завоевывала их расположение, и была воля судьбы, чтобы они считали ее пророчицей. К женщинам присоединились многие мужчины, которые претерпевали зло от содомии; и те, и те были расположены к тому, чтобы пойти на какой угодно риск ради исполнения долга перед природой, их создавшей. Главой этих мужчин был неженатый сын Мама Сивако, красивый, хорошо сложенный и очень отважный. У него были высокие помыслы, поддерживаемые возрастом двадцати лет, который он имел. Звали его собственно Рока [*Roca*] и, заменяя имя собственное нарицательным, среди его сторонников – Инка [*inga*], что означает: «Господин» [el Señor], поскольку один лишь вид которого вызывает любовь и уважение. Его мать не упускала случая, видя в сыне такое благородство, чтобы он имел на своей стороне большое число мужчин и женщин, которые поддерживали б ее намерения, сообщаемые только одной /69/ ее сестре, великой колдунье, получавшей ответы от демона в поддержку ее козней.

Она закрылась наедине со своим сыном Инкой Рока и сказала ему следующее:

«Сын мой, ты имеешь отношение к счастливейшему положению, достигнутому нашими предшественниками, когда они обсуждали только как заниматься военным делом и жить в соответствии с приказаниями нашего великого отца Солнца и верховного владыки Итатиси Виракоча, следуя законам природы, и на том пути расцвел этот город, сменилось столько царей, увеличились их царства, были счастливыми их дела, торжествуя всегда над врагами, о чем ты найдешь наполненными наши кипо. Все это опрокинуло и изменило скотство, которое варварский народ принес в это царство, и держит его в том состоянии, которое ты видишь. Я решила сделать тебя царем, и уповаю на Итатиси, который должен помочь моим намерениями, и ты с твоей доблестью должен восстановить этот город и царство в их древнем состоянии». Речь ее прервали обильные слезы, затопившие слова на пути к устам. Ее ждало облегчение в словах доблестного юноши, который так сказал своей матери:

«Матушка и госпожа, если в том, что вы мне предложили, нет ничего сверх необходимого для общего блага царства – ибо, что касается меня лично, я его считаю правильным – то для того, чтобы осуществилось /70/ Ваше желание, я отдам мою жизнь тысячу и еще две тысячи раз».

Мать была чрезвычайно довольна успехом своего дела и, узнав о решении сына, и насколько хорош был совет, который она получила, и способности, которые она нашла в нем для исполнения всего этого. Она положила руки ему на шею, говоря, что не ожидала меньшего от его доблести и духа, которые соответствуют его крови и плоти, которые она ему дала, и она предупредила его, что в делах такой важности более подобает молчать, ибо тайна является хорошим подспорьем для всех их стремлений. Взявшись за это и обязав его, чтобы план дела оставался только между его теткой и ею, Мама Сивако рассказала своей сестре Маме Сивако [*Mama Cibaco*] о том, что произошло с ее сыном, насколько внимательным она его нашла и осмотрительным, и что надеется на добрый исход во всем, что они замышляют, и чтобы та в равной мере приготовила со всей безотлагательностью подходящее. Сестра обрадовалась этому, и тотчас некие служители принесли и расплющили некоторое количество чистого золота на тонкие пластинки перед обеими сестрами. Без вмешательства других лиц они приладили золотые пластинки и множество сияющих самоцветов и драгоценных камней к одной достойной внимания рубашке, которая блестела в солнечных лучах. После того, как это произошло по их желанию, они много раз подвергали сына испытаниям, как ему следует действовать.

Для этого они тайно отвели его в Чинкану [*Chingana*] – замечательную пещеру, которая находится над Куско, и сегодня ее прорыли вплоть до обители доминиканцев, /71/ где в древности был Дом Солнца. Они облачили его в эти пластинки и приказали, чтобы через четыре дня он показался в полуденный час на одном возвышенном месте, которое господствует над городом, таким образом, чтобы его увидели горожане и, чтобы, побыв там короткое время, он вновь скрылся в Чинкане, для чего ему оставили достаточно еды.

Обе сестры в это время распространяли домыслы, что их сын и племянник Инка Рока, будучи спящим в своем доме под солнцем, был окутан его лучами и унесен на небо, говоря, что вскоре вернется царь Куско, ибо это был их сын. Они утверждали это и подкрепляли свидетельствами шести других членов своей семьи, посвященных в суть дела.

Им это хорошо удалось, все в это поверили, чему способствовало, кроме достоинств юноши, и уважение, которое все к нему испытывали. Непрерывно прибывало большое число людей разузнать, что нового, и сестры измышляли тысячу подходящих к случаю вещей, и через четыре дня, когда юноша должен был появиться, они все утро совершали большие жертвоприношения Солнцу, умоляя его с двойной настойчивостью, чтобы оно вернуло им их сына. Настал полуденный час, и Инка Рока вышел на место, называемое «Поклонным» [Mochadero], после индейцев там сейчас предалтарное возвышение с тремя крестами. На сияющих пластинках играло Солнце, /72/ которое, казалось, вошло в этот день более ярким, чем обычно, и камни блистали как оно само. Это видело большое число народа и осталось восхищенным событием. Они звали друг друга, чтобы увидеть это чудо, но он исчез так быстро, что тем, кто пришел, он добавил желанья испытать это, и тем, кому не довелось это увидеть, рассказывали, что то был несомненно Манко [Mango], и что Солнце, его отец, явило его в таком подобии на мольбы его матери. Они желали ей счастья, и она благодарила за это одних, плакала от нежности вместе с другими, и перед всеми притворялась. Она находилась в храме, и они готовы были признать ее женой Солнца, и были столь великими похвалы, которые ей воздавали за ее сына, что она сказала нездоровой, благодаря чему избежала усталости от стечения народа и избавилась от них, чтобы идти дать своему сыну распоряжения о том, чтобы еще через четыре дня он вернулся с целью устроить такое же явление и скрыться, как он сделал в первый раз.

Глава 17. Продолжение темы предыдущей и говорится о завершении этого события

Народ был поражен и желал видеть завершение столь замечательного дела. Прошли дни, в течение которых Инка Рока трижды появлялся со своими пластинами, а в последний раз – свободный от них и одетый в богатую /73/ рубаху разных цветов и с лазурной кистью на головной повязке-винча [bincha] лазурного и алого цветов, которая свисала над челом, и в сандалиях того же цвета. Он возлежал на чусе [chuce] или коврике, на котором были разные птицы и животные, вытканые с большим старанием.

В это время мать трепетала вместе с большей частью города и многими из тех, кто пришел из соседних селений, призванный молвой, стекавшимися в храм, где они совершали великие моления и жертвоприношения Солнцу, чтобы оно показало ее сына. Она измыслила, будто Итатиси сказал ей, чтобы она пришла к

холму с Чинканой, где она найдет своего сына, и чтобы его перенесли в храм, где бы все его услышали и исполнили то, что скажет от имени Солнца Инка Рока.

Замечательна была радость, которую вызвали эти новости, одних выводя из смятения, другим показывая цель их желаний. Они подготовили многие танцы и праздничные одежды, и поднялись к Чинкане, сопровождая ту, которая шла впереди всех. Она выбрала путь через Ватанай [*Guatanay*] вверх, таким образом, что, когда начала подниматься на холм, все время смотрела на Солнце, обращала к нему многие мольбы, становилась на колени, целовала землю и все это с великим волнением, чтобы выдать за истину действие, которое затеяла обманно. Вместе с сопровождающими она подошла к полудню к крепости, и /74/ искала в укреплениях своего сына, и в разных других местах, где они побывали, задержалась на миг. Охваченная великой радостью она направилась к подземному ходу, давая понять, что Солнце сказало ей, что он находится там. Народ последовал за ней, и у одной скалы, обработанной в верхней части так, что образует любопытный карниз, который служил ему тронem, они нашли Инку Рока лежащим и как будто спящим. Мать подошла к нему между смущением и радостью, громко позвала его и дотронулась рукой, и отважный юноша, загорелый на солнце, пробудившийся и будто удивленный, что видит себя в этом месте, и свою мать со столькими людьми, возвышенными словами сказал им, чтобы все возвращались в храм, потому что там его отец Солнце приказал сказать им то, что он от него услышал.

Он возвратился в храм с достойным внимания молчанием, и Инка Рока воссел на почетном месте на троне-тиане [*tiana*] из золота и камней, выполненном с большим искусством и кстати сделанном. Желание узнать столь редкостную вещь привлекло внимание, и Инка Рока, увидев слушателей пораженными, сказал им так:

«Кто сомневается, друзья мои, в особой любви, которую отец мой Солнце к нам имеет. Ведь когда эта держава умалила свое могущество, для того, чтобы дать волю своему милосердию, он занялся ее исправлением.

Пороки и зверства оказались огнем, который постепенно поглощал ее сократившееся величие, и привел к исчезновению, и ее строй [*lo político*] обратил /75/ в беспорядок. Мы довольствуемся уже одними воспоминаниями о том, что было правление, при котором все области державы приносили дань в этот город, как в главный, а между тем, переливается через край презрение к нам, но еще бы, если жить наизусть и вместо того, чтобы следовать путями людей, красться звериными тропками, оставив настолько обабленной свою доблесть, что самыми забытыми вещами являются праща и стрела.

Позволив этот упадок, и дабы он не перешел в рабство, предопределение моего отца Солнца и высшее сострадание состоят в том, дабы заняться вашим исправлением. Он повелевает, чтобы вы во всем подчинялись мне как его сыну, мне, чтобы я вас не неволил, чтобы я вас убеждал.

Если же во владении оружием этим вы должны упражняться, то ведь благодаря ему, говорят кипокамайю, стали владыками всего мира наши предки.

Это занятие очистит от праздности, возвратит послушание, принесет утраченное благо и завоюет блеск, которого нам недостает. В моем отце Солнце вы найдете покровительство, и своими лучами оно высушит для нас землю, и Луна не затопит ее своими дождями, явления, которые вы в разное время можете испытать на вашем побережье.

Из старины будут возрождены законы моего правления, а не изобретены заново. Благоприятно [lo feliz] в этом обещании то, что оно – отца моего Солнца, которое не может ошибаться, а тягостно то, чтобы вы подчинялись мне, его уполномоченному, и весьма искренне, ибо, если не станете подчиняться, /76/ он нашлет на вас громы, которые вас ужаснут, бури, которые повергнут вас в уныние, ливни, которые уничтожат ваши посевы, и молнии, которые лишат вас жизни».

Инка Рока сказал это с таким величием, что не было никого, кто возразил бы его словам. Они все подошли к нему, целуя руку, а он нежно обнимал их. Он устроил великие жертвоприношения животных и забавлял народ праздниками восемь дней.

По прошествии их он приказал созвать собрание амаута и кипукамайо, и выслушал на нем о событиях, произошедших в областях, которые были в подчинении у древних царей Куско, об их природе, жителях, какие крепости они имеют, какой способ сражаться, с каким оружием, о том, какие воинские инструменты используют, и кто из них имел привязанность к короне, а кто – нет.

Он решил отправить ко всем послов, а перед тем распорядился, чтобы пошли купцы обмениваться и заниматься торговлей в этих областях, и чтобы они распространяли вести, будто он был сыном Солнца, и что его отец перенес его в место собственного обитания, где он находился среди его лучей четыре дня, получив тысячу знаков внимания, и как он вернулся, чтобы царствовать и править миром, и чтобы ему все непременно подчинялись. Это дело у него вышло очень хорошо, так как будто бы вовсе не заботило его, и, видя /77/ добрые достижения, он отправил ко всем владыкам послов, сообщая им о происшедшем, и направляя каждому послание согласно достигнутому. Он просил, что не хотел бы от них ничего большего, кроме как чтобы они признали то, чем обязаны отцу его Солнцу, построили тому храмы и в них совершали жертвоприношения, и чтобы ему подчинялись как его сыну.

Все хорошо приняли послание, кроме царей Вильки, Вайтары и Тиаванако, которые сомневались в происшедшем и которые послали бы, чтобы подчиниться ему, после того, как разобрались бы с достоверностью. Инка Рока скрыл свое огорчение и сказал людям своего совета, что, так как случай был столь трудным, и те не видели его, как они, он не удивляется, что царь Вильки усомнился, и что если бы отец его Солнце не приказал ему, чтобы они женился для того, чтобы по его примеру так поступили бы остальные и оставили бы дурное использование мужчин и содомию, он бы ни на миг не выпустил бы того из рук.

Глава 18. О свадьбе Инки Рока и карах, которые он установил против содомитов

Мама Сивако, мать Инки Рока, проявляла внимание ко всему, что /78/ устанавливал ее сын, восхищаясь его великими способностями. Она видела, что содомия была в силе и встречала одобрение, полагая поэтому, что Инку Рока это не заботит. Она высказала ему свежие жалобы об этом упущении. Он утешил, что отсрочка была предупреждением, и что вскоре она увидит то, что он предпринял для исправления. Он созвал на совет самых уважаемых и мужественных, которых избрал советниками, и сказал им, что получил срочный приказ жениться, дабы иметь в будущем наследование, ибо приказал его отец Солнце, чтобы для умножения живущих, которых истребили прошлые эпидемии и голод, он женился и по его примеру прочие, при строжайших наказаниях, которые будут налагаться на тех, кто губил бы человеческое семя, и что он созвал их для того, чтобы по их совету взять жену, и что по его собственному мнению он остановил бы выбор на своей сестре Мама Куракура [*Matacuracura*], ибо будет более несомненной преемственность Солнца, и Инка Рока сделал так лишь потому, что сестра уже прослышала обо всей его привязанности, и, сделав ее царицей, он обязал ее молчать.

Все члены совета одобрили выбор и отправились в дом Мама Сивако, и сказали ей, что пришли /79/ за ее дочерью, и, пригласив всех горожан, со многими танцами отвели ее в храм, где ее принял Инка Рока, и оттуда отвел ее в царские покои.

После этой свадьбы на следующий день женились шесть тысяч человек, и вскоре царь издал жесточайший закон против содомитов, согласно которому тот, кто был бы застигнут в этом грехе сам или заподозрен в нем, хотя бы незначительно, был бы сожжен всенародно, и чтобы вместе с ним были сожжены его дома и деревья в его владениях, и выкорчеваны с корнем для того, чтобы памяти не осталось о столь омерзительной вещи, и чтобы впредь никто не дерзал совершать такое преступление под страхом того, что за грех одного было бы снесено все селение, и чтобы народ не разговаривал с теми, кто сделал донос.

Установив это, Инка Рока приказал приготовиться военным и сделал им смотр. Он нашел десять тысяч человек людей битвы, по большей части женатых, которым во всем помогали их жены, словно рабыни, что было установлено инкой с целью облегчить браки.

Он предпринял поход на Вильку. Царь Лиматамбо предоставил проход ему /80/ и его людям, и то же самое сделал царь Абанкая. А царь Ванкаррамы прислал к нему посланцев, чтобы он не шел через его землю с целью причинить вред Вильке, так как они не стерпят этого. Инка обласкал их и с ними послал послание царю Ванкаррамы, что почему же у того не хватает честности, ведь раньше он пообещал подчиниться ему, и он послал некоторых своих подчиненных, чтобы они принесли ответ. Ванкаррамец принял их очень хорошо, и ответил, что Вака,

так они называют своих идолов, сказал им, что он не истинный владыка, и так, пока он не узнает об этом точно, не обязан исполнять обещанное.

Несмотря на это, инка прошел вперед и нашел своего противника укрепившимся в одной местности, очень удобной для обороны, так как, чтобы достичь ее, инка должен был пройти один очень опасный склон, где сегодня проходит королевская дорога, лучше проложенная, чем та, которая была тогда.

Инка послал вперед своих строителей [inxenieros], и они вернулись с тем, что необходимо было бы, чтобы половина войска прошла внизу долины, а другая половина – по верхней дороге. Они сделали так, и когда достигли вершины, произошла битва, очень кровавая, в которой оказался побежденным и убитым ванкаррамец, и инка захватил идола, который дал ответ, и сбросил его /81/ по склону вниз. И сегодня еще бытует предание между этими индейцами, что когда пришли разбить камень, из него вылетел попугай, очень пестрый, и слетел с холма вниз, и вошел в один камень, который индейцы впоследствии очень почитали, и еще сегодня бьют ему поклоны.

Отец Хосеф Арриага [Joseph Arriaga] из Общества в трактате, написанном об искоренении идолопоклонства, приводит письмо отца Луиса Теруэля [Luis Terbel], написанное из Куско, где он упоминает об этом происшествии с идолом, и говорит, что инкой был Манко Капак. Я, обходя этот приход, произвел проверку, и предание индейцев таково, что тот, о ком идол говорил, что он не настоящий владыка, был первый инка, и что его некоторые малолюбознательные писатели путают с первым царем, звавшимся Манко Капак, который установил владычество в Куско более чем [лакуна] годами ранее, чем тот другой. Отсюда отец Теруэль назвал Манко Капака первым инкой, следуя этому мнению. Я отрицаю это, ибо понятно, что, когда идол сказал это о первом инке, что он не был истинным владыкой, для того, чтобы помешать истреблению содомитов, это было из-за баснословного установления его царствования, и он тот самый, кого я называю Инка Рока, ведь, в соответствии с достоверным, он был первым Инкой, а Манко – первым царем.

Инка Рока задержался в местности у крепости, называемой [лакуна], это в одной лиге от Ванкаррамы, похвалив ее и усовершенствовав, и оставил в ней гарнизон воинов.

Он прошел вперед со своим войском и перед тем, как войти в Антавайлью, обнаружил много народа, который преградил ему путь в теснине одного ущелья, и Инка Рока приготовился перед ними, имея сведения о том, что царь Антавайльи был того же мнения, что и Вильки, из-за ответа, который дал идол из Ванкаррамы. Он послал треть своего войска для того, чтобы они по горам, в полном молчании и со всей осмотрительностью, заняли выход из ущелья, чтобы враги не захватили его, с приказом, что, если бы вдруг они вошли |в ущелье|, напасть на них /82/ с тыла. Инка предвидел, как произойдет нападение на него, и именно так случилось, и окруженным людям из Антавайльи инка причинил большие потери, пока они не запросили мира, который он дал живым со всем добросердечием, и они признали его истинным сыном Солнца.

Глава 19. Как царь Вильки и другие владыки послали выказать покорность Инке Рока и о его возвращении в Куско

Царь Вильки пристально следил за этими успехами Инки Рока, будучи смущен тем, что, с одной стороны, он видел, как идол з Ванкаррамы сказал, что он не был истинным владыкой, а с другой, принимая во внимание счастье, с которым тот победил владык Ванкаррамы и Антавайльи. Будучи в своих землях и столь превосходя в людях и селениях, в конечном счете он решился предложить Инке Рока мир. Он отправил к нему своих посланцев, снабженных тонкими одежаниями и многими стрелами и луками. Инка Рока принял их в лиге от Антавайльи, выказал очень доброе отношение, и перед ними выбрал для себя одну богатую накидку, рубаху и сандалии, а остальные приказал распределить между своим воинами, которые с семьями стали лагерем, и с тех пор остался обычай делить доспехи и дары между воинами в качестве воинских наград.

Мать Инки Рока заботилась о том, чтобы знать о его успехах. Для доброго исхода она приносила большие жертвы и имела многих жрецов, предназначенных для этой службы, что затем подтвердилось у Инки Рока. Узнав о его победах, которые он одержал, и о том, что царь Вильки предложил мир, она послала к нему гонца, упрасывая его вернуться в Куско, ведь Итатиси Виракоча уже пожелал, /83/ чтобы его враги были покорены.

Инка Рока сделал так и вошел в Куско с большим торжеством: воины впереди, украшенные своим доспехами, а за ними инка на золотых носилках, окруженный своими родственниками, которые с тем, чтобы охранять его, образовали свиту, и отсюда была учреждена свита «длинноухих», людей из царского сословия. Встречать его вышли все жители Куско со многими танцами, и таким образом он пришел в храм, чтобы поблагодарить Солнце, и оттуда в свой дворец, где пребывал восемь дней в великих пиршествах со своими родичами, и военачальниками, и самыми доблестными воинами.

Инка Рока установил законы, весьма соответствующие природному, и добавил суровые наказания против тех, кто нарушал старинные, и изо всех приказал сделать свод [pliego], и чтобы знатные не должны были жениться более чем на одной женщине, и что она должна была быть из родни, ибо она была бы ею и впредь, и чтобы они не смешивались одни с другими, и чтобы женились с восемнадцати лет и старше, ибо уже умели бы работать мужчины, а женщины – служить им, и чтобы все сообща одевались и ели. Этот закон изменился после того, как каждому индейцу дали землю для обработки.

Что касается религии, он приказал, чтобы Солнце имели за верховное божество и в его храме приносили ему великие жертвы и благодарили его, особенно за то, что оно послало им своего сына, чтобы он управлял ими и избавил от жизни распутной и содомитской, которую они вели.

Он приказал построить рядом с храмом здание или монастырь [convento] дев для служения, откуда остался обычай служить сегодня девочкам в церквях, и эти

девы были царской крови. Он поручил им многие дела культа и религии, обещая от имени своего отца Солнца величайшие блага, если они будут делать это, дав им знать, что это оно приказывало так, в чем они убеждались, видя такие подвиги и такую мудрость Инки Рока.

Мужам царской крови он оказал честь тем, что они могли протыкать уши, откуда сегодня *|это делают|* женщины, но у женщин отверстия, кажется, составляют половину тех, что были у инки, и это был признак знатности и царского сословия, которое испанцы /84/ называли «длинноухими» из-за отверстий в ушах. А главным [los generales] он позволил головную повязку-льяуто [lauto] с кисточкой, которая свисала не на лоб, что он оставил для себя, а налево, когда они шли на войну, или направо, когда они возвращались с победой, а если побежденными – без нее.

Инка Рока, процарствовав уже <лакуна> лет и имея <лакуна> возраст, почувствовав себя обремененным болезнью, позвал двух своих законных сыновей, Альоке Йупанки и Манко Капака, и Маму Чава, свою дочь, и поручил им быть в качестве детей Солнца, заботясь, чтобы не пришло в упадок то, что он приобрел, и чтобы Альоке женился на своей сестре Маме Чава, и после того, как дал им многие советы, умер.

Царство унаследовал Альоке Йупанки, который со всем двором выказал великие проявления скорби из-за смерти своего отца, которые длились более шести месяцев. За это время ему пожертвовали много скота, и птиц, и морских свинок [cuís], и, забальзамировав, поместили его тело в храме с той же пышностью в утвари⁶ и одежде, как и когда он был жив. Отсюда придерживаются обычая, чтобы инки впредь погребались со всем своим имуществом.

Альоке Йупанки, очень рассудительный и мирный, царствовал ко всеобщему удовлетворению, сохранив царство в состоянии, в котором оно досталось ему от отца. О нем не говорят достопамятных вещей кроме того, что в его время берет начало род Раураупанака [Rauraupanacas], который происходит от его брата Манко Капака. Альоке от своей сестры Мамы Чава [Mama Chaua] имел трех сыновей. Первым был Майта Капак [Mayta Capac], вторым – Апу Кути Манко [Apu Cuti Manco], третьим – Апу Така [aputaca], от которого происходят люди из рода Айлью Чибанин [aillo chibanin]. Он правил <лакуна> лет и умер в возрасте <лакуна>, оставив наследником Майта Капака [Mayta Capac], который женился на Маме /85/ Танкарайвачи [Mama Tancarayhuachi]. Об этом инке, который был третьим, не рассказывают памятных вещей сверх того, что он имел двух сыновей: Капака Йупанки [Capaca Yupanqui] и Путано Умана [Putano Uman], от которых происходят Ускамайта [Vscamaytas]. Он правил <лакуна> лет и умер в возрасте <лакуна>.

⁶ Согласно С.Хайленд – varillas, т.е. жезлах, являвшихся знаками власти [Hyland,6]

Глава 20. О том, что произошло у Инки Капак Йупанки с его братом и о жизни других инков

После того, как были проведены похороны его отца, Инка Капак Йупанки устроил большие празднества в свою коронацию и в день, когда получил кисточку, распределил много одежд из тончайшей шерсти, сосудов из золота и серебра между своими непосредственными данниками, а между теми, кто не был столь значителен – многих овец и баранов, поусердствовав в этом больше своих предшественников. Его правление было очень рассудительным, и он был весьма медлителен в исполнении.

По истечении нескольких лет в небе появились две кометы, одна цвета крови и в форме копья, и длилось это более года, и она появлялась с полуночи почти до полудня. Вторая была размером и формой с большой круглой щит, и появлялась в то же время, что первая, и обе на западе. Инка приказал устроить великие жертвоприношения, как мальчиков и девочек – младенцев, так и овец, живых и из золота и серебра. Собрали совет предсказателей и колдунов, для того, чтобы объявить значение комет, и они дали ответ, что это означает великие бедствия, и что, несомненно, очень скоро должна будет пасть перуанская монархия. /86/ Тех, кто так говорил, инка приказал убить, а те, кто остались, взяли назад свое предсказание, объясняя ему кометы на его вкус.

Брат инки по имени Путано Уман с другими мятежными юношами решил восстать против своего брата и приукрашивал свое тщеславие разговорами, что инка был очень медлителен, и равным образом старался привлечь подарками воинов. Инка имел кое-какие сведения о деле, и чтобы узнать его досконально, послал соглядатаев. По разговорам и сплетням он ничего не добился разузнать, так как осторожность была очень большой, сколько бы ни возрастали старания Путано и подозрения инки. Он приказал, чтобы устроили пиршество для его брата и подозреваемых, и затем от хмельных услышали то, что они скажут, самые доверенные его осведомители. Они придумали, чтобы это было на пиру. Заговорщики во хмелю заговорили в одночасье о том, о чем молчали долгое время, и некто сказал вещи, очень оскорбительные для инки. Его схватили и на другой день, когда опьянение прошло, подвергли пыткам. Он выдал заговор, объявил соучастников, были схвачены и, после объяснения причины, осуждены брат инки, который был похоронен заживо, и остальные виновные, которые были брошены в огороженное место с гадюками, тиграми и львами для того, чтобы тотчас же умереть от ярости яда и в когтях этих зверей.

Капак Йупанки был женат на Мама Корильпай Чава [*Mama corilpay chava*] и имел от нее четырех сыновей. Первым был Синчи Рока Инка [*Sinchirroca inga*], вторым – Апо Калья Унпири [*Apocallavnpiri*], третьим – Апу Сакай [*Apuçacay*] и четвертым – Чима Чавин [*Chima Chauin*], от которого происходят Апу Майта [*Apu Mayta*] из Куско, а от своих наложниц имел других многочисленных сыновей и дочерей.

Этот инка правил с удачливостью во всем, и в его время /87/ ему приносили дань почти все области, и он имел к ним большую благосклонность, ибо, когда приходил какой-нибудь посланец, он одевал его по своему образцу, и таким образом выходил в пампу [*panpa*] принимать их. Он прожил <лакуна> лет и из них правил <лакуна> и оставил своим наследником Синчи Рока Инку.

Синчи Рока, пятый инка, был очень прозорливым и всегда заботился приказывать, чтобы соблюдали законы его предшественников. В это время был очень силен гнусный грех. Цари мало исправляли его, чтобы не вызывать недовольство своих подданных, многие из которых ему сочувствовали. И были женщины, которые до того дошли в своей ревности, что приказывали убивать многих мужчин колдовскими чарами, которые они использовали при посредстве гадателей и колдунов, употреблявших также любовное колдовство. Это дошло до такого разгула, что убили многих знатных особ.

Инка Синчи Рока приказал созвать собрание, и его участники определили, чтобы соблюдались древние законы, которые предписывали, чтобы умирали, сожженные вместе с орудиями своего колдовства, не только колдуны, но и те, кто приказывал им убивать других, и последовательно исполнялись наказания относительно |*всех*| виновных, бывших многочисленными.

Для любовного колдовства они имели колдунов, сопровождавших многих знатных особ, у которых были камешки и определенные травы, из-за которых они теряли рассудок и отдавались с пылкой любовью другим лицам, более низкого положения. Те имели своих идолов, с которыми советовались, среди прочих был один вака или идол любви, который представлял собой белый или черный камень и какой-то серый, маленький и очень гладкий. Некоторые из этих камней имели вид /88/ двух обнимающихся людей, и этот камешек был, таким образом, их природы [*de su naturaleza*]. Колдуны искали их (или говорили, что находили), когда среди туч загорался сполох с великим громом, и ударяла молния, и они искали их в том месте, куда она ударила, и эти камни были более чтимыми, чем другие, обработанные, извлеченные из них. Эти идолы называются Ваканки [*Huacanqui*] или Куйам каруми [*cu Yam carumi*]. Эти идолы продаются по большой цене, особенно среди женщин, и их употребление продолжается до сих пор, и нет недостатка в покупателях, и они продаются с пояснениями, как их нужно беречь. Этих идолов используют те, кто хочет быть счастливой и любимой. Демон уже внушил им, что каждое новолуние имеются два или три дня, когда едят только белую кукурузу, воздерживаясь от сношений с мужчиной или женщины с женщиной. Этого идола кладут *тогда* в новую корзинку со множеством голубых и зеленых перьев птиц, называемых тунки [*tunqui*] и других, называемых пилько [*pilco*], кукурузной мукой и определенными душистыми травами и листьями коки. Эту корзинку хранят среди чистой одежды и каждый месяц обновляют кукурузную муку с различными церемониями, и моют с нею лицо и в определенные дни постятся.

Они используют для этой цели также другое дьявольское изобретение. Они берут некоторые домашние вещи, например, волосы, одежду, которая была бы

очень потной, из-за этого пота, говорят, что лучший результат дает слюна, и, наконец, любую другую вещь лица, которое хотят привязать дьявольской любовью, причинить ему ужасные /89/ сердечные страдания и, лишив его понимания, сделать его глупым, хотя бы он знал или не знал, либо, лучше сказать, не придавал этому значения. Способ колдуна состоял в том, чтобы взять большое количество коки, после полуночи – зеленого табака, андской корицы, которой предохраняются ото сна, а затем он пел шепотом, призывая духов или души лиц, вещи которых он получил ранее. После того, как они появлялись в демоническом видении, колдун спрашивал о причине, почему они не привязываются и не любят взаимно, и, выслушав те или иные оправдания и опасения, упрекал или приказывал тому, кто оправдывался, чтобы он, несмотря на то, что говорит, делал то, что он приказывает, привязывая его шерстяной веревкой, и, взяв черный маис и другие вещи, очищал предметы, которые получил ранее, говоря при этом очищении, что устранил из всех ваших дел и привязанностей враждебную судьбу, которую называют чики [*chiqui*]. После того он брал все названное, и вместе с разжеванной кокой и другими вещами, пожертвованными ваке любви и некой чакирой [*chaquira*] клал в новый горшок и закапывал его в одном тайном удаленном месте, обычно у слияния двух рек, называемом индейцами тинкук [*tincuc*].

Об этом способе колдовства индейцы говорят, что оно настолько действительно, что никакое привязанное лицо не может отделиться от того, кто его любит, и даже любят говорить, что их принуждает прихоть. Как мне сказал один верный друг священник, он утомился, удрученный невозможностью пояснить обратное тем, кто этим пользуется, и рассказал мне, что направил на это все усердие и что нашел, судя по всему, что эти сердечные беды /90/ и укорачивание жизни вызывают определенные зелья, которые колдуны дают им в пищу после того, как закопают горшок, и о которых травники этой страны говорят, что они создают в сердце определенную жидкость, которая вызывает припадки, и со временем она разлагается, превращаясь в ипохондрическую жидкость, отчего у тех, кто берет эти травы, возникают болезни сердца и внезапная смерть.

Глава 21. Говорится о некоторых вещах, касающихся предыдущего, и об успехах инки Синчи Рока

Колдовство весьма процветало во времена Синчи Рока, вызванное содомией, как мы увидели; колдунов использовали также для названных целей и для предсказания будущего, и для того, чтобы узнать о некоторых происшествиях и тайнах. Для этого в огонь клали большой и ровный черепок, называемый кальяна [*callana*], а на нем – определенное число кукурузных зерен разного цвета, каждый из которых представлял персонажа в соответствии с именем. Его давал гадатель после того, как брал в рот много коки и зеленого табака, говоря сквозь зубы, спрашивая его и вознаграждая тех, кто отвечал, в доказательство обнаруживая

движения, когда их о чем-то спрашивали, как только зерна начинали двигаться, отдаляясь одни от других или приближаясь, и если какое-то зерно не делало того, что гадатель ему приказывал, он его отчитывал и наказывал его /91/ палочкой, как если бы это был человек. Таким образом он собирал вместе зерна любовников, когда это делалось для любовного колдовства, и впоследствии колдун бросал зерна в огонь.

А если царь стремился узнать о каком-либо событии на войне, или о битве, или о другом событии, клали зерна в порядке, называя их военачальниками и говоря некоторые слова, зерна устраивали друг с другом великую битву, пока побежденных не сбрасывали с черепка, и затем колдун говорил о происшедшем, как будто бы он его видел.

В других случаях на черепок клали свечечки из жира, и без огня, по их пламени колдун показывал то, к чему стремились, и говорят, что это действительней, чем с зернами.

И они настолько отдавались этому пороку, что колдуньи даже приводили мужей на рынки продавать многие составные чары [*echiços conpuestos*] и некоторые простые, например, травы, чтобы сильно любить, или траву забвения, относительно которой упоминается один странный случай, который произошел в <лакуна> году. Все это для того, чтобы прелаты позаботились о том, что имеет значение для искоренения этого колдовства, которое даже сегодня продолжается.

Инка Синчи Рока наказал всех колдунов и сохранил жизнь только тем, кто предсказывал события войны и раскрывал тайны. С ними он посоветовался о царе Антавайльи, по поводу которого имел большие подозрения, и после того, как они ответили ему, что люди Антавайльи были обнаружены и что так было бы хорошо объявить ему войну и ею принудить их к подчинению, ибо предвещения указывали на большие успехи в битвах, хотя победа была вдали.

Из-за этого /92/ инка послал созвать народ и собрал огромное войско, и хорошо снабженное оружием и провиантом, и со всем удовлетворением отправил его с полководцем [*general*] к Антавайлье.

Перед этим он послал своих лазутчиков, и те сказали, что причина, по которой недовольны жители этой равнины, не столько в подчинении, сколько в том, чтобы иметь его инкам, о которых их идола говорили, что им не должны повиноваться, так как они незаконные владыки. Постигнув это, Синчи Рока послал к своему полководцу, который стал на привал, когда его нагнал один часки, чтобы он не выступал оттуда, пока не получит его новый приказ.

Он тотчас отправил послов к владыке Антавайльи, говоря ему, что очень изумлен тем, что разрушена вера, которую прежде сохраняли их предки по отношению к инкам, ответами ложных идолов, и чтобы они признали истинными богами Солнце и Луну и стали бы считать несомненным, что они происходят от них и являются истинными владыками мира, и чтобы не доводить до кровопролития, ведь за весь ущерб будет платить он как нарушитель мира, и что если он решит ему подчиниться, он простит ему прошлое.

Антавайльец ответил, что уже имел собрание со своим народом, и разговор состоялся [el gasto echo], и что, таким образом, он не может меньшего, нежели сопротивляться тем, кто пожелал бы лишить их свободы.

Увидев их решительность, инка приказал своему полководцу мало-помалу продвигаться, ибо сам хотел идти с большим числом людей следом, и они сделали так. Войско пришло, расположившись на высотах Антавайльи, в одной лиге от селения. Чанки [*canchas*], как называли себя жители Антавайльи, были многочисленны, и в своей стране /93/, и это внушило немалый страх людям инки, но он, схитрив, сказал своим, будто бы увидел во сне образ своего отца Солнца, который приказал ему дать сражение и пообещал победу, для чего вручил ему три позолоченных жезла и пять прозрачных камней с очень красивой пращой.

Воины воодушевились, принялись играть на своих рожках и барабанах, и, говорят об этом амаута, шум стоял такой, что, казалось, трясется земля. Инка поднялся над окопами и метнул три жезла, и поместил в пращу прозрачный камень, и бросил его со всей силой на врагов, и тотчас его воины сделали то же самое, после чего обе стороны завязали очень кровавую битву, длившуюся долгое время без того, чтобы одна сторона имела преимущества над другой, и с обеих было столько погибших, что они мешали живым. Инка, видя сопротивление противника, воспользовался одной достойной внимания уловкой, а она состояла в том, что, когда наступил вечер, он решил предпринять отступление в полном порядке, чему способствовала темнота, а с одной стороны оставил крепкий отряд воинов в засаде. Люди из Антавайльи, увидев это и решив, что они бегут, принялись беспорядочно их преследовать, а инка повернулся к ним и, так как нашел их в беспорядке, убил многих в передних рядах, и в это время из засады вышли остальные, и, настигнув их со спины, принялись убивать и захватывать людей без числа. Инка Синчи Рока проявил много доблести, и противники говорили, что его лицо сияло, как Солнце /94/, и были схвачены в этой битве многие военачальники и один из владык Антавайльи, а другой погиб.

Глава 22. О способе, которым, торжествуя, вошел в Куско инка Синчи Рока, и о его смерти

Инка много дней отдыхал в Антавайлье, и в это время приказал сделать много могил, в которых похоронили тех, кто погиб в битве, о чем они всегда очень заботились из-за заразы, которую вызывало разложение тел в прежние годы. Он устроил многочисленные жертвоприношения Итатиси и своему отцу Солнцу. Он разослал сообщение всем наместникам царства о победе, одержанной над мятежниками, и после того, как распределил доспехи между воинами и предусмотрел, чтобы в Куско была знать изо всех областей, чтобы они видели торжество его вступления, вознаграждение хороших и наказание плохих, приказал по этому поводу таким образом, чтобы простой народ вышел вперед, выкрикивая: "Да живет много лет такой добрый царь!" – сопровождая это звуками раковин и

барабанов, и чтобы только время от времени прерывались для того, чтобы были слышны голоса людей, которые в качестве пленников говорили бы упомянутые слова.

Затем прибыли две тысячи воинов в боевом порядке со своими военачальниками и знаками их должностей. Они шли, обильно украшенные, на /95/ головах имели очень богатые головные уборы и медальоны со многими разноцветными перьями, а на груди и спине большие диски из золота. Воины их носили серебряные, которые имелись.

В середине местами несли шесть барабанов в форме человека, сделанных из кожи касиков и военачальников, которые выделялись в битве, с них живьем содрали кожу и наполнили воздухом. Они представляли, весьма выразительно, их хозяев, и били их палками по животам для унижения; последним был превращен в барабан владыка Антавайльи, которого убили в битве.

Под их звуки шагали четыре тысячи воинов, и за ними шли многие пленные касики и военачальники, за ними следовали другие воины, а затем двигались другие шесть барабанов, как первые, а последним из пленных – владыка Антавайльи, которого захватили живым в битве. Он был нагой и со связанными назад руками, как и остальные пленники, на высоких и неудобных носилках, для того, чтобы его позор был всем виден. Вокруг него двигали шесть барабанов из кожи его родственников, из которых извлекали звук. Здесь же шла толпа пленных, которые не переставали говорить, что таким образом обходится царь с теми, кто восстает, а другие называли народы, подчинившиеся Антавайлье, а затем раковины и барабаны издавали большой шум и грохот, который вызывал страх и ужас.

На этом зрелище следовали три тысячи индейцев-"длинноухих", богато одетых и /96/ украшенных с разнообразием перьями. Эти шли с пением вали [*huali*], песни о победе и событиях войны, духе и доблести царя-победителя.

Позади шли пятьсот дев, дочерей знатнейших владык, очень красиво одетых и с цветочными гирляндами на головах, ветвями в руках и с колокольчиками на ногах, с песнями и танцами о подвигах инки.

Потом следовали многие знатные господа, которые шли перед носилками инки, убирая с дороги камни и соломинки, а другие – разбрасывая цветы.

После этого двигался инка Синчи Рока, с большим величием и торжественностью, на носилках из гладкого золота, на сидении и престоле, где он восседал, и они имели ножки из весьма тщательно обработанного в виде разных фигур золота. По сторонам шли самые главные владыки, которые меняли два опахала из очень хорошо обработанных и очень тонких перьев, которые жители Анд приносили в качестве дани инке. Опахала и ручки были украшены пластинками из чистейшего золота и изумрудами. Эти опахала служили балдахинном и называются на общем языке ачичуа [*Achichua*]. В правой руке инка держал болас из золота, в левой – жезл, о котором придумывают, что его дало Солнце. На голове он носил кисточку москапайча [*Moscapaycha*] из тончайшей цветной шерсти, которая охватывала чело и свисала с богато отделанной золотой

гирлянды. Носилки несли двести владык, сменяясь по очереди по восемь. За ними следовали некоторые из царского сословия и /97/ некоторые пальи [*Pallas*], очень украшенные, и их несли в носилках, и в завершение пронесли тридцать владык из касты инки и из его совета, тоже на носилках.

Кипокамайоки и амаута говорят, что стало известным автору приводимой истории, что было столько индейцев, которые находились на этом торжестве, что они покрыли все горы и все равнины в округе города Куско, которые громкими возгласами прославляли отвагу победителя и обличали измену побежденных.

Со всем этим сопровождением инка вошел в город Куско и обошел его весь, и, прибыв на площадь Кориكانча [*Coricancha*], приказал вырвать сердца у вождей и сжечь их, и пепел рассеять по ветру, затем он вошел в храм и, простершись на земле, громко вознес молитву творцу всего сущего, чтобы он оставался там. С окончанием молебна жертвы сожгли вне храма, где всегда имели алтарь, предназначенный для этого, что продолжалось непрерывно десять дней.

Через малое число дней к нему пришла новость о том, что со стороны чиригуанов пришло многочисленное войско из людей без порядка и согласия, которые шли большими толпами, и оно быстро двигалось из Кольяо.

Он созвал своих людей и собрал большое войско и со всей быстротой вооружил его, чтобы выйти навстречу врагам, которые распространялись, словно звери.

Синчи Рока был уже стар, и хотя ему хватало отваги, исчерпался дух его жизни и он умер девятидесятилетним, процарствовав <лакуна>. Он оставил своим преемником Лавар Вакака [*Laguarguacac*], который ему унаследовал. От своей жены Мама Мичай [*Mama Michay*] Синчи Рока, кроме наследника, имел троих сыновей, которыми были /98/ Майта Капак [*Mayta Capac*], Уман Тарси [*Human Tarssi*] и Виракира [*Viraqira*], от которого происходит айлью Виракира [*Viraquiras*].

Лавар Вакак, шестой инка, был очень спокойным и мирным, и большой рассудительности, и так всегда старался прекратить и замирить все волнения в своем царстве. У него постоянно была болезнь глаз, и они были такими красными, что для восхваления [por ensaquesimiento] индейцы говорили, что он плачет кровью, и поэтому его называли Лавар Вакак, тогда как его собственное имя было Майта Йупанки [*Mayta Yupanqui*].

Он много постарался относительно религии, и особенно после одной выдающейся победы, которую одержал над чанками, он приказал под страхом тяжких наказаний, чтобы Виракоча считался бы всеобщим владыкой всех вещей и указал чакры [*chacras*] Солнцу, Луне, грому⁷ и молнии и прочим идолам, а Виракоче не уделил ничего, приведя в качестве основания то, что творец всех вещей ни в чем не нуждается.

Он женился на Мама Кочекиклай Тупай [*Mama Cochequiclay Tupay*] и имел от нее шестерых сыновей: первого, Виракочу [*Huiracocha*], второго – Паукариальи

⁷ Согласно С.Хайленд: "Солнцу, новой Луне и молнии" (al sol, luna Nuevo y rayo)

[*Paucarialli*], третьего – Павак Вальпа Майта [*Pahuac hualpa mayta*], четвертого – Марка Йуту [*Marcayutu*], пятого – Тупа Паукар [*Tupa Paucar*], и шестого – Синка Рока [*Çincarroca*], который победил чанков, и от него происходят Аукайли панака [*Aucayli panacas*]. Лавар Вакак прожил пятьдесят лет, процарствовав <лакуна>, и оставил своим преемником Виракочу, который был седьмым инкой и очень доблестным, как мы увидим.

Глава 23. О времени, в которое начал царствовать Инка Виракоча, и о его подвигах и успехах

Виракоча был инкой величайшей души, какая только была в прошлом, доблестный /99/ и решительный, он предпринял нелегкие дела и во всем имел счастливый исход. Среди индейцев его считали больше, чем человеком, и так его называли Виракоча, именем творца всех вещей. Его собственное имя было Топа Йупанки [*Topa Yupangui*]. Они вместе наблюдали время его царствования, которое было в шестом Солнце, и наступило уже седьмое после потопа, которое, согласно счету, который я смог проверить, было за <лакуна> лет до открытия этих Индий Колоном⁸. Он начал царствовать в тридцать лет.

Немного дней после того, как он стал обладать царством, из Чили прибыли два его племянника, сыновья его сестры и двоюродной сестры, рожденные в том царстве. Тех выдали замуж за двух главных владык Лавар Вакака. Его отец, когда какие-то толпы людей пришли во времена их деда Синчи Рока, сразился с ними и захватил владык, и они оставались в Куско до времен |царствования| Лавар Вакака, и так как он был миролюбив, а те выказывали свою покорность, женил одного на своей дочери, а другого – на племяннице, и отправил их в Чили. А те обходились со своими женами со всей любовью, и имели от них двух сыновей⁹, и, узнав о смерти Лавар Вакака и о том, что Виракоча взошел на царство, отцы послали их, чтобы они увидели и узнали своего дядю.

К Виракоче пришла новость о том, что они прибыли с большой свитой, и он послал в Кольяо [*Collao*], чтобы их приняли как его собственную персону. Их доставили в Куско в золотых носилках и с царской пышностью, давши всем из их свиты очень богатые драгоценности. За два дневных перехода от Куско встретить их вышли все советники царя, и эти два перехода они минули за шесть дней, проходя по пол-лиги каждый день.

Виракоча принял их во дворце с большой любовью, приказав одеть /100/ по обычаю инков, и после великих пиршеств и других церемоний приказал продырявить им уши, и затем устроили многочисленные празднества. Благодарные чилийцы от себя попросили своего дядю посетить царство Чили согласно желанию, которое все они имели, увидеть его, и узнать его, и получить удовольствие от его советов и присутствия. Он пожаловал им это. На следующий год они попрощались с инкой и возвратились в свои земли со многими инками -

⁸ То есть Колумбом

⁹ В тексте *hijas*.

"длинноухими", которые пожелали сопровождать их, и с шестью из его совета для того, чтобы они учили их политическому правлению, и вместе с ними отправились некоторые палы и другие женщины, они несли многочисленные золотые сосуды и вели большое число овец этой страны.

Они пришли в Чили с этой свитой и с большой пышностью. И они обнаружили в этом царстве великие мятежи и распри между его владыками. Некоторые отступили вглубь страны и оттуда пытались тревожить данников племянников инки, стараясь вывести их из подчинения, подозревая, что из того, что они отправились повидаться с дядей, для них не может последовать никакой пользы, и что это было, чтобы отдать их под власть инки, и так постарались собрать и привлечь народ к своему мнению, чтобы укрепиться в своих намерениях.

Племянники инки, вдохновленные духом дяди, после того провели многочисленные совещания, решили подрезать крылья этому бунту и со всей незамедлительностью собрали многочисленное войско, чтобы исправить причину. Они отправили посланцев к бунтовщикам, предлагая им мир. Те не послушали посольства и некоторых посланцев, которые не смогли бежать, убили. Племянники инки отправились на поиски противников со своим войском и в течение года подчинили их, убивая одних и захватывая других, и дали знать об успехе своему дяде. И /101/ инка решил идти туда с могучим войском.

Подготовив людей, Виракоча приказал, чтобы вперед отправились многочисленные служители, прокладывая и обустроивая царскую дорогу от Чаркас до Чили через земли чиригуанов, так как она уже была от Куско до Чаркас. И этот князь впоследствии продолжил эту дорогу по Чили до теснины, выравнивая очень высокие холмы, и когда с западной стороны не смогли их выровнять, сделали большие каменные террасы [labradas de piedra], устроив через каждые три лиги тамбо, где были служилые люди, которые снабжали путешествующих необходимым. Сегодня эти творения почти уже разрушены, и видны только их следы.

Инка пришел в Чили, и все главнейшие владыки царства выказали ему покорность. Он принял их с большой любовью, но жил с большой бдительностью и осторожностью, так как знал об их высокомерных намерениях. Он дал им многие дары, чем достиг их привязанности. Он пробыл в Чили два года и оставил своим племянникам уже подчиненное и спокойное, и дал им совет, чтобы они всегда держали непокорных и беспокойных при своем дворе и под пристойным предлогом лишали их жизни.

С этим он вернулся в Куско и привел с собой сыновей владык как залог надежности сделанного, и чтобы они изучали общий язык, который его Отец некогда приказал ввести во всех своих царствах. Он привел с собой более двух тысяч чилийских воинов, отобранных в этих провинциях для завоеваний, которые он надеялся осуществить в землях чачапоя [chachapoyas] у подножия гор.

Он был в Куско много дней, приготовив многие вещи и воинов, чтобы осуществить свое намерение завоевать область Кито, ибо, хотя некогда они

признавали |там| перуанских царей и /102/ принимали их наместников, с прошлыми успехами, которые мы упоминали, не знали никого и жили в большом беспорядке.

В то время в той провинции Кито были большие землетрясения, изверглись два вулкана, разрушившие многие селения. Один – это тот, который находится напротив Пансальо [*Pançallo*], в пяти лигах от города Сан-Франсиско-де-Кито, а другой находится в виду гор Ойумбичо [*Oyumbicho*].

Местные жители взволновались из-за этих чудес. Колдуны спрашивали у демона, и он ответил им, что это были дурные знамения о том, что извне должны будут прийти люди, которые лишат их свободы. Все они жили в большой печали, ожидая того, что должно было произойти, но не переставали вести между собой кровавые войны, заботясь только о том, чтобы убивать друг друга, пока не узнали, что Инка Виракоча подчиняет и завоевывает землю, которая находилась недалеко от области людей Пальта [*Paltas*], расположенной сегодня возле Алохи, как они говорят.

Глава 24. Как Инка Виракоча вышел из Куско на завоевание Чачапойя и Пальта

Инка уже собрал много людей и выходил из Куско, когда его известили, что его жена Мама Рунтукай [*Mama Runtucay*] родила сына. Инка крайне обрадовался, ибо желал этого; он отложил хлопоты, которыми занимался, и пошел посмотреть на царевича, и держал его на руках очень долгое время, забывшись. Внезапно он вернулся, словно устыдившись быть полным нежности во время, когда объявил войну. Он приказал, чтобы младенцу дали имя Топа Йупанки [*Topa Yupanguí*], как его собственное, и тотчас /103/ вернулся, чтобы дать приказ о выступлении.

Виракоча вышел из Куско с более чем тридцатью тысячами воинов. Он без какого-либо противодействия пришел в Пальта и приказал, чтобы многие семьи переселились между самыми верными подданными царства в местностях, наиболее похожих по условиям на их собственные [*temples mas semejantes a los suyos*]. Часть из них он послал в Куско, и часть – в Кольяю, а других чачапойя – в Хауху¹⁰, Антавайлью и Котабамбу, и сегодня некоторые из них сохранились и называются митимаэс, и из этих народов он также переселил в некоторые области, потому что инка говорил, что народ разного нрава не объединится против господина.

Инка был занят этим, когда получил известие от своих соглядатаев, что жители Каньари [*Cañares*], которые сегодня живут в городе Куэнка [*Cuenca*], подготовились, чтобы сопротивляться ему, и что они избрали вождем одного владыку по имени Думма [*Dumma*], и он созвал владык из Мака [*Macas*], Кисна [*Quisna*] и Помальята [*Pomallata*].

¹⁰ В тексте *Xaura*

Инка решил идти против них, пока они не сделают необходимые приготовления. Он не имел привычкой проворство, из-за чего неприятели перерезали ему пути. Принужденные, а некоторые – из-за опасности, они сопротивлялись инке многие месяцы и имели многие стычки, а в одной заставили его отступить в область Пальта с потерей многих воинов и большей части обоза. Неприятели преследовали его до местности, где сейчас находится город Куэнка. Оттуда они отправили посланцев в Пальту, что, мол, есть хорошая возможность отомстить инке, ведь он потерял многих людей, которых у него убили или изгнали из своих областей. Жители Пальты со смущением выслушали это послание и посоветовались с колдунами, которые сказали, чтобы они ответили им, что инка очень удачлив, и никто не сможет преобладать над ним. Они приняли этот совет и дали знать инке о намерениях жителей Каньари. Он поблагодарил их за это и оказал им милости.

/104/ Для полной уверенности инка приказал построить укрепление, а тем временем к нему пришли люди, за которыми он послал позвать из Чили и к чиригуанам из-за воинственности. Оно строилось со всей быстротой, и жители Каньари, увидев, какое пространство занял инка своим жилищем, отправили к нему посланцев и подчинились с условием, чтобы им простили прежние прегрешения. Он посоветовался об этом, так как говорили, что люди Каньари были людьми двуличными и малонадежными, и определился, чтобы наместник, который был бы, обласкал бы владык, и чтобы у них взяли в заложники их детей. Они приняли это со всей радостью. Думма и остальные пришли поклониться инке. Признав его сыном Солнца, он пообещал ему верность и в залог дал ему сына и дочь, и остальные владыки дали ему своих сыновей. Сделав это, Думма отправился в свою область, и через короткое время построил дворец, чтобы принимать царя, и возле реки сделал другие многочисленные дома и другие убежища для людей из войска, так как воины стояли постоем в больших хижинах. Все это уже было сделано, когда инка пришел осмотреть эти области Каньари, где был принят с большими празднествами. Он провел там чуть более года, собрав много продовольствия. Пришли люди из Чили, чиригуаны и |люди| из Куско, с которыми он приготовился идти на Кито.

Инка вышел из Куэнки и пришел туда, где люди Каньари построили дворец и дома на берегу реки, с такой торжественностью, что на всего лишь шесть лиг потратил десять или двенадцать дней. Жители Каньари вышли вперед, встретив его в поле с гирляндами цветов, танцуя и играя на музыкальных инструментах среди тех, кто пришел выказать свое повиновение.

Во время, когда он находился в этой области, /105/ пришли индейцы, жившие тогда на другом берегу реки Гуаякиль. Они просили его о помощи, чтобы обуздать насилия, чинимые против них жителями этого берега реки, и инка дал им многие дары и военачальника с хорошими воинами, чтобы, когда он вернется назад, они позаботились бы о том, чтобы обуздать приречных жителей. Узнав об этом, они построили укрепления и поставили на реке охрану с плотами для сопротивления, чей успех мы скоро увидим.

Когда инка подошел к области Пуру или Перу [*Purues* о *Perues*], люди пурува или перува [*Puriguaes* о *Periguaes*] оказали сопротивление. Он послал к ним посланцев, и они убили их. Он напал на них, победил их и выселил многие семьи и переселил их, как имел обычай, ибо когда Манко Коске [*Manco Cozque*], восемьдесят второй царь, покровительствовал этим варварам, они пришли через Тьерра-Фирме от островов Барловенто и выказали повиновение ему в знак благодарности, но затем восстали при новшествах, которые были в перуанском царстве, но главная причина, говорят амаута, была в том, что их не переселили, и таким образом это побудило его сделать так сразу же, как инка их победил.

Жители Кито оставались напуганными землетрясениями, произошедшими незадолго до того. В это время они узнали о приходе инки. Они собрали большие собрания народа, посоветовались и решили, что, так как инка победил Пальту, Каньари и других, бывших столь воинственными, следует отправить к нему послов и выразить ему от имени этих областей покорность. Так они и сделали, и то же самое Атакунка [*Ataiunga*], /106/, Сичо [*Sichos*] и Ампато [*Hampatos*].

Инка принял их со всей любовью и, наполнив дарами, ответил владыкам, что скоро будет в их областях, чтобы увидеть их и принять в подданство. Итак, туда он отправился в путь, и за шесть лиг до Кито его лазутчики (которых он всегда высылал вперед, хотя бы и было время мира) сообщили ему новость, что за две лиги оттуда стояло многочисленное войско. Инка испугался, не была ли это засада, и послал осмотреть землю, и оказалось, что это владыки тех областей вышли, чтобы встретить инку со всеми людьми. Он это очень оценил и очень по-семейному принял владык, вошел в город, был рад видеть его и насладиться его прекрасным климатом, и решил сделать его во всем похожим на Куско.

Глава 25. О том, что сделал Инка Виракоча в Кито и как он послал на завоевание Кофанов (cofanos)

Увидев прекрасное расположение города Кито и прекрасный климат его округи, инка решил сделать его своим местопребыванием. Он приказал, чтобы перестроили дворец для его проживания. Он приказал сделать помещения для военных и отдал приказ, чтобы из всех областей из Пурува народ пришел заселить город. Он разделил кварталы на Анан Суйо и Урин Суйо и дал имена холмам в окрестностях города. /107/ Холм на востоке он назвал Ана Чуарки [*Ana Chuarqui*], на западе – Вана Каури [*Huana Cauri*], на юге – Лавирак [*Lahuirac*], на севере – Кайминка [*Cauminga*], и во всем позаботился сделать его похожим на Куско.

В дни, когда он был там, ему принесли весть, что с другой стороны горной цепи, идущей от Санта-Марты до Магелланова пролива, живет очень воинственный народ, который ходил в чем мать родила [*vsava de vestidos politicos*].

Он возымел желание подчинить их и, чтобы разузнать о них, для начала послал шестерых военачальников с достаточным количеством народа, которые

отправились в приграничные области, которые мы сегодня называем Кихо [*Quixos*] или Коричными [*los de canela*]. Они увидели много людей, которые жили в горах на берегах рек, очень полноводных. Их костюм состоял в том, чтобы ходить нагими без какого-либо другого прикрытия, кроме волос, служивших им одеждой. Те воины, которые отправились в это путешествие, потерялись и |только| некоторые вышли к Куско и рассказали инке о том, что они увидели и как они питались долгое время плодами лесов и видели в них большие различия в народах и, что, заблудившись, их вывели к Куско, о котором там, в глубине |лесов| имеют многие сведения, и что никакая вещь не была так трудна как четыре дневных перехода там, где было столько тигров, что нужно было устраивать постель на деревьях, чтобы поспать, и что даже там было небезопасно.

Эти индейцы пришли через год в Куско, где они нашли Виракочу /108/, и, напуганный их сообщением, он приказал, чтобы этих индейцев наградили, и чтобы они вернулись туда, где они прошли, следуя по следам и отпечаткам, и чтобы с ними вышли две сотни доблестных индейцев и чтобы они несли с собой свой запас провизии. Сделали так и через месяц они достигли Атакунки [*Atacunga*], и это кажется баснословным ввиду ее расположения далеко к западу, но в 15^{лакуна} году секретарь Диего Хуарес [*Diego Xuares*], собирая пожертвования в этих провинциях в селении Мулаало [*Mulahalo*], говорил на эту тему с одним священником по имени Гаспар Нипати [*Gaspar nipati*], и тот подтвердил сказанное, и что еще были живы некоторые из тех, кто вновь отправился в это путешествие по приказу Вайна Капака [*Uaynacaica*], внука этого Инки Виракочи, и что оттуда в настоящее время есть очень короткая дорога в Куско.

Отправив этих шестерых военачальников, Инка Виракоча собрал сильное войско и отправился в область чонов [*chonos*], которые живут в Гуаякиле. Он шел с большой радостью, хотя дорога является суровейшей, так как жертвоприношения, которые он приказал устроить перед этим походом, дали добрые предзнаменования и ответы по внутренностям баранов и овец, которых он приказал принести в жертву. Он прошел селения Калакаби [*Calacabi*] и Пулулава [*Pululagua*], и памятные знаки по дороге, которые он тогда оставил, и сегодня видны. Не удивляет ни это, ни разные стычки с варварами по пути. Он задержался на несколько месяцев из-за /109/ сопротивления, которое ему оказывали, и он укрепился в неких пукара [*Pucaraes*], которые там были. И инка также был растерян из-за многих трудностей, которые причинила суровая дорога, и неприветливости этих туземцев.

К нему на помощь пришли люди из Атакунки и принесли много съестного. Они построили плоты, и инка со своим людьми поплыл по реке, очень большой, и достиг селения, называемого Баба [*Vaua*], и там получил известие, что его поджидает много людей, чтобы дать ему бой. Он высадился на сушу со своим войском и пришел в область, называемую сегодня Старый Гуаякиль. Там он увидел посреди реки многочисленные плоты и что против них не было средств.

Он предпринял сложнейшее дело, чтобы начали строить мост из плетеных веревок, предусмотрены были и толстые канаты, но так как река была широкой и

глубокой, от работы не было результата, особенно из-за приливов. Были и другие советы после того, как он разочаровался в идее про мост. Среди них был такой, который исполнили: чтобы построили плоты, и чтобы его воины завязывали друг с другом стычки *[на них]*, и уже имеющие опыт и умение дали бой противнику. Это длилось много дней. В один река была за одними, в другой – за другими, лучше знавшими использование копий в бою на воде. Виракоча приказал своим полководцам начать битву, и чтобы они со всех сторон набросились на врага, будучи подготовленными. На другой день среди противников инки были многочисленные раздоры, и главный вождь послал к нему посланцев, сдаваясь вместе со своим подразделением. Остальные, увидев это, /110/ ушли в свои селения.

Инка без препятствий высадился на другом берегу, где сегодня расположен город Гуаякиль, и оказал многие милости вождю и его подразделению, которое ему сдалось, и своим умением завоевал все земли чонов, живущих в Гуаякиле. Он пробыл там один год, и в это время пришло известие об острове Пуна и о том, что его обитатели были очень воинственны.

Он обдумал опасности похода и войны, которые он должен был совершить по воде, и, найдя во всем трудности, созвал главных владык чонов и провел с ними разные совещания, главным образом для того, чтобы узнать о состоянии их отношений с жителями Пуны. Он очень кстати задел это. Ведь, когда он коснулся этого пункта, все они дали понять, что имеют их за врагов, и что вели с ними очень кровопролитные войны, и в течение очень продолжительного времени, инка обрадовался и изложил им свое намерение. Они воодушевились от этого и пообещали помогать со всей верностью.

Подготовили очень много плотов и хороших кормчих, и отплыло войско, в котором было двадцать тысяч человек. Они прибыли на остров, а островитяне вышли встретить инку. Завязалась битва. Кажется, они одержали победу из-за превосходства моряков, а не из-за силы воинов. Инка приказал своему полководцу, чтобы он не сдавался врагу, и одной ночью /111 / занял сушу с частью своих людей. На острове он построил свой отряд на берегу моря и, приготовив огонь, приказал бросать его в дома. И те, кто оставался на суше, бежали, а те, кто на море – сдались, и был взят в плен главный владыка. Инка обошелся с ним очень по-доброму и, чтобы обязать его в дальнейшем, взял одну из дочерей в жены, а ему инка отдал одну из своих сестер, сопровождаемую многими пальями, благодаря чему обезопасил себя от островитян.

Эта победа внушила по всей стране такой страх, так как жителей Пуны считали очень доблестными, что все соседи сдались и оправили посланцев к инке с тем, что имеют в нем Сына Солнца, и особенно жители Старого Порта [Puerto Viejo].

А перед тем случилось, что инка послал к жителям Порта своих посланцев, мирно их упрасывая. Они тянули с ответом многие дни, советовались с колдунами и сказали, что не принимают его владыкой. Они толковали о том, чтобы убить посланцев, но те узнали об этом и тайно вернулись. Они дали отчет

инке, и он был очень огорчен и позаботился о том, чтобы собрать многих людей для войны. Он получил и другие предостережения от двух лазутчиков, которых схватил, и, после того как их истязали, приказал разрезать им живым животы, и чтобы две женщины постепенно наматывали их кишки на прялку.

Он приказал приготовить свое войско /112/, и плоты с лоцманами были наготове, когда к инке пришла весть, что жители Каньари взбунтовались, и что они убили его наместника и воинов из гарнизона. Инка не знал, идти ли ему на бунтовщиков или на Старый Порт. Он пришел в совет, и одни говорили, что, если он оставит так бунтовщиков, то по их примеру непременно восстанут и соседи, другие, что уже сейчас понесены затраты по поводу Порта и что после было бы легко, после подчинения его жителей, повернуть в Каньари.

Глава 26. Как Инка Виракоча вернулся в область Каньари и победил ее и почему эта область называется Туми Пампа [Тумипатра]

Долго длились совещания о том, стоит ли инке сначала идти к Старому Порту или повернуть в Каньари. В конечном счете возобладало первое мнение. Приняв такое решение, инка пришел к Порту, где было восемь больших плотов и на них много вооруженных людей, хотя ему показалось мало людей. Несмотря на это, инка, подозревая какую-нибудь уловку, приказал своим полководцам, чтобы они в порядке вышли в море и чтобы никому не давали возможности /113/ высаживаться. Подошли люди с плотов, один из них бросился вплавь и сказал воинам, что они пришли с миром. Об этом дали знать инке, и он дал позволение, чтобы им разрешили высадиться на сушу, и они сделали это. К инке пришли посланцы и простерлись перед ним, и просили прощения за то, что не подчинились ранее, выставляя в качестве оправдания, что виноваты были колдуны, и выказали повинование от имени владык Порта. Инка принял их с миром. Он послал наместников, которые без большого сопротивления завоевали все эти земли на близлежащем острове. В этих землях один наместник построил великолепный храм, признавая Южное Море великим божеством, он называется сегодня Серебряным Островом [Isla de la Plata] или Санта-Клара.

Эти свершения доставили инке много удовольствия, и он отправил вперед тайных лазутчиков из чонов, чтобы, говоря тоном, мало благосклонным к инке, они распространяли бы рассказы о битвах, в которых он одержал победы в их областях и на Пуне, и чтобы остальные по своей воле подчинялись. Вскоре инка отправился со своим войском по очень трудным дорогам среди лесов, болот и рек, потому что жители Пуны повели его к порту, который называется "Ладонь" [Vola], на многих плотях, присланных наместниками Тумбеса и Старого Порта, и куда их вели по столь плохим местностям, что они заблудились, и ни инка, ни кто-нибудь другой не знал, где пролегает дорога, потому что тропинку разрушили в одних местах разрушительные дожди, в других закрыли заросли травы, /114/ а на большей части – горы.

Здесь индейцы измышляют, что, заблудившись таким образом, инка услышал голос, который звучал из одного холма и который говорил: "По этой дороге, сынок, по этой стороне!" – и что, пройдя туда, где слышался голос, они нашли правильную дорогу и срубленные деревья, чем были поражены жители Пуны и чоны, и они считали инку богом.

В конце этих трудов он пришел в область, где сейчас находится Куэнка, так, что ему не помешали многочисленная войска жителей Каньари, которые преградили ему дорогу во многих местах.

Этот город Куэнка в древности назывался Тумипампа [*Tumipampa*], что означает "Равнина ножа Туми", который является медным колдовским инструментом в виде сапожного ножа, насаженного на палку; "*pampa*" означает "равнина". Причина, по которой ей дали это имя, состоит в том, что, когда инка находился в этой местности, отдыхая после долгого похода, который он проделал со столькими трудностями, он и его люди увидели на холмах возле войска многочисленные отряды врагов, которые со звуками многих раковин и других инструментов пришли беспокоить их. Они построились в правильный порядок, поджидая сражения, с которым мешкали жители Каньари. Когда прошло два дня, они напали на инку. Он доблестно защищался и не отступил ни на пядь [*sin perder passo de tierra*]. Отличились чоны и чиригуаны из войска, и как только силой своей доблести они врезались в неприятельские ряды, разорвали их, так что было легко отбросить и победить их. Мертвых было несчетное количество, а пленных, говорят индейцы, прошло восемь тысяч. На другой день после победы Инка Виракоча приказал /115/ привести всех их к ножу и не остановился на этом, так как приказал разыскать стариков и старух этой области и отрубить им головы, и от этого они называли это место "Тумипампа", а всех подростков и детей он приказал переселить в Куско, где живут их потомки и являются митимаэ в Куско.

Затем инка приказал устроить собрание народа, и пришли все главные владыки областей, которые сегодня от Кито до Ла-Платы, будучи собранными в местности, где он приказал совершить наказание. Он вышел на своих носилках из золота, а впереди них – девственные дочери этих главных [*владык*], очень хорошо одетые и с пальмовыми ветвями в руках, воспевая его победы, а все [*остальные*] хранили молчание. Царь поднялся на почетное место над этими носилками. Он призвал к верности, говоря им, что, как они увидели по опыту, его отец Солнце помогает ему во всех его делах и что так он одержал столь славные победы, что отныне он решил идти в Куско отдохнуть от трудов, пока этот Верховный Творец не приказал бы ему другого дела, и чтобы они были верны в своей покорности, угрожая карами мятежным и обещая милости благодарным, и что он вскоре огласит это в своем присутствии тем, кто этого не услышал. И владыки, пав ниц, пообещали исполнить эти приказы и вместо клятвы, встав на ноги, вырвали себе брови и ресницы, и громко засвистели вверх к небесам, а простонародье заиграло на своих флейтах, барабанах и раковинах /116/, и с великим ликованием они закончили это действо. А царь вернулся во дворец, и вскоре приказал провести

смотр. Он нашел 35 000 воинов, и распределил их по гарнизонам с одинаковым климатом.

Будучи в этих заботах, он, наконец, посетил своего сына Топа Йупанки, наследника его царств, которого его отец инка очень любил и которого назвал своим собственным именем, Топа Йупанки. Он принял его с большой радостью и равным царским величием, и к его приходу устроили большие празднества и гуляния.

Инка приготовился к тому, чтобы вернуться в Куско. Он избрал путь по равнинам, и все цари приняли его с миром, кроме Чимо [*Chimos*], которые были там, где сегодня Трухильо. Он имел с ними две очень кровопролитные битвы, и они предпочли скорее бежать, нежели подчиниться инке.

Он оставил некоторые гарнизоны и прошел вперед. Он отремонтировал храм Пачакамака, где приказал устроить великие жертвоприношения многих инкских баранов из золота и серебра в большом количестве и многочисленных одежд из тончайшей |ткани| чумбе [*chumbe*]. Он поручил жрецам, которые были великими колдунами, чтобы они спросили у своих оракулов о добрых и плохих событиях с его сыном. После великих постов главный жрец сказал, что Топа Йупанки и его сын будут царствовать счастливо и завоюют многие царства, но что после его внука в этих царствах будут править невиданные народы, белые, бородатые и очень жестокие. Виракоча остался очень опечаленным этим ответом, и эта печаль распространилась среди его людей, и он, так как это вызвало большой страх /117/ у всех, вернулся совершить большие жертвоприношения, чтобы умиловить великого Пачакамака.

Затем он со всей безотлагательностью пришел в Куско, где, уstraшенный воображением от этого ответа, закончил свою жизнь, процарствовав 45 лет. От своей жены Мамы Рунтукай [*Mama Runtucay*] он имел трех сыновей: первым был Топа Йупанки, который ему унаследовал, второго звали Инка Уркан [*Inca Vrcan*], третий – Хуайта [*Juayta*], от которого происходят Суксе Панака [*Succe panacas*].

Глава 27. Об инке Топа Йупанки, восьмом среди инков, и как ему унаследовал его сын Вайна Кава [Huayna Cava]

Великой была печаль, которую вызвала смерть Виракочи во всех областях его царства. Они устроили многие поминки и оплакивания, которые длились более шести месяцев. В конце этого времени владыки из всех областей собрались на коронацию Топа Йупанки. И он правил мирно, и завершил подчинение чиму одной примечательной военной хитростью. Дело было в том, что, как и во времена его отца Виракочи, они ушли в горы и, собрав там свое войско, вернулись к тем, кого оставил в их земле инка, и убили их с потерей многих чиму.

Узнав об этом, Топа Йупанки, так как по своей природе он был миролюбивым, посоветовал более мягкие средства /118/, чтобы покорить чиму без битвы, считая, что она должна была бы быть очень кровавой, и после многих

совещаний остановился на одном, которое предполагало, что долины орошаются водами и реками с гор, и что без них чиму не смогут прожить, и чтобы перерезать истоки и развести их по разным местностям, чтобы чиму не смогли их использовать из каналов и из-за этого сдались бы навсегда.

Это был один из лучших советов, которые ему дали, так как инка тотчас послал многих землекопов, сопровождаемых четырьмя тысячами воинов, и через немногие дни они отвели реку от чиму по некой песчаной местности, что все видели.

Военачальник, сразу же, как сделал это, отправил посланцев к чиму, говоря, что инка как сын Солнца имеет власть над водами и что таким образом он отобрал их и будет отбирать, пока они не подчинятся. Чиму, увидев это, и что он не может идти против инки, так как тот держал его народ, заняв проходы, решил стать его данником и с этого времени был ему верным подданным [*buen Vasallo*].

Этот инка сделал и другие очень добрые дела и, прожив пятьдесят лет и процарствовавши двадцать, умер в Куско. Он имел от своей жены Койя Мама Окльо [*Coya Mama Ocllo*], его собственной сестры, двух сыновей. Первым был Вайна Кава [*Huayna Cava*], а вторым Ауки Тупа Инка [*Auqui Tupa Inca*]. Об этом Топа Йупанки говорят, что он был первым из инков, который женился на собственной сестре.

Вайна Кава совершил великие поминки по своему отцу и после них короновался, и он был девятым из инков. Его собственное имя было Инти Куси Вальпа [*inti cusse Hualpa*], и его называли Вайна Кава, так как он был очень хорошо сложен, скромн и /119/ красив.

Первое, что сделал Вайна Кава после того как был коронован – умиротворил верхние области и разместил в некоторых частях Анд, откуда несколько раз спускались странные люди, очень усиленные гарнизоны, особенно в Вилькабамбе, так как его отец сообщил ему об ответе, полученном его дедом Виракочей, о том, что должно будет исчезнуть владычество инков, и так он заботился только о том, чтобы укрепить свое царство, как если бы была сила против Божией воли.

Он собрал большое войско и вышел к области Чачапояя, и по реке Мойобамба [*Meuobamba*] отправил многих людей на плотях, чтобы они уведомили о землях и отметили, что за народ там имеется, и о том, как пройти туда, чтобы воевать. Они проплыли по реке и нашли неких индейцев мотилонов [*motilonos*], и прошли вперед до того места, где река образовала длинный и широкий песчаный берег. Многие плоты и каноэ потонули, когда они высаживались на землю. Их окружило множество индейцев, и они умоляли не причинять им зла. Сначала они остались вместе с ними, а другие вернулись туда, где находился инка, и дали ему отчет о происшедшем и о том, что было много народа и учтивости по ту сторону гор. Инка обрадовался и предложил идти на завоевание этих областей, и начал обсуждать со своими военачальниками способ, как это можно сделать.

Это прервали новости, которые пришли о том, что пальта [*Paltas*] восстали и убили наместников, которых поставили его отец и дед, и пальта очень переживали это. Узнав, что он выступил, они послали двенадцать отважных воинов с

приказом, чтобы они выследили войско инки, и его порядок, и способ, которым оно передвигалось, и принесли известия. С ними отправились другие двенадцать, чтобы, одевшись воинами инки, постарались бы убить его. Они пришли в войско, нагруженные хворостом, но были узнаны. Их подвергли пыткам и, узнав правду /120/, отрезали им носы и уши одним, а другим выкололи глаза и таким образом отправили назад в их земли. Когда пальта их увидели, они очень испугались инки, полагая, что ему помогает Высшая Воля, как из-за прошлых побед, так и потому, что он разоблачил их лазутчиков. Они обсуждали между собой, не возвратиться ли к прежней покорности. Они разделились во мнениях, и верх взяли мятежные, но с ними случилось зло, так как в двух битвах, которые дал им Вайна Кава, он победил их и почти всех истребил.

Будучи там, он получил известие о том, что народ с другого берега реки Киспе [*Quispe*] восстал, и что народом правила одна госпожа по имени Килако [*Quilago*]. Вайна Кава, опасаясь многочисленности этого народа, отделил некоторую часть и со своим войском пришел на расстояние видимости противников, которые были посреди реки, укрепившись на другом берегу. Произошли многие стычки, разрушения мостов и смерти с обеих сторон, и длились эти столкновения, не принося успеха, более двух лет.

В это время инка скрылся от народа. *Затем* он произнес речь перед своими воинами, воодушевляя их. Он сказал им, что, так как им противостояли силы людей, управляемых женщиной, то он определил разбить сильного врага мощью, ибо его отец Солнце пообещал ему победу и в знак ее дал ему пращу и три прозрачных камня, и позолоченную стрелу с его болас, и воины остались очень ободренными этим. И здесь амаута измышляют, что /121/ Солнце сообщило ему, как противники определили отступить к реке, чтобы тотчас заманить его в засаду и убить у него всех, и что инка поднялся на холм и метнул из пращи, и один камень, который он бросил, попал прямо в засаду среди сухой травы на другом берегу реки и ударился о большой камень, и разбился, и загорелся сильный огонь, который охватил траву и воинов, бывших в засаде, после чего войско перешло с другого берега без сопротивления и победило врагов в очень ожесточенной битве.

Он захватил госпожу Килако, оказал ей многие знаки внимания и дал богатые украшения, и добивался ее, как полагается, а она занимала его некоторыми отговорками, порожденными благосклонностью, хотя и приукрашенными, о том, что рабыня не будет достойна такого владыки. Инка предоставил ей свободу, и госпожа вернулась в свой дворец и устроила, чтобы в помещении подле ее комнаты сделали глубокий колодец. Инка и она обменялись посланиями, от него – правдивыми, а от нее – лживыми, потому что она намеревалась без риска заманить его в свой дом и сбросить в колодец. Инка получил сведения об этом и постарался бодрствовать с самой большой осторожностью. Госпожа сообщила ему точный час, когда прийти в ее дворец. Инка пришел, она приняла его с проявлениями радости. Они пришли, взявшись за руки, и, входя в помещение с ловушкой, инка схватился за дверной косяк и, остановившись, сделал госпоже подножку, от которой она упала в колодец,

ставший могилой для ее тела, и то же самое сделал с ее служанками, так как те стали испускать вопли. Он схватил главарей, которые по беспечности оставались на свободе. И /122/ инке было легко избежать этой опасности из-за предупреждения, которое предписало ему эту осторожность.

Глава 28. О том, как владыка Койямбе [Coyambe] укрепился со многими людьми в лагуне, называемой Йаваркоча [Yaguarcocha], и инка их победил

Некоторые из владык, которые присутствовали при событии, увидев, что намерение госпожи Килако не удалось, бежали, возглавляемые владыкой из Койямбе [Coyambe]. Он укрепился в лагуне, называемой Йаваркоча. Там было восемь очень больших ивовых деревьев [arboles de sauce], стоящих по кругу. Они сделали мостки от одного к другому вверх и вниз с таким расположением, что на них вмещалось более двух тысяч человек, а некоторых других воинов распределили по склонам и холмам, а оставшееся войско поместили на небольшом склоне на границе селения. Они созвали народ, и собралось без числа людей из Кильясинка [Quillaçingas], Атири [Atiris], Пасто [Pastos] и других областей.

Но и Вайна Кава не проявлял небрежности в поиске своих врагов до того, как они укрепятся. Он сделал подсчет своих людей и нашел более ста тысяч бойцов. Он прошел области Мальчинги [Malchingui], Кочески [Cochesqui] и Кайямбе [Cayambe], где подверг суровым наказаниям всех, кого сумел захватить. Он подошел со своим войском за одну лигу до противника. Он узнал способ его расположения и дал ему сражение, начав под великий шум барабанов, раковин и антар [antaras], так что показалось, что эта местность обрушится. /123/ Враги ответили таким же или равным шумом. На ближайших полях было много убитых с обеих сторон, а особенно – у инки, так как из укреплений вокруг лагуны не только наносили ущерб, но и усиливали вражеское войско, и многие у инки пали духом, так как казалось, что они никого не убивали из-за того, что противники бросали мертвых в лагуну. Битва продолжалась три дня, и кайямбец [el de Cayambe] укрепился в крепости у лагуны и на плотках, которые предусмотрительно имел внутри ее. Вайна Кава, увидев, что невозможно сражаться, не имея плотов, приказал, чтобы сорок тысяч воинов окружили лагуну со стороны склона, по которому отступили их неприятели, и сражались с пращами и метательным оружием. Он отдал также приказ, чтобы тридцать тысяч воинов сражались со всех сторон с остальными, которые оставались вокруг лагуны в укреплениях, а пукара [pucaraes] и остальных послал к лагуне в область Октавало [octaualo], чтобы доставить много камыша или *тоторы* [ttottora] для плотов, которые следовало сделать. Прошло много дней, пока Вайна Кава победил тех, кто был в укреплениях на другом берегу лагуны. Он напал на плотках на тех, кто был внутри, и жестоко бились одни и другие, когда инка с людьми на каноэ сражался с теми, кто был /124/ на мостках над деревьями. Те устроили большие попойки, пели и танцевали, взявшись за руки, в знак презрения к Вайна Каве. И после того, как они сражались долгое время, люди с плотов стали брать верх над людьми инки и много убили

народа у противника и потопили плотов. Военачальники инки пришли со своими к деревьям, они сражались с теми, кто был на мостках, и понесли большой ущерб тем, кто были на плотам, и взяли верх те, кто были на деревьях, и, увидев это, инка приказал сделать шлемы вроде митр для своих воинов, чтобы, защищенные от камней и метательного оружия противника, они срубили деревья медными топорами. У тех, кто был наверху, закончились камни и дротики, и они сражались только копьями, чем дали возможность срубить деревья, которых было только три, и они упали в воду с примечательным грохотом, причинив падением большой ущерб плотам, и воины инки убили среди них многих военачальников, что вызвало большое смятение у противника, и никто не избежал того, чтобы быть утопленным или зарезанным, и было их столько, что лагуна превратилась в кровь и поэтому называется Йаваркоча, что означает "Озеро крови".

Вайна Кава после того, как одержал эту победу, совершил большие жертвоприношения Итатиси Йачачи Виракоче и своему отцу Солнцу.

Он занялся умиротворением областей /125/ и однажды, когда справляли большие празднества и гуляния в присутствии войска, инка приказал вывести перед ним всех взятых в плен и сдавшихся во всех частях *[этой страны]*. Они вышли, встревоженные и уstraшенные, со связанными назад руками, полагая, что их ведут казнить. Пришедшим, которые очутились перед инкой, находившимся на своем золотом троне, он сказал, что дарует им жизнь и желает иметь друзьями. Они были поражены, услышав то, о чем и не помышляли, простерлись на земле, пообещав ему быть верными, и в залог этого доставили своих жен и детей, которых прятали в горах. Они заселили область Каранке [*Carangue*] в год, в котором в ней находился инка. Он приказал засеять поля и, так как местность Каранке показалась ему хорошей по климату и плодородной, приказал заложить фундаменты по образцу Куско, чтобы разместить там свой двор. Он отстроил великолепный храм своему отцу Солнцу, а для себя построил огромный дворец.

После упорядочения правления он приказал устроить собрание всех владык, обязав их к повиновению, засвидетельствовал любовь, которую к ним имел, и в знак любви сказал, что хочет оставить им во дворце Каранке своего сына Атавальпу [*Atagualpa*], двух лет от роду. Собственное имя этого царевича было Вайпарти Титу Инка Йупанки [*Huayparti titu inca yupanqui*], а Атавальпа его называли из-за кормилицы, /126/, которая была из селения, называвшегося "Атав". В Куско и в кусканском языке это означает "доблесть" или "сила", а "Вальпа" означает "добрый" [*venigno*] или "кроткий" [*mansso*]. Инка приказал им, чтобы они смотрели за ним и растили его с должным уважением, и что он отправляется в Куско и что, если Итатиси отнесет его отдыхать вместе с его предками, он оставляет им этого царевича владыкой и царем, и чтобы относились *[к нему]* с почтением. Младенец был родичем их всех, ведь был рожден в их стране и вырос среди ее уроженцев.

Вскоре Вайна Кава отправился в Куско с людьми, необходимыми для его сопровождения, оставив остальных в гарнизонах и с наместниками областей.

Через малое количество дней он пришел в область чанков, которая называется Антавайлья. Он подверг наказанию обвиненных в одном заговоре.

Он прошел в Куско с желанием увидеть своего сына Васкара [*Huascar*], которого нашел в возрасте двенадцати лет. Собственное имя этого царевича было Инти Куси Вальпа Йупанки [*inticusse Hualpa Yupanqui*]. Его назвала Васкаром кормилица. Все, что рассказывают об имени этого царевича, равно как и о большой золотой цепи, и о других вещах, это вымыслы, а правда – то, что сказано.

Вайна Кава был очень хорошо принят в Куско. В его палате приемов [*rezivimiento*] находились многие владыки из Кольяо, и перед тем, как он вступил в свой дворец, совершили большие жертвоприношения в храме, которые /127/ длились много дней, и на которых присутствовал царь. Он не выходил из храма, и придумали, будто он отдыхал вместе со своим отцом Солнцем, от которого получил великие советы.

В конце этих дней он вышел из этого затворничества, и с тех пор не случалось больше править [*no quiso governar mas*] матери его сына Васкара по имени Койя Рава Окльо [*Coya ragua oçollo*], которая входила в советы как председательствующая, или вступать с ним в супружеские сношения [*administro el acto conyugal*], ибо существовал древнейший обычай царей Куско не допускать к ним своих законных жен после того, как они имели от них сыновей или дочерей, так как они были их родными или по крайней мере двоюродными сестрами.

Вайна Кава пробыл в Куско более двух лет, устраняя злоупотребления, допущенные в его отсутствие, а также потому, что чилийцы прислали своих посланцев просить прощения за свое промедление прийти к нему. Они прибыли с большими дарами, которые вручили инке с четырьмя младенцами-мальчиками и столькими же девочками, детьми его племянников, очень красивыми, наследниками царства своих родителей, уже покойных. Он попрощался с послами и при отбытии дал им многие драгоценности и золотые украшения, и в качестве воспитателей младенцев двадцать четыре старых инки, с которыми они ушли чрезвычайно удовлетворенные.

Закончив это, он решил посетить равнины, оставив упроченными дела правления в Куско, а председательствующей – свою супругу. Первым храмом, который он пришел посетить, был храм Пачакамы [*el de Pachacama*]. Он пробыл там много дней, принес великие жертвы и попросил /128/ главного жреца позаботиться об ответах относительно некоторых вещей, которые он желал знать. Жрец сказал ему после долгих бодрствований, что для него события будут счастливыми, а об остальном чтобы его ничего не спрашивал. С этим, не очень довольный, он ушел посетить равнины, и повсюду его встречали с большой радостью, а царь Чиму принес ему величайшие дары золота, и одежды из ткани кумбе [*Cumbe*], и перьев, которыми ему платили дань индейцы Анд.

Он пришел в Тумбес и там примирил многие разногласия, которые имела между собой знать. Пока он был в Тумбесе, жрецы и колдуны отправились совершить жертвоприношение Южному морю и одному идолу, бывшему на острове, который поселенцы позже назвали Санта-Елена. Они сказали, что на

внутренностях животных увидели некоторые очень неблагоприятные предзнаменования. С этим инка ушел из Тумбеса, очень печальный и с разными предчувствиями. Он пришел в область Каранке, где нашел своего сына Атавальпу, уже в весьма цветущем возрасте, и хорошо сложенного, и с высокими помыслами, и порадовался ему.

Он отправился в Кито, и послал завоевывать области Пасто [*Pastos*] и Кильясинка [*Quillaçingas*], и назначил главным военачальником войска Ван Ауки [*Huan auqui*], брата инки Вайна Кава, мужа доблестнейшего, который безо всякого сопротивления завоевал эти области и дошел до местности Атирис [*Atiriz*], которая находится там, где сейчас расположен город /129/ Пасто. Там он занимался делами год, будучи в полном благополучии, и к нему пришла новость от Вайна Кава, что тот приказал ему, оставив страну хорошо укрепленной, отправляться с остальным войском в Кито, так как он получил известие из Тумбеса, что море выбросило морских чудовищ – людей с бородами – на берег, которые передвигались по морю в больших домах.

И так как отсюда пошло, как испанцы увидели это царство Пиру в первый раз, что относится ко второй части этих памятных сведений, являющейся анналами того, как открыли Пиру и должен рассказать в соответствии с каждым годом о событиях у испанцев, а между ними поведаю о делах инков, которые тогда жили, я оставляю для того места остальное, совершенное Вайна Кава, где смогут это видеть, и в следующей книге – достаточные правооснования [*titulos misteriosos*], согласно которым Католические Короли владеют Индиями, открытые в Священном Писании.

КОММЕНТАРИЙ

Сочинение Ф. де Монтесиноса известно в трех рукописях. Старейшая (Manuscrito de Madrid), хранящаяся в Национальной Библиотеке в Мадриде, датируется 1642 годом (Biblioteca Nacional, Madrid, Man.no.3124). В ней, однако, содержатся только третья и четвертая книги всей работы. «Университетская рукопись» (Manuscrito Universitario), находящаяся в настоящее время в библиотеке Севильского Университета (манускрипт №332/335), имеет дату «1644 год». Она содержит первую, вторую и третью книги. Первая, вторая и четвертая книги содержались в так называемой «Рукописи Мерсед» (Manuscrito Merced). Эта недатированная рукопись до начала XX века хранилась в мадридской Королевской Исторической Академии, пока не была утрачена, однако, в 1860 году копию первой и второй книг с нее снял знаменитый Ш.-Э. Брассер де Бурбур (она хранится в Стирлинговской библиотеке Йельского университета, Latin American Manuscript Collection, Series II, Box 2, folder 15), а в 1869-1871 году их опубликовал в Буэнос-Айресе В.Фидель Лопес [13]. В дальнейшем книга публиковалась в Мадриде в 1882 г. (Montesinos, Fernando. Memorias antiguas historiales y políticas del Perú, seguidas de las informaciones acerca del señorío de los Incas hechas por mandado de D.F. de Toledo/ Marcos Jiménez de Espada, editor. Madrid: M. Ginesta, 1882) и в 1906 г. (Montesinos, F. de. Anales del Perú/ Victor M.Maurtua, editor. Madrid, Gabriel L. y del Horno, 1906), в 1920 г. в Лондоне (Montesinos, Fernando de. Memorias Antiguas Historiales y Politicas del Peru. Transl. and ed. by Philip A. Means (1644), London: Hakluyt Society, second series, No. XLVIII, 1920), в 1930 г. в Лиме (Montesinos, Fernando de. Memorias antiguas historiales y políticas del Perú/ Horacio Urteaga, editor. Lima: Gil, 1930), в 1957 году в Куско (Montesinos, Fernando de. Memorias Antiguas, Historiales y Politicas del Perú [1642]. Cuzco: Universidad de S.A.A, 1957) и совсем недавно как приложение к книге С.Хайленд [4.Pp.106-154] и в американском издательстве издательстве Paperback Publisher (Memorias Antiguas Historiales Y Politicas Del Perú by Montesinos, Fernando, Paperback Publisher, 2009) Настоящий перевод выполнен с машинописной транскрипции Университетской рукописи, любезно предоставленной автору профессором Яном Шеминьским из Еврейского университета в Иерусалиме. Номера страниц рукописного оригинала приведены в косых скобках //. Оригинальное написание индейских имен и терминов приведено в квадратных скобках [] курсивом, испанских слов и выражений, допускающих варианты перевода – прямым шрифтом. Испанское rey всегда переводится "царь", señor – "владыка", capitán – "военачальник, полководец", provincia – "область". Слова, отсутствующие в тексте, но необходимые для его понимания, приведены курсивом в прямых скобках ||.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

С.3. В издании 1882 года имена братьев приведены в форме: *Ayar Manco Turac*, *Ayar Cachi (Chachi) Turac*, *Ayar Auca Turac*, *Ayar Uchi*, а имена сестер: *Mama Cora*, *Hira Huacum*, *Mama Huacum*, *Pilco Huacum* (примеч. А.Скромницкого).

С.5. *Пирва Пари Манко* – в издании 1882 года: *Pirua Pacari Manco* (примеч. А.Скромницкого).

И Топа Айар Учу стал именоваться... – в издании 1882 года: «И когда уже Топа Айар Учу, обычно именуемый Пируа Пакари Манко, обнаружил, что он избавился от братьев...» (примеч. А.Скромницкого).

С.6. *Этот князь пришел в Куско ...* – издатели 1882 года полагают, что после этих слов пропущена дата (примеч. А.Скромницкого).

С.7. ... *астрологи...* – в рукописи непонятное слово *Arriolos*, вероятно, ошибка писца или переписчика.

С.14. ... *и были атумуруна [atumuruna]* ... – примечание к изданию 1882 года: «Должно быть *hatun-rupa* – взрослые мужчины».

С.17. *И царь Манко выступал как третейский судья...* – в издании 1882 года указывается на ошибочность упоминания Манко (примеч. А.Скромницкого).

С.19. *Обрабатывали их кайлами [fricas]* ... – в издании 1882 года «*con picos*» (примеч. А.Скромницкого).

С.20. ... *научил обрабатывать землю плугами ...* – здесь Монтесинос, как и многие другие хронисты, ошибочно называет плугом (*aarado*) палку-копалку или ритуальный туми. В издании 1882 года «*tacllas*», то есть, «мотыги» (примеч. А.Скромницкого).

С.21. ... *дочь владыки Чока [Choc]* ... – в издании 1882 года *Choco* (примеч. А.Скромницкого).

... *есть одна большая и обширная у чанков [chancas]* ... – в издании 1882 ошибочно *charcas* (примеч. А.Скромницкого).

С.22. ... *Тукасуйо [Tucasuyo]* ... – в издании 1882 г. *Tucasuyo* (примеч. А.Скромницкого).

С.24. ... *крепость, которая была построена в Йакравана [Yacraguana]* ... – в издании 1882 года: *Saxahuana* (примеч. А.Скромницкого).

С. 26. По холму они подошли ... – "en muela"; в издании 1882 г. – "en rrueda" [4.P.6].

С.38 ... *а женские веретена ...* – *husos*, конъектура издания 1882 г.; согласно С.Хайленд в рукописи стоит слово *juegos* ("игры"), бессмысленное в этом контексте [4.P.6].

С.40. ... *был другом низких людей [gente podrida]* ... – в издании 1882 года «*gente perdida*», то есть, «беспутных людей» (примеч. А.Скромницкого).

С.41. *Капак Синчи Йупанки [Capac sinia iupanqui]* – в издании 1882 года *Capesinia* (примеч. А.Скромницкого).

Он оставил наследником *Айартако* [Ayartaco] – в издании 1882 года *Ayar Tacco*. В примечании также указывается, что это имя в рукописи пишется по-разному: «*Ayar Taso, Ayatarco Cupe, Arartarco* у *Arartarcotilu*. Наиболее вероятные чтения этого имени на кечуа: *Ayar Tacco* или *Taccu Carac*, и *Ayar Taccu Titu* (примеч. А.Скромницкого).

С.45. ... и скрыло от живущих... – перевод согласно тексту Университетской рукописи (“*oculto a los viiuentes*”), в издании 1882 г. – *vinientes*, то есть, «приходящих».

С.47. ... с которыми у них какое-либо недоверие ... – “*desconfianza*”, конъектура издания 1882 г.; в рукописи “*deszendencia*” («родство») (примеч. А.Скромницкого).

... *Паульу Икар Пирва* [Paullu hіcar pirua] ... – конъектура издания 1882 г.: *Paullu Tіcas Pirua* (примеч. А.Скромницкого).

С. 48. ... Альоке Тесак Амаута [Alloqute sagamauta] ... – вероятно, искаженное *Lloque Турас* или *Tіcas Amauta* (примеч. А.Скромницкого).

С.49. ... Тикатуа [Tіcatua]... – в издании 1882 г.: *Tіcas Турас* (примеч. А.Скромницкого).

С.51 ... *Манко Авито Пачакути* [Mancoavito Paachacuti] ... – в издании 1882 г.: *Manco Auqі Turас Pachacuti* (примеч. А.Скромницкого).

... которое выпадает на 21 сентября ... – чтение С.Хайленд [4.Р.6]. В транскрипции Я.Шеминського и издании 1882 г. – 27 сентября.

С.53 ... *Ауки Киту Ачаучи* [Auqі Quitua chahuchi]... – в издании 1882 г.: *Auqі Quitu Atauchi* (примеч. А.Скромницкого).

...«алья кауки» [Allacauquis]... – в издании 1882 г.: *allacanquis* (примеч. А.Скромницкого).

С.54. ... *правдивый* [Berіota] ... – в издании 1882 г. «*veridico*» (примеч. А.Скромницкого).

С.55. ... «*Киратокакорка*» [Quiratocacorca] ... – конъектура издания 1882 г.: *Quilla Toca Corca* (примеч. А.Скромницкого).

... *Вампар Сакри Тона* [Huampar Sacri Tona]... – в издании 1882 г.: *Huampar Sairi Турас* (примеч. А.Скромницкого).

... *Како Манко Ауки* [Caco Manco Auqі] ... – в издании 1882 г.: *Cayo Manco Auqі* (примеч. А.Скромницкого).

... *Ина Вуилья* [Hіna huіella] ... – в издании 1882 г.: *Hіnac Huіlla*, позже он именуется *Hіnac Huіlla Amauta Pachacuti*. (примеч. А.Скромницкого).

С.60. ... *преодолели перевал*... – так в Университетской рукописи (*collado*), в издании 1882 г. – *Collao*.

С.61. ... *Титу Ваман Кичо* ... – так в издании 1882 г., в Университетской рукописи: “*llamado titulos guamanquicho*”, то есть, «именуемый титулами Ваман (и) Кичо».

С.62. ... *Паульо Тайме* [Paulio Tayme] ... – конъектура издания 1882 г.: *Paullu Raymі* (примеч. А.Скромницкого).

С.64. ... Он оставил наследником Арантиала [*Arantial*] ... – возможно, искаженное *Ranti Alli* (примеч. А.Скромницкого).

С.66. ... Кондор Року [*Condoroca*] ... – возможно, *Cuntur Auca* или *Cuntur Rosa* (примеч. издания 1882 г.)

С.70. ... Мама Сивако рассказала своей сестре Маме Сивако ... – редакторы издания 1882 г. считают повторное упоминание имени Мамы Сивако опиской и опускают его в тексте (примеч. А.Скромницкого).

С.81. ... Луиса Теруэля [*Luis Terbel*] ... – в издании 1882 г. ошибочное *Irusterber*.

С.84. ... с той же пышностью в жезлах и одежде ... – согласно С.Хайленд в тексте рукописи (т.е. "жезлы"), а не ("утварь"), как в издании 1882 г. и транскрипции Я.Шеминьського [4.Р.6].

... Айлью Чибанин [*aillo chibanin*] ... – в издании 1882 г.: *Chibainin* (примеч. А.Скромницкого).

С.84-85. ... на Маме Танкарайвачи [*Mama Tancarayhuachi*] ... – в издании 1882г.: *Tancar-ri-Nachi*.

С.87. ... которые предписывали, чтобы умирали, сожженные вместе с орудиями своего колдовства ... – в издании 1882г.: "чтобы умирали сожженными с орудиями своего колдовства не только колдуны, но и те, кто предписывал убивать других" ("que muriesen quemados con los instrumentos de sus hechizos, no solo los hechiceros, pero los que les mandaban matar a otros") (примеч. А.Скромницкого).

С.90. ... его давал гадатель... – согласно С.Хайленд в рукописи здесь *pidió* ("спрашивал") *dió* [4.Р.6].

С.96. ... ачичуа [*Achichua*] ... – в издании 1882 г. *achihua* (примеч. А.Скромницкого).

... москапайча [*Moscayucha*] ... – в издании 1882 г. *mascapaicha* (примеч. А.Скромницкого).

С.98. ... Солнцу, Луне, грому и молнии ... – согласно С.Хайленд в рукописи: "al sol luna nuevo y rayo" (т.е. "Солнцу, новой Луне и молнии") [4.Р.6]; вероятно, описка.

... Мама Кочекиклай Тупай [*Mama Cochequiclay Tupa*] ... – в издании 1882 г.: *Mama Chiqui Checlla Ilpau* (примеч. А.Скромницкого).

С.100. ... Он пожаловал им это. На следующий год они попросились... – в издании 1882г. знаки препинания расставлены по иному: " Он пожаловал им это на следующий год. Они попросились..." (примеч. А.Скромницкого).

С.101. ... устроив через каждые три лиги тамбо ... – согласно С.Хайленд в рукописи вместо "tambo" стоит "tambien" [4.Р.6], очевидная описка.

С.102. ... напротив Пансальо [*Panzallo*] ... – в издании 1882 г.: *Panzaleo* (примеч. А.Скромницкого).

С.103. ... а других чачапоя – в Хауху¹¹, Антавайлью и Котабамбу ... – в издании 1882г.: "а других – в Чачапоя, Хауху, Андавайлью и Котабамбу".

¹¹ В тексте *Xaura*

Однако, недавно завоеванные и мятежные чачапойя навряд ли могли рассматриваться в числе "самых верных подданных царства".

С.107. ... на юге – Лавирак [*Lahuirac*], на севере – Кайминка [*Cauminga*] ... – в издании 1882 г. соответственно *Yahuirac* и *Carmenga* (примеч. А.Скромницкого).

С.108. ... Атакунки [*Atacunga*]... – в издании 1882г. *Tacunga* (примеч. А.Скромницкого).

... с одним священником по имени Гаспар Нунати ... – в испанском тексте "cura", однако, в издании 1882 г. исправлено на: «*con un curasa*» ("с одним местным вождем") (примеч. А.Скромницкого).

... Калакаби [*Calacabi*]... – в издании 1882 г.: *Calacali* (примеч. А.Скромницкого).

С.110. Он очень кстати задел это ... – перевод выполнен по тексту издания 1882 г. ("la ingirio muy cabalmente"); в Университетской рукописи малопонятное "la inxirio muy casualmente".

С.117. В издании 1882 г. имя третьего сына приведено в форме *Inga Maita* (примеч. А.Скромницкого).

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

С.1. Родоначальником так называемой офиритской теории заселения Америки был Х.Колумб, который во время третьего путешествия в 1498 году определил район Верагуа на Эспаньоле (Гаити) как библейский Офир. В дальнейшем Бенито Ариас Монтано связал библейский Офир или Опир с Перу, полагая, что само название Пиру [*Piró*] является видоизмененным «Опир» [*Orig*] (А.Монтано. *Biblia Poliglota*, 1572). Он же считал, что это название происходит от имени библейского Офира, сына Йоктана, прапраправнука Ноя, упоминаемого в Книге Бытия (Быт. 10,29). Взгляды Монтано с теми или иными модификациями были поддержаны Хильбером Хенебрадом и Мигелем Кабельо Бальбоа (G.Genebrad. *Chronologia Hebraeorum Major*, 1578; М.А. Cabello Valboa. *Miscelánea Antártica*, 1586). Однако, с начала XVII века офиритская теория подверглась критике иезуитских авторов Х. де Акосты и Х. де Пинеды, и Ф. де Монтесинос – один из немногих, кто продолжал ее придерживаться (подробнее см.[14])

С.1-2. Ф. де Монтесинос, как следует из текста на стр.58, придерживается разработанной Евсевием Кесарийским всемирной хронологии, согласно которой сотворение мира произошло за 5199 лет до Рождества Христова, а потоп начался через 2242 года и закончился через 2249 лет после сотворения, то есть, в 2950 году до Рождества Христова. Однако, источник Монтесиноса помещает между сотворением мира и потопом $2000 - 340 = 1660$ лет. Монтесинос обращает внимание на эту неувязку индейской и библейской традиций, указывая на «ошибку» амаута. Сам он полагает, что 340 лет – срок не между потопом и

окончанием «второго Солнца» от сотворения мира, а между потопом и появлением в Перу Офира.

С.2. ... заселил Америку ... В мадридском издании 1882 года: *Namerica* – анаграмма из «Nes Maria, la Madre de Cristo», а не производное от имени Америго (примеч. А.Скромницкого).

С.3. *Пуэрто-Вьехо, Портовьехо (Старый Порт)* – город в современном Эквадоре на реке Манаби близ центрального побережья страны.

Ванакаури – ср. Съеса де Леон: "Их предки имели в качестве священной вещи один большой холм, называемый Ванакаури [*Guanacaure*], который находится возле этого города [Куско – В.Т.], и говорят, что они жертвовали на нем кровь людей и многих овец и баранов" [15.Р.250].

С.3-5. Монтесинос в присущей ему эвгемеристской манере излагает приводимый многими авторами (Бетансос, Съеса де Леон, Сармьенто де Гамбоа, Кабельо Бальбоа, Инка Гарсиласо и другие) миф об основании Куско. В основной версии из "царского окна" (*Сарас Тоссо*) в горе Тампо-Токо [*Tampo-Tosso*] выходят четыре брата: Айар Учу, Айар Качи, Айар Манко, Айар Аука – и четыре сестры: Мама Окльо, Мама Вако, Мама Ипа Кура и Мама Рава (у Вамана Пома де Айала Мама Вако является матерью Манко Капака). Опасаясь магической силы Айар Качи, который одним броском пращи разрушал горы и выравнивал ущелья, остальные братья убеждают его войти в пещеру Пакари-Тампо в горе Тампо-Токо, чтобы забрать знак знатности, называемый "напа" [*napa*] и золотые сосуды, и заваливают вход в нее камнями. После нескольких лет скитаний братья и сестры достигают местности Кирирманта [*Quirirmanta*], где Айар Учу превращается в священный холм Ванакаури [*Huanacaure*]. Затем из селения Матава [*Matagua*] Мама Вако (в другом варианте – Манко Капак) бросает на север два золотых жезла, из которых один упал на каменистую почву в Колькабамбе [*Colcabamba*], а другой вошел глубоко в землю в Вайанайпата [*Guayanaupata*]. Манко Капак приказывает, чтобы Айар Аука отправился заселить местность, отмеченную жезлом. Тот летит исполнить повеление брата, но когда касается земли, превращается в священный камень ванка [*guanca*]. Единственный из оставшихся в живых из братьев, Айар Манко с сестрами приходит к месту падения жезла, где основывает Куско.

С.4. *Атисуйо (Антисуйо), Контитуйо (Контисуйо), Кольясуйо* и неназванная здесь *Чинчасуйо* – четыре географических подразделения (части) государства инков.

Относительно имени божества *Итатиси Виракоча* Ю.В.Кнорозов выдвинул предположение, что: «его полное имя *К`оньи Тикси-вира К`оча*, букв. «Озеро Горячей Лавы», сокр. *Тикси-вира К`оча*, букв. «Озеро Лавы». Словосочетание *Тикси-вира* означает «лава», букв. «жир основы (земли)». При дальнейших сокращениях имя бога утратило смысл – *Вира-к`оча*, букв. «озеро жира» ..., *К`оньи-тикси* (Кон-тики), букв. «горячая основа»...» [16. С.715, примеч.22].

С.5. *Пирва Пари Манко* – согласно "Сообщению о древних обычаях уроженцев Перу" ("Relación de las costumbres antiguas de los naturales de Perú", 1594)

Фнонимного Иезуита, написанному Бласом Валера или восходящему к его работе, первым царем в Андах был Пируа Пакарик Манко [*Pirua Pacaric Manco*], который почитал бога-творца Илья Тиксе [*Illa Tecsce*] [4.Р.65].

... и это выражение «сравнять» переводится глаголом *cozsa ani, cozsa chanqui* или *chanssi* ... – кечуа *suzcachani*, «выравнивать, делать одинаковым неравное»; *suzqini*, «вырывать комья, разрывать землю наново, распахивать» (примеч. А.Скромницкого).

С.8. *Овцы и бараны* – ламы (*Lama guanacoe*).

С.10. *Tia-na* – царский трон.

С.12. *Тукуман* – область к востоку от Анд (ныне одноименная провинция Аргентины), в 1620 километрах юго-восточнее Куско.

С.13. *Колья, Кольясуйу* – южное подразделение государства инков, от бассейна озера Титикака до Чили.

С.14. *Вайтара* (*Guaitara*) – область по центральному течению нынешней реки Мантаро, в современном перуанском департаменте Хунин. Эта область была «большой и густонаселенной богатыми и воинственными людьми» [16.С.324].

Область *Киноа* (*Quinoa*) располагалась на территории современного перуанского департаamenta Уанкавелика.

Чачапоя (*Chachapoia*), букв. "Страна сильных людей" – область на севере современного Перу в долине реки Уткубамба, между Центральной и Восточной Кордильерами.

Кориканча, "Золотой квартал", ансамбль главных храмов Куско, подробно описан в главах 20-24 III книги "Комментариев" Инки Гарсиласо [16. С.185-194].

... как говорится в главе «С» первой книги ... – Ошибочно вместо 6-й, чье название «О первопоселенцах Перу и их продвижениях». Там Монтесинос, в частности говорит: «Обстоятельно рассмотрев дела Перу, справившись у старых индейцев и лиц, сведущих в [этих] странах и языках, и имея у себя также признанные всеми документы, заслуживающие всякого доверия, и исследовав все это с любознательным вниманием, и говоря со смирением о вещах, которые таит Святое Писание, и до нашего времени столь долгое время бывших неизвестными, говорю, что Пиру и остальное в Гомерике [*Homerica, sic!*] заселил Офир, внук Ноя, и его потомки. Они пришли с Востока, создав свои поселения вплоть до Пиру, последней в мире земли, исходя из пути, которым они продвигались. Здесь, увидев ее богатства золота, серебра, драгоценнейших камней, перлов, древесины, красивых животных и птиц, которые она имела, храня память о своем отце Офире, они дали ей его имя и основали свои главные города. Течение времени привело затем сюда другие разные племена; тирийцы, финикийцы и прочие разнообразные народы, которых оно привело на их кораблях, заселили почти полностью эти протяженные области» (примеч. издания 1882 года).

С.16. *И когда его поставили на место всеожжжения, он начал плакать кровавыми слезами...* – Монтесинос приводит одну из версий, объясняющих имя инки Йавар Вакака ("Плачущий Кровью"). Из сообщения Инки Гарсиласо следует, что "официальная" инкская история отвергала рассказ о пленении сына инки или о

его похищении [16.C.225-226]. Однако объяснение этого имени глазной болезнью (Монтесинос приводит его на стр. 98 "Памятных сведений") также кажется позднейшим эвгемеризмом. Возможно, "Йавар Вакак" – имя мифологического персонажа, описанного Пачакути-Йамки Салкамайва в мифе о Манко Капаке и его братьях: "Тогда они спустились в Колькапампу [*Collcapampa*] со своими братьями, и из селения Саньук [*Sañuc*] он [Манко Капак – В.Т.] увидел вдали человеческую фигуру. Один из его братьев пошел к нему, думая, что это какой-то индеец. Они говорят, что, когда он подошел к нему, он увидел кого-то, похожего на индейца, посмотревшего на него очень свирепо и жестоко налитыми кровью глазами. Тот, кто пришел посмотреть на него, был младшим из братьев, и когда он приблизился, фигура подняла голову и сказала: 'Хорошо, что ты пошел искать меня; ты обнаружишь, что я посмотрю на тебя, и ты окажешься в моей власти'. Когда Манко Капак увидел, что его брат так долго не возвращается, одна из сестер была послана позвать его. Но она тоже осталась вдалеке, и оба оставались у ваки Саньука. Видя, что оба, один и другая, не возвращаются, Манко Капак пошел сам в великом гневе, и нашел их обоих при смерти. Он спросил их, почему они оставались вдалеке столько времени, и они ответили жалобами на камень, который был между ними. Тогда Манко Капак с большой яростью ударил камень или ваку, нанося ему удары своим сияющим жезлом в верхнюю часть. Тогда из середины камня раздалось слова, как если бы он был живым, говоря, что если бы он не получил этого жезла, он тоже поступил бы с ним, как захотел. 'Иди, – добавил он, – тебя ждет великая честь. Но эти, твой брат и сестра, согрешили, и потому правильно, чтобы они были там, где я', – что означает адские местности" [17.P.74-75].

События и характеристики, связываемые Монтесиносом в главах 4-7 с Синчи Коске и Инти Капаком, у Инки Гарсиласо относятся к Йавар Вакаку и Виракоча Инке [16.C.237-245,305-315], а у большинства других авторов – к Йавар Вакаку и Пачакутеку Инке Йупанки. Подобное отождествление произошло, вероятно, от того, что у Монтесиноса Синчи Коске и Инти Капак являются, соответственно, вторым и третьим "царями Пиру" после мифического Манко Капака, а Йавар Вакак и Виракоча являются вторым и третьим инками династии Анан Куско.

С.17. *Лукай* или *Йукай* – речная долина к северу от Куско.

Мама Микай (варианты – *Mamicay Chimpu*, *Mama Cusi Chimbo Herma Micaу*, *Micai Coca*) имя жены Инки Рока. Этот инка, первый инка династии Анан Куско, оказывается тождественным Ванакви Пирва, первому (после мифического предка Манко Капака) "царю Пиру".

С.17-18. Существовала ли древнейшая андская письменность в действительности, и имеет ли она связь с донныне бытующей среди андских индейцев рисуночной *килькой*, остается спорным вопросом [см.:17]. Д. Ибарра Грассо приводит свидетельства ряда колониальных авторов (Педро Сармьенто де Гамбоа, Альваро Руис де Навамуэль, Кристоаль де Молина, Бернабе Кобо) о наличии у инков неких таблиц (*tablones*) или полотен (*lienъos*, *paños*), на которых

имелись "рисунки" (*pinturas, figuras*), излагавшие генеалогию, историю инков, а также мифы о потопе и о происхождении индейских племен [18.P.40-42]. В частности, П.Сармьенто де Гамбоа пишет, что Пачакутек Инка Йупанки "устроил общее собрание всех старых знатоков истории из всех провинций, которые подчинил, и еще многих других из всех этих царств, и держал их долгое время в городе Куско, спрашивая их о древностях, происхождении и примечательных вещах из прошлого этих царств. И после того как было хорошо проверено все самое примечательное из древностей в их историях, он приказал их нарисовать по своему способу [*hizolo pintar por su orden*] на больших таблицах, и выделил в Доме Солнца большое помещение, где эти таблицы, которые были отчеканены из золота, находились наподобие наших библиотек, и учредил учителей [*doctores*], которые могли бы понимать их и читать [*declararlos*] их. И не могли входить туда, где были эти таблицы, кроме инки и историографов, без прямого позволения инки" [19.P.46-47]. Сам Д. Ибарра Грассо полагает, что у инков "были, если угодно, простейшие формы, преимущественно мнемонические, но которым нельзя отказать в названии письменности" [18.P.42]. По всей видимости именно эта рисуночная письменность (ее следы мы находим в рисунках Ф. Вамана Пома де Айала) и послужила основанием для сообщений Монтесиноса.

С.18. ... *кажется, говорит Иоанн Коктовито* ... – *Itinerario Hierosolimitano y Siriano* (lib. I, cap. 14, fol. 92) (примеч. издания 1882 года).

Ваманка (*Guamanga*) – область и город в центральном Перу; ныне Аякучо.

С.19. *Обрабатывали их кайлами [fricas]* ... – в издании 1882 года «*con picos*» (примеч. А.Скромницкого).

С.20. *Антавайлья* – область к западу от Куско между современными Абанкаем и Аякучо, заселенная в доинкскую эпоху народностью чанка (*chanca*). Инка Гарсиласо пишет о них: «Предки тех народов пришли из далеких земель и завоевали многие провинции...; потеснив и зажав индейцев кечва в их провинциях, захватив многие их земли, они покорили их и обложили данью»; «эти народы ... были господами других провинций, которые они покорили оружием, и день за днем они продолжали завоевывать их, проявляя огромное высокомерие и тиранию ко вновь завоеванным ...» [16.C.222, 224]. До разгрома инками в 1438 году – постоянный и опасный противник Куско.

С.21-28. В главе 5 Монтесинос излагает историю победы инков над чанками в 1437/1438 году, ставшую отправным пунктом инкского великодержавия.

В источниках эти события освещаются крайне противоречиво. Наиболее распространенная версия (Х. де Бетансос, Съеса де Леон, Сармьенто де Гамбоа, Акоста, Роман и другие) относит войну с чанками к концу правления Инки Виракоча. Потерпев ряд поражений и отчаявшись организовать оборону столицы, Виракоча и его старший сын Инка Урко (Урку), назначенный к тому времени соправителем, ушли из Куско в крепость Саксаваман [*Haquixahuama*]. Однако младшие сыновья, Куси Йупанки и Рока, возглавили защитников города и дали противнику сражение в его окрестностях на поле Йаварпампа ("Кровавое поле"). После победы Куси Йупанки с пленными и добычей отправился к отцу, чтобы тот

совершил триумфальный ритуал: прошел по спинам пленников и по трофеям. Однако, Виракоча Инка потребовал, чтобы этот обряд провел Инка Урку (что означало бы признание его права на трон). Куси Йупанки отказался и ушел в Куско (причем по дороге на него вроде бы напали воины Виракочи). В ответ Урку уговорил отца организовать покушение на Куси Йупанки, но тот был предупрежден и, в свою очередь, отправил отряд под командованием Апо Майта неожиданно напали на отряд, помещенный в засаду, и уничтожили его. После этого Урку с войсками занял соседнюю с Куско долину Йукай. Войска братьев встретились на реке Урубамба. Во время битвы Рока, сражавшийся на стороне Куси Йупанки, ранил Урку в шею, отчего тот упал в реку и был отнесен течением к утесу, называемому Чупельюска [*Chupellusca*], где его настигли враги и убили. После этого Виракоча Инка принужден был уступить власть младшему сыну и доживал свой век в одной уединенной горной крепости (впрочем, в передаваемой Сьесой версии все внешне благопристойно: царевич не высказывает никаких упреков отцу и уговаривает того вернуться в Куско, но тот добровольно удаляется в Калька), а Куси Йупанки был провозглашен инкой под именем Пачакутек Инка Йупанки.

У Пачакути-Йамки Салкамайва события тоже относятся к правлению Инки Виракоча, но мотив вражды в царской семье смягчен, Урку гибнет от рук внешнего врага, а не младших братьев: "Он [Инка Виракоча – В.Т.] имел внебрачного сына по имени Инка Урку [*Inca Urcu*], которому он отдал царство при жизни. Этот Инка Урку предпринял завоевание Кольясуйу с большим войском. Перед выступлением он послал надменное требование о дани, но все племена, которые не признавали его своим владыкой, отказались согласиться. Тогда Инка Урку выступил с сильным войском и предпринял завоевание, не заботясь о верности находившихся по пути племен. Он прошел через страну кавинья [*Caviñas*], имея с собой статую Манко Капака, чтобы обеспечить себе добрую судьбу. Но он потерпел поражение и был убит в Ванакалья [*Huana-calla*] от рук Йамки Пачакути [*Yamqui Pachacuti*], вождя вайраканча [*Huayra-Cancha*]. Тогда анко-алья [*Hanco-allas*] и чанки [*chancas*] осадили город Куско, нарушив беспечный досуг Инки Виракоча Йупанки. Он не знал, куда бежать и что делать, и упрашивал анко-валья и чанков. В конечном счете, он ушел, чтобы договориться о мире, в Йункай-пампа [*Yuncau-pampa*]" [17.Р.90-91].

У Инки Гарсиласо изложение событий резко отличается от других авторов. Во-первых, война с чанками происходит в правление Йавар Вакака, а царевичем-победителем оказывается Виракоча. Во-вторых, никакого брата-соперника, Инки Урку, здесь вообще нет, отец с соблюдением всех внешних приличий (хоть и под давлением остальных членов инкского клана) уступает царство сыну. Замалчивание обстоятельств совершенного Пачакутеком переворота вполне объяснимо: в период соперничества Васкара и Атавальпы (1525 - 1532 годы) история успешного захвата власти младшим сыном у законного наследника в глазах сторонников Васкара (а именно их точку зрения излагает Инка Гарсиласо) выглядела крайне нежелательным и опасным прецедентом, потому

соответствующий эпизод был исключен из официальной традиции. Сложнее понять смещение событий на поколение назад. Сам Инка Гарсиласо в главе 28 книги V следующим образом объясняет приписывание, вопреки другим авторам, победы над чанками Виракоче Инке: по сведениям, почерпнутым у Акосты, Виракоча Инка называл себя так потому, что "сам Виракоча в сновидениях явился к нему и приказал взять свое имя", с другой же стороны, царевичу-победителю перед войной с чанками явилось видение Виракочи, пообещавшего победу. Инка Гарсиласо считает, что в обоих рассказах речь идет об одном и том же событии, и потому отождествляет царевича-победителя с Виракоча Инкой [16.С.533-534].

С.21. *Mama Ana Huac* – вероятно описка вместо *Mama Ana Uarque* (вариант – *Mama Anahuarqui*), имя жены Пачакутека Инки Йупанки. Именно с ним в большинстве источников связываются победа над чанками и реформы, у Монтесиноса отнесенные к Инти Капаку (таким образом, Виракоча Инка у Монтесиноса оказывается совмещенным с Йавар Вакаком). В издании 1882 года *Ana Huaci*.

Старшего из них звали Ваман Варока, а другого Акос Варока ... – согласно Инке Гарсиласо у чанков было три вождя: Анко-вальу [*Hanco-Hualla*] и брата Тумай Варака [*Tumay Huaraca*] и Хасту Варака [*Hastu Huaraca*]. Однако, "анко-вальу" – название народа, а не имя лица.

С.22. *Чиригуаны* (чири-вана) – группа племен семьи тупи-гуарани, ныне живущие в Боливии (департаменты Санта-Крус, Тариха и Чукисака), северо-западной Аргентине и западном Парагвае. Колониальными источниками характеризуются как отличавшиеся дикостью и воинственностью: "Жили они без законов и добрых обычаев, а как звери в горах, без селений и домов, и ... ели человеческое мясо, а чтобы иметь его, они совершали набеги на соседние области и поедали всех, попадавших им в плен, не проявляя уважения к полу и возрасту, а когда они их обезглавливали, то пили их кровь, чтобы ничего не пропадало из добычи. И ... ели они не только мясо соседей, которых брали в плен, но также и своих собственных людей, когда они умирали..." [16.С.469].

С.23. ... *их ... раковины...* – во втором случае в тексте употреблен термин «*bocinas*», «рожки» (примеч. А.Скромницкого).

С.24. О сне царевича Йупанки сообщает Х. де Бетансос. Пророчество Виракочи царевичу подробно излагают Акоста и Инка Гарсиласо [16.С.238,306; 20,VI,21].

... *и его болас [estolica]* ... – метательное оружие, спутывающее ноги, с камнями на концах веревок. Известны его изображения на памятниках искусства Тиаванако (примеч. А.Скромницкого).

С.26. Известны и другие версии описания битвы.

Хуан де Бетансос сообщает: "Кроме того, в последнюю ночь, когда он обращался к нему с молитвой, к нему будто бы вновь явился Виракоча в человеческом образе, и он проснулся, и будто бы тот сказал ему: "Сынок, завтра к тебе придут люди дать сражение, и я поддержу тебя, чтобы ты разгромил их и оказался победоносным". На другой день утром, говорят, Усковилька [*Uscovilca*]

спустился со своими людьми по Карминге [Carminga] вниз, а это холм, находящийся на спуске в город Куско, со стороны Города Королей, и пока спускался этот Усковилька со всеми силами и народом, будто бы явились двадцать подразделений людей, невиданных и незнакомых ни Инке Йупанки, ни его народу, и эти люди явились со стороны Кольясуйо [Collasuyo] и по дороге из Ача [Acha], и по дороге из Контисуйо [Condesuyo], и будто бы эти люди пришли туда, где находился Инка Йупанки, наблюдая со своими товарищами, как они спускались на его неприятелей, и что к нему прибыли те, кто пришел ему на помощь, и что они стали вокруг него, говоря: "*Api Capac Inca aucaccata atipullac chaumiccanqui hina punchauri*", – что означает: "Идем, единственный государь, и победим твоих врагов, чтобы сегодня, в этот день, ты имел бы с собой пленников". И будто бы они набросились на народ Усковильки, который пришел, со всем рвением вниз с холмов и, встретившись с ними, вступили в сражение и бились с утра, которое было временем, когда они пришли, до полудня, и таков был исход битвы, что из народа Усковильки погибло очень большое количество людей, и они никого не захватывали, чтобы не убить его. В той битве Усковилька был взят в плен и умер, и когда его люди увидели его мертвым и увидели большое избиение, которое им устроили, не согласились долее оставаться на месте и, вернувшись на дорогу, по которой пришли, бежали, пока не прибыли в селение Шакишавана [Хақишауана], где стали вновь собираться и восстанавливать силы" [Сар.VIII]

Согласно Инке Гарсиласо: "Когда наступил день, они построили свои отряды и с неистовыми криками и воплями, под звуки труб и барабанов, рожков и раковин зашагали навстречу друг другу. Инка Виракоча хотел идти впереди всех своих, и он первым метнул во врагов оружие, которое нес с собой; потом завязался очень долгий бой... С огромнейшей яростью сражались они до полудня, жестоко убивая друг друга; ни одна сторона не добилась преимущества. В это время появились пять тысяч индейцев, которые стояли в засаде, и с великим бесстрашием и огромным шумом они ударили по врагу в правый фланг его отряда. И, поскольку они отдохнули и набросились с огромной яростью, они причинили огромный урон чанкам и заставили их отступить на много шагов назад. Однако, чанки, подбадривая друг друга, сумели отбить потерянное и продолжали сражаться... После этого второго яростного натиска они сражались более двух долгих часов без успеха с чьей-либо стороны; но с этого времени и дальше чанки начали слабеть, поскольку все время чувствовали, что в сражение вступают новые люди. А случилось так: бежавшие из города люди и жители соседних селений, узнав, что царевич Виракоча Инка вернулся защищать Дом Солнца, собирались по пятьдесят и по сто, и столько, сколько могли собраться вместе, шли умирать вместе с царевичем, и, видя развернувшееся сражение, они вступали в него с громкими воплями; шума создавалось гораздо больше, чем было людей. Из-за этого подкрепления чанки потеряли веру в победу ..." [16.С.308-309].

Пачакути-Йамки Салкамайва в свою очередь пишет: "Он [царевич Инка Йупанки – В.Т.] вооружил всех мужчин и женщин и, войдя в храм, он взял жезл тупак-йаури [*tupac-yauri*] и болас капак унанча [*ccapac unancha*], и развернул

знамя инков. Город превратился в крепость, и враг начал нападение, но царевич забыл тупак-йаури. В первой стычке царевич Инка Йупанки был повергнут на землю камнем из пращи, и оставался в полубеспамятстве. Тогда он услышал голос с небес, говорящий, что он не взял сияющий жезл тупак-йаури. Тогда он вернулся в храм и взял жезл, и вернулся в сражение, воодушевляя начальников и воинов к бою. Тем временем один старый инка, близкий родственник отца царевича по имени Тупак Ранчири [*Tupac Ranchiri*], который был жрецом в Куриканче, поставил в ряд некоторые камни, и привязал к ним щиты и дубинки, так что если бы на них смотреть издали, они были похожи на ряд воинов, сидящих на земле. Царевич, оглядываясь вокруг в ожидании подмоги от своего отца, Виракоча Йупанки Инки, увидел эти ряды издали и закричал предполагаемым воинам, чтобы они поднялись, так как его люди были уже на грани бегства. Чанки продолжали нападать с возрастающей яростью, и тогда царевич увидел, что камни превратились в людей, и они поднялись и стали сражаться с отчаянным мужеством и искусством, атакуя анко-альо и чанков; так царевич одержал победу и преследовал врагов до Кисачилья [*Quizachilla*], где он обезглавил вождей неприятельского войска, именуемых Томай Варака [*Tomay-huaraca*], Асто Варака [*Asto-huaraca*] и Васко Торнай Римака [*Huasco Tornay Rimac*]. Таким образом он одержал великую победу, и они говорят, что одна вдова по имени Чанан Кориока [*Chanan Corioca*] отважно сражалась в битве как воин. Царевич послал головы чанков и анко-альо в дар своему отцу. Но инка Виракоча Инка Йупанки постыдился вернуться в Куско и до самой смерти жил в Пунамарке [*Punamarca*] [17.Р.91-92].

Согласно "Господству инков" Съеса де Леона: "В это время пришли чанки к горе Вилькакунка [*Villcasunga*], и Инка Йупанки [*Inca Yupanqui*] приказал собрать воинов, имевшихся в городе, с намерением выйти на дорогу, назначив военачальниками тех, кто казался самыми смелыми, затем, вновь выслушав мнения, согласился поджидать их в городе.

Чанки пришли разбить свою стоянку возле холма Карменка [*Carmenga*], который находится над городом, и там поставили свои шатры. Жители Куско устроили со стороны входа в город большие ямы, полные камней, а сверху хитроумно прикрытые, чтобы те, кто там проходил бы, проваливались. Когда в Куско женщины и дети увидели врагов, они испытали великий страх и подняли большой крик. Инка Йупанки отправил посланцев к Асту Варака [*Hastu Guaraca*], чтобы они поселились среди них и не губили бы людей. Асту Варака с высокомерием ни во что не поставил посольство, и не согласился, но чтобы произошло то, что определит война; хотя, докучаемый своими родственниками и остальным народом, согласился на переговоры с инкой и так отправился говорить. Город располагается между холмов в укрепленной природой местности, и склоны и вершины холмов обрывисты, и со многих сторон торчат жесткие колючки пальм, такие жесткие, как железо, и, кроме того, вызывают воспаление и ядовиты. Пришли на переговоры инка и Асту Варака, и, будучи до зубов вооруженными, извлекли мало пользы из свидания, поскольку воспламенились еще больше от

слов, сказанных друг другу; и они сблизилась вплотную, подняв величайший крик и шум, потому что тамошние люди очень шумны во время своих сражений, и больше страшны нашим своими криками, чем своей силой, и сражались друг с другом долгое время, и, когда наступили ночь, схватка прекратилась, оставив чанков в их лагере, а горожан вокруг города, охраняющими его со всех сторон, потому что ни Куско, ни другие города в тех местах не окружены стенами.

Пережив тревогу, Асту Варака воодушевил своих, укрепляя их для битвы, и то же самое делал Инка Йупанки с "длинноухими" и народом, остававшимся в городе. Чанки бесстрашно вышли со своей стоянки с решимостью войти в него, а кусканцы вышли с мыслью защититься, и возвратились к битве, в которой погибли многие с обеих сторон, но такова была доблесть Инки Йупанки, что он одержал победу в сражении при гибели всех чанков, которые не ускользнули, о чем говорят, что их было только чуть более пятисот, и среди них их полководец Асту Варака, который вместе с ними, хоть и с трудом, пришел в свою область. Инка овладел добычей и захватил множество пленных, как мужчин, так и женщин" [Lib.II.,cap.XLV].

С.27. Сведения о судьбе пленных вождей чанков здесь совпадают с версией Инки Гарсиласо [16.C.310]. Согласно Пачакути-Йамки Салкамайва они были казнены [17.P.92].

С.29. "Официальная история инков в картинах", реконструированная М.Барнс на основе подписей к рисункам Вамана Пома де Айала и так называемым "Портретам Массимо" и "Портретам Джилкриза" ("Massimo Portraits" и "Gilcrease Portraits"), связывает установление культа Тикси Виракоча с Виракоча Инкой [8.P.125].

С.31. *Pachaca*, "сотня", *huaranga*, "тысяча", *huni*, "десять тысяч"— административные подразделения, включавшие соответствующее число домохозяйств. Их начальники назывались *pachaca camayo*, *huaranga camayo*, *huni camayo*, "сотник", "тысячник", "темник".

С.32. *Tocricroc* – у Вамана Пома де Айала *tari-pacoc*, "vecitador i vedor" [7.362]

С.33. Ср. Акоста: "Было ненарушимым законом для каждого не изменять одежду и обычаи своей провинции, хотя бы он и переехал в другую; инка считал это крайне важным для хорошего правления" [20,VI,16], Съеса де Леон: "Так как этот город [Куско – В.Т.] был полон иностранными народами и столькими паломниками, ибо там были индейцы из Чили, Пасто, каньяри, чачапоя, ванка, колья и из остальных родов которые есть в уже названных провинциях, каждый род из них находился сам в месте и части, которая была ему указана правителями самого города. Они сохраняли обычаи своих отцов и поступали согласно нравам своих земель, и хотя там, кажется, было вместе сто тысяч человек, они легко различались по знакам, которые они носили на головах" [Lib.I, cap. XCIII].

С.34. Для должной быстроты *сообщения* он приказал, чтобы по дорогам были посты, которые мы называем *часки* [*chasqui*]. – ср. Съеса де Леон: «для того, чтобы улучшить управление провинциями, Инки изобрели почтовые станции

[почту; перекладные], что было наилучшим из всего, что можно было бы представить или вообразить, и это только благодаря Инке Юпанки [Инга Йупанге], сыну Виракочи Инки, отцу Тупака Инки, как вещают песни индейцев и утверждают все орехоны» [Lib. II, cap. XXI] (примеч. А.Скромницкого).

... каждую лигу, которая равняется двум испанским ... – согласно Съеса де Леону инкская лига равнялась полутора испанским, т.е. 8,36 км (примеч. А.Скромницкого).

С.35 ... они ели рыбу из залива... – по мнению издателей 1882 года речь идет о лагуне Чукуито или об озере Титикака (примеч. А.Скромницкого).

Такой бегун назывался часки, что означает на их языке: «Тот, кто получает» ... – в кечуа этот корень действительно имеет значение «получать»: «Chazquini. Cobrar o recibir el mensaje, o recado», «chasqniccapuni. Tornar a cobrar o recibir», «Chazquichini. Entregar cosa». Однако, значение слова может быть связано также с «идти, бежать»: «Chazqui. Correos de a pie», «Chazqui chazquilla purini. Caminar a priessa» (примеч. А.Скромницкого).

С.36. ...говорить: "Ysa ay intipi alliscampum cay ay caria" ... – правильное: «iscay intipi allii canpim caucay carcca» (примеч. А.Скромницкого).

Поло де Ондегардо – имеется в виду, вероятно, книга: Polo de Ondegardo, Juan. Relación del linaje de los Incas y como extendieron ellos sus conquistas. (1571).

С.38. Чича – племя, жившее в современных аргентинских провинциях Жужуй и Сальта.

Появление двух комет Пачакути-Йамки Салкамайва относит к правлению Пачакутека Инки Йупанки (1438-1471): "Тогда две кометы [sacacas] вышли из Аусанката, и одна двигалась к Арекипе, а другая двигалась к частично заснеженным горам возле Ваманки. Их описывают как зверей с крыльями, ушами, хвостом и четырьмя лапами, со многими шипами на спинах; и на расстоянии они вызывали огонь" [17.P.95].

По поводу лунных затмений Инка Гарсиласо сообщает: "Они приказывали юношам и детям плакать, и громко голосить, и кричать, называя ее 'Мама Килья', что означает 'Мать Луна', умоляя ее не умирать, чтобы не погибли все. Мужчины и женщины делали то же самое. Поднимался такой шум и такое великое смятение, что невозможно себе представить" [16.C.123].

Сцены из мифа об избиении людей взбунтовавшимися вещами известны на керамике мочика [2. С.116-117]. Такие же представления излагаются в хронике Лопе де Атиенсы "Исторический свод о состоянии индейцев Перу" (1575 ?г.) [Lope de Atienza. Compendio historial del estado de los Indios de Perú]: во время затмения индейцы считали, что, если зверям удастся уничтожить Луну или Солнце, горшки и кувшины превратятся в змей и будут угрожать людям [см.: 4.P.67].

С.39. ... размером в одну треть |вары|... – т.е. размером почти в 28 см. Именно такие статуэтки из драгоценных металлов находят в захоронениях инков (примеч. А.Скромницкого).

С.40. В рассказе о царевице *Амару* возможно отражена история Амару Тупак Инки, старшего сына Пачакутека Инки Йупанки, лишенного или отказавшегося от наследования престола (по другим сведениям он был соправителем отца в Куско в 1464-1471 годах). Пачакути-Йамки Салькамайва сообщает об этом: "Впоследствии Инка Пачакути предназначил царство своему сыну Амару Тупак Инке, который не захотел принять его, но посвятил свое время сельскому хозяйству и строительству. Видя это, Пачакути передал наследование второму сыну, Тупак Инке Йупанки, которого все племена с радостью признали" [17.Р.97].

Чарки (Charcas) – народ, живший к юго-востоку от озера Поопо, в нынешней юго-западной Боливии и северо-западной Аргентине. Согласно Инке Гарсиласо их область имела протяженность 30 лиг (более 300 километров) [16.С.153].

С.41. ...*пришла новость, что на равнинах высадилось с плотов и лодок, которые составляли огромный флот, большое количество странных людей...* – Эта история впервые встречается у Сьеса де Леона [Lib.I, Сар. II], где связывается с мысом Санта- Елена (примеч. А.Скромницкого).

С.42. *Пачакама, Пачакамак* – храмовое поселение народа йунка в долине реки Лурин (недалеко от современной Лимы); по археологическим данным основано в конце 1 тысячелетия н.э., центр культа бога Пачакамака ("Обновитель Вселенной"). Инка Гарсиласо пишет о нем: "Они говорили, что он был невидим и не позволял видеть себя... В храме йунки установили своих идолов, каковыми являлись фигуры рыб; среди идолов имелось изображение лисы. Этот храм Пачакамака отличался исключительной помпезностью здания и служб; он был единственным в Перу, в котором йунки приносили в жертву множество животных и других вещей, а некоторые жертвоприношения были связаны с человеческой кровью мужчин, женщин и детей, которых они убивали на своих важнейших праздниках" [16. С.407-408]. В соседней долине Римак (Лима) располагался храм со знаменитым оракулом.

С.43. Схожий рассказ о *приходе гигантов* на побережье Эквадора приводят, в частности, Акоста, Сьеса де Леон, А. де Сарате и Инка Гарсиласо. В частности, П. Сьеса де Леон пишет: «А поскольку в Перу ходит молва о Гигантах, высадившихся на берег у мыса Санта-Елена, что в пределах этого города Пуэрто-Вьехо, то мне показалось [важным] сообщить о том, что я слышал о них, в соответствии с тем, как я это понял, не взирая на мнения простонародья и их различные мнения, всегда преувеличивающих события, в отличие от того, какими они были на самом деле.

Местные жители рассказывают, согласно тому, что они услышали от своих отцов, издавна среди них известно, что пришли с моря на нескольких тростниковых плотях, наподобие больших лодок, несколько человек, настолько больших, что каждого из них нога от колена вниз была величиной с рост обычного человека, будь он даже хорошего телосложения, и что их конечности соответствовали величине их огромных тел, настолько безобразным, что было делом небывалым видеть головы, соответственно [тоже] большие, и волосы, достигавшие их спин. Глазницы говорят о том, что [глаза] были величиной с

небольшие блюда. Они утверждают, что у них не было бороды, и что некоторые из них пришли одетыми в шкуры животных, а другие – в чем Бог сотворил, и что они не привели с собой женщин. Те, как только прибыли к этому мысу, соорудив на нем свое убежище наподобие селения (и сейчас еще сохранилась память о расположении этих домов, им принадлежавших), но, не обнаружив воды, дабы устранить недостачу, какую они испытывали в ней, соорудили несколько глубочайших колодцев, - дело достопамятное, - сооружения столь могучих людей, от чего и предполагается, будто бы они и есть такие, ибо таково было их величие. И рыли они эти колодцы в твердой скале, пока не обнаружили воду, а потом отделали их от [воды] до самого верха камнем, да так, что прошло уже много лет и веков, а вода в тех колодцах очень вкусная и полезная, и всегда столь холодная, что одно удовольствие пить ее. Устроив свои поселения, эти большие люди, или гиганты, при наличии этих колодцев или подземных водоемов [цистерн], откуда и пили, все плоды земли, встречаемые на территории этой земли, какие могли вытоптать, их они уничтожали и съедали. Да столько, по их словам, что один из них съедал больше пищи чем 50 местных жителей этого края. А поскольку недостаточно им было встречающейся еды для пропитания, они ловили много рыбы в море своими сетями и [рыболовными] снастями, на свой лад сделанные. Они жили, сильно враждуя с местными жителями, поскольку, сойдясь с их женщинами, они [гиганты] убивали их [женщин], и с ними [индейцами] они тоже предавались разврату. У индейцев не было достаточно людей, чтобы убить этот новый народ, пришедший завоевать их [!], их землю и власть; хотя они [местные жители] становились сильными, собравшись вместе, чтобы посудачить о них, но не осмеливались на них нападать.

Спустя годы, все также жили эти гиганты на этом месте; но так как им не хватало женщин, а местные жители не подходили им по росту, или потому что было грехом использовать их, по наущению и подстрекательству зловредного дьявола, прибежали они между собой к гнусному содомскому греху, столь тяжкому и ужасному. Они предавались ему и совершали его открыто и публично, не боясь Господа, и сами не стыдясь этого. И все местные утверждают, что Господь Иисус Христос, не желая притворяться не замечающим столь тяжкий грех, послал им кару сообразную сему постыдному греху" (Перевод А.Скромницкого).

По мнению Ю.В.Кнорозова основой этого повествования послужила разведывательная экспедиция полинезийцев на побережье Южной Америки [16.С.715-716].

Вилька (Vilcas), букв. «Большая» – область в долине реки Пампас (центральная часть нынешнего департамента Аякучо); ее центр, того же названия, расположен приблизительно в 170 километрах к западу от Куско. В прединкские времена Вилька была заселена народом, принадлежавшим к группе чанков.

С.44. *Лиматамбо* – собственно, *Rimas Tamri*, один из округов области Анта, в современном департаменте Куско (примеч. А.Скромницкого).

Чиму или *Чимор* – крупное государство на северном побережье Перу, сложившееся около X в. н.э. Столица – Чан-Чан около современного города Трухильо.

С.45. ... *оставил наследником Киспи Титу* ... – согласно предположению Серхио Баррасы Лескано [Sergio Barraza Lescano, 2003] для составления части списка "царей Пиру" использованы имена родственников поздних инков или их полководцев. Так, Киспи Титу соответствует *Quispe Tito*, внуку Инки Манко, Паульу Тикак, 17-й правитель, – внуку Инки Манко *Inca Paullu*, Манко Ауки Тупак, 30-й правитель – брату Вайна Капака, известному под титулом *Auqui Tupac Inca*, Илья Топа, 38-й правитель – полководцу Манко Инки по имени *Illa Tupac*, Вампар Сайри Тупак, 42-й правитель – сыну и преемнику Инки Манко, известному как *Inca Sairi Tupac*, Коске Ваман Титу – *Huaman Titu*, брату Атавальпы, Куис Манко – *Cuis Manco*, кураке Кахамарки. Однако, имена не вполне тождественны, кроме того, гипотеза не объясняет, откуда появились имена еще восьми с половиною десятков "царей Пиру" (изложение и критику гипотезы С.Баррасы Лескано см.: 4.Р.66-67).

Kuno (куну), обычно *кипу* – узелковая «письменность» (точнее счетно-мнемоническая система) инков. Подробное описание кипу приводит Инка Гарсиласо де ла Вега: «*Кипу* означает «завязывать узел» или «узел»; [это слово] также понимают как «счет», потому что узлы содержали счет любым предметам. Индейцы изготовляли нити разного цвета: одни были только одного цвета, другие – двух цветов, другие трех, а другие – и большего числа, потому что цвет простой и цвет смешанный каждый имел свое особое значение... Узлы ставились согласно порядку – единицы, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч и очень редко (почти никогда) обозначали сотни тысяч... Эти числа они считали по узлам на тех нитях, каждое число было отделено от другого ... Эти узлы, или *кипу*, находились в специальном ведении индейцев, которых называли *кипу-камайу*; это означает «тот, на кого возложена обязанность считать ...»» [16.С.356-358].

С.46. *Мита* (букв. "период, срок") – работы, выполнявшиеся общинниками в пользу правителей, двора и храмов. В Перу и Эквадоре система миты юридически сохранялась до 1970-х годов.

... *смотри это о кубке в предыдущих сочинениях и помести в примечания* ... – «Что говорит о том, что автор не своей рукой писал эти «Памятные сведения»» (примеч. издания 1882 г.).

С.47. *Чимбо*, *Чимпа* – область на территории нынешнего перуанского департамента Арекипа (близ южного побережья Перу).

С.48. ... *Кайо Манко Амаута* ... – согласно Джованни Анелло Олива царь Куис Манко [*Cuis Manco*] упоминается в утраченном "Словаре" Бласа Валера [4.Р.65].

С.49. ... Солнце и Луна находятся в отличающихся |от должных| положениях – то есть, положение Солнца и фазы Луны не соответствуют должным календарным датам.

С.52. *Он был очень мудрым и издал много законов...* – "Официальная история инков в картинах" связывает установление законов против прелюбодеев, сводников и насильников с Инкой Виракочей [8.P.125]. Те же законы упоминаются у Анонимного Иезуита в его книге «Relación de las costumbres antiguas de los naturales de Perú» (примеч. А.Скромницкого).

С.54. ... *Капак Райми Амаута* ... – сведения о том же царе сообщает Джованни Анелло Олива"... Старинный словарь рук Отца Бласа Валера [Blas Valera] ..., который привез с собой Отец Диего де Торрес Васкес [Diego de Torres Vasquez] после разорения Кадиса, когда он прибыл в Перу, очень сведущий в языке кечуа и великий исследователь древностей Перу и его инков, и который как скрытое сокровище мы храним в библиотеке коллегии в Чукиабо [Chuquiabo], и по счастливой случайности довелось моим рукам найти эти соображения относительно имени одного царя, называемого Капак Райми: `Капак Райми Амаута [Сарас Рауми Амаута] бл царем Перу, который имел эти три имени и был очень мудрым философом. Он правил сорок лет во времена четвертого Солнца, до рождества Господня, нашел солнцестояния и назвал их Райми [Рауми] по своему имени и относительно декабря пожелал, чтобы он назывался Капак Райми [Сарас Раими] – 'Великое солнцестояние', поскольку тогда в Перу наибольшие дни в году. О другом солнцестоянии, которое выпадает на июнь, о пожелал, чтобы оно называлось Инти Райми вельсульо [Ynti raumi vel sullo] – 'Райми – малое солнцестояние', потому что тогда наименьшие дни в Перу. И он сделал, чтобы год начинался с декабрьского солнцестояния, тогда как до его времени он начинался с мартовского равноденствия. В конечном счете, перуанцы называли декабрь месяц Капак Райми в память этого царя, который был тридцать девятым царем Перу`" [21.Lib.1, cap.2, §§12-13]. Стоит отметить, что у Бласа Валеры до Капак Райми Амаута было на два правителя больше.

О *каменных колоннах* или башнях для определения равноденствий и солнцестояний по длине тени сообщает Инка Гарсиласо [16. С.120-122].

В инкском календаре, приведенном Ваманом Помой, декабрь называли *Капак Инти Райми* (Сарас Инти Раими), "Праздник Владыки Солнца", а июнь – *Хаукай Куски* (Наусау Куски), "Отдых полей". *Ситва Райми* (Sittua Raими), согласно Инке Гарсиласо – название не месяца, а праздника сентябрьского (в Перу – весеннего) равноденствия [16.С.121]. Значение этого названия можно связать с кечуа *sittus* или *acitua* «блестящий, сияющий».

С.55. У Вamana Помы март называется *Пача Покой* (Pacha Posoу), "Пора Созревания", а сентябрь – *Койа Райми* (Соуа Раими), "Праздник Царицы".

Знаменитая среди них школа – имеется в виду школа Йачайваси (Yachayhuasi), основание которой связывают с Пачакутеком Инкой Йупанки.

... *Капак Йупанки Амаута* ... – этого правителя со ссылкой на утраченный "Словарь" Бласа Валера также упоминает Дж. Анелло Олива: "Досюда этот автор, будучи правдивым в своем мнении, имеет столько царей в Перу еще до явления Христа Господа Нашего, что тот, о котором упоминается в то время, был тридцать девятым царем. Мы должны сказать, что после него и Воплощения Слова

предвечного имелись другие многочисленные цари, что подтверждается тем, что в дальнейшем говорит тот же автор о Капаке Йупанки Амаута [Сарас Yupanqui Amauta], о котором он утверждает, что это был 43-й царь, и затем о Капаке Льюки Йупанки [Сарас Lluqui Yupanqui], который был девяносто пятым, и о другом, Куйус Манко [Cuius Manco], который был 64-м царем Перу, и поскольку в |алфавитном| порядке идут их имена в незаконченном словаре, который доходит только до буквы `Н`, и другие цари, отличные от тех, кого я перечислил в генеалогии Манко Капака |имелись|" [21.Lib.1, cap.2, §§ 13].

С.56. В календаре Вамана Помы май называется *Айморай* (Aymoray) или *Хатун Куски Айморай* (Hatun Cusqui Aimorai), "Жатва", "Жатва большого поля".

С.58. ...на втором году правления Манко Капака завершилось четвертое Солнце от Сотворения... – из изложения Монтесиноса следует, что он (или его источник) полагали следующее:

1) 2-й год правления Манко Капака III (IV) соответствует году Рождества Христова и, одновременно, 2900 году после потопа (схожие взгляды представлены в "Официальной истории инков в картинах", где рождение Иисуса приходится на царствование Синчи Рока, первого преемника Манко Капака [8.P.123]);

2) через 43 года после этого (то есть в 43 г. от Р.Х.), в правление Титу Йупанки Пачакути закончилось 4-е Солнце (что, впрочем, не соответствует приведенной здесь же хронологии царствований, так как между вторым годом правления Манко Капака III (IV) и началом правления Титу Йупанки прошло: $(23 - 2) + 20 + 7 + 5 = 53$ года).

Приводимая дата потопа: $2 - 2900 = -2898$ год, отличается от даты, которую указывали амаута (см. стр.1-2): 340 лет до окончания 2-го Солнца, то есть, $43 - 4000 + 2000 - 340 = -2297$ г. Она искусственно рассчитана, чтобы приблизить ее к принятой католической церковью дате всемирного потопа (см. примеч. к стр.1-2, правда, должен быть 2950 год, то есть к 2898 годам следует прибавить 43 года разницы между годовщиной потопа и Рождеством Христовым, что предполагает, вопреки тексту, что Христос родился через 43 года после конца 4-го Солнца). При этом, однако, на страницах 59 и 67 Монтесинос указывает, что между началом 1-го Солнца и потом прошла ровно тысяча лет – возможно, в Перу бытовали представления о нескольких потопах.

В целом хронологическая схема, описываемая Монтесиносом, выглядит следующим образом:

Начало 1-го Солнца	3957 г. до н.э.
Начало 2-го Солнца	2957 г. до н.э.
потоп (по Монтесиносу)	2898 г. до н.э.
потоп (согласно амаута)	2297 г. до н.э.
Начало 3-го	1957 г. до н.э.

Солнца	
Начало 4-го	43 г. н.э.
Солнца	
Начало 5-го	1043 г. н.э.
Солнца	

С.59. ... *через Тьерра Фирме...* – нынешние Панама и Колумбия (примеч. А.Скромницкого).

С.61. *Tampotocco* ("Пещера Убежища" или "Окно Убежища"), отождествляемое с *Raccaritampro* ("Убежище Возникновения") – мифологическое место появления людей (см. примечание к стр.3-5) и, одновременно, один из политических центров долины Куско в прединкское время.

Согласно Сармьенто де Гамбоа оттуда вышел первый Инка Манко Капак с 10 родами и 4 братьями и 4 сестрами. Считалось, что в Тампотоко было три «окна»: Марас-токко, Сутик-токко и Капак-токко («Богатое окно»), вероятно соответствующие каким-то территориальным или племенным подразделениям.

Ю.Хилтунен, опираясь на данные раскопок Г.Мак-Эвана, считает возможным отождествить историческое Тампотоко с Чокепукио [*Chokepukio*] в бассейне Лукре к юго-востоку от Куско [16.56-58]. Тот же исследователь полагает, что за рассказом о переносе столицы в Тампотоко стоят события, связанные с падением около 855 г.н.э. государства Уари и образованием на его периферии новых государств [16.62]. С другой стороны, Б.В.Биадос Яковассо, ссылаясь на данные радиоуглеродного анализа, считает Чокепукио поселением инкской эпохи [12]. По некоторым сведениям Пакаритамбо находилось в 6 лигах к юго-западу от Куско.

С.62-63. Ю.Хилтунен обращает внимание на то, что имя Топа Каури происходит из языка аймара, и считает его основателем новой династии выходцев из бассейна озера Титикака, захвативших власть в Тампотоко около 1100 г. н.э. [16.64-65].

С.63. *На девятый год царствования Топа Каури Пачакути седьмого ...* – в "Сообщении о древних обычаях уроженцев Перу" Анонимного Иезуита упоминается царь Пачакути VII, восстановивший державу после военных опустошений и эпидемий: "Пачакути Инга, седьмой этого имени, правитель Пакари Тампу, восстановил империю Куско, расколотую прошедшими войнами и бедствиями [мором]; и, восстанавливая город и вновь возводя его, он издал закон, чтобы все поклонялись солнцу после великого Илья Тексе Виракоча, а также луне, которая, говорили, является сестрой и женой солнца, и заре (al lucero - Венере?), сыну обоих и ихнему же посланцу". [De las costumbres antiguas de los naturales del Peru. - Iberoamericana, Vurvuert, 2008, Pp.. 40-41]. Дальше он строит храмы, устанавливает для них служителей и пр. (Примеч. А.Скромницкого).

На распространение *содомии* среди некоторых индейских народов Перу указывает Сьеса де Леон: “Так как они были дурны и порочны, не смущаясь тем, что среди них было много женщин, и некоторые красивые, большинство из них предавалось (о чем мне удостоверяли) публично и открыто гнусному греху содомии, чем, как говорят, чрезвычайно хвастали” [15.Р.97].

С.64. *Бетансос* –имеется в виду книга: Betanzos J. de. Suma y narración de los Incas. 1551. X. де Бетансос, в частности, сообщает следующее: «И сделав это, приказал Инка Йупанки владыкам из Куско, чтобы там через десять дней был бы приготовлен большой запас маиса, овец и баранов, а также богатой одежды и некоторое количество маленьких мальчиков и девочек, которых они называют капакоча [*Sarasocha*], и все это для жертвоприношения Солнцу. И когда минули десять дней, и все это уже было собрано, Инка Йупанки приказал развести большой костер, и в этот костер он приказал, после того, как были обезглавлены овцы и бараны, чтобы они были брошены в него, и, кроме того, одежды и маис, а мальчиков и девочек, которые равным образом были собраны, богато одетые и разукрашенные, он приказал похоронить заживо в том доме»[Сар.ХI]. «И также были принесены в жертву многие маленькие мальчики и девочки, которых похоронили заживо, хорошо одетых и разукрашенных, которых закапывали по двое, мужского пола и женского, и с каждым из этих двух закапывали много утвари из золота и серебра, каковою были блюда, и чаши, и кувшины, горшки и кубки для питья, со всеми прочими принадлежностями, которые обычно имеет женатый индеец, и все это было из золота и серебра, и таким образом хоронили со всем этим скарбом этих малышей, которые были детьми касиков и знати» (Сар.ХVII).

С.65. Пирао возможно тождественны *перува* (*periguaes*), одному из племен Эквадора, упоминаемому Монтесиносом на стр.105 "Памятных записок".

С.66. Имена трех из пяти последних "царей Пиру" Монтесиноса близки или совпадают с именами трех из четырех инков так называемой "династии Нижнего Куско", Урин Куско:

«Цари Пиру» (Монтесинос. С.66)	Инки династии Урин Куско
Чинчи Рока	Синчи Рока
Ильятока	
Льуки Йупанки	Льоке Йупанки
Рока Титу	
Инти Майта Капак	Майта Капак
	Капак Йупанки

Отсюда можно предположить, что на самом деле "династия Нижнего Куско" – правители Тампотоко, владевшие также районом Куско.

С.66. *Виккакирау*. Здесь Монтесинос впервые приводит имя одного из "инкских кланов" – родов, производивших себя от инков и претендовавших на привилегированное положение (во многих случаях "инкские кланы" определяются как *рапаса* ("братство"), то есть, группа потомков умершего инки, которая должна была заботиться о его мумии и наследовала его имущество). Сравнение данных Монтесиноса об этих кланах и их списка из "Письма одиннадцати инков" 1603 года, приводимого Инкой Гарсиласо [16.С.646-647], обнаруживает их значительную близость:

Монтесинос		Инка Гарсиласо	
Правитель	Клан	Инка	Клан
		Манко Капак	Чима Панака
Инка Рока	Раурау Панака	Синчи Рока	Раурау Панака
Альоке Йупанки	Айлью Чибанин	Льоке Йупанки	Аванина Айлью
Майта Капак	Ускамайта	Майта Капак	Уска Майта
Капак Йупанки	Апумайта	Капак Йупанки	Апу Майта
Чинчи Рока*	Виккакирау	Инка Рока	Вика Кирау
Синчи Рока	Виракира		
Лавар Вакак	Аукайли Панака	Йавар Вакак	Айлью Панака
Виракоча	Суксе Панака	Виракоча Инка	Соксо Панака
		Пачакутек Инка Йупанки и (Амару) Инка Йупанки	Инка Панака
		Тупак Инка Йупанки	Капак Айлью
		Вайна Капак	Туми Пампа

* "Царь Пиру".

Отличия Монтесиноса и "Письма одиннадцати инков" сводятся к двум моментам: 1) у Монтесиноса отсутствуют кланы, происходящие от младших сыновей Манко Капака и инков после Виракочи; 2) Синчи Рока и Инка Рока заменяют друг друга.

С.67. Ю.Хилтунен связывает падение царства Тампотоко около 1300 г. н.э. с возвышением государства Айярмарка (Ayarmarca) или Пинава-Муйна (Pinagua-Miuna), цари которого захватили Тампотоко. Правители этого государства Токай Капак (Tocay Capac) и Пинау Капак (Pinau Capac) упоминаются как враги ранних инков [8.P.123;17.P.76,90].

С.67-68. В главах 16-17 Монтесинос излагает оригинальную (и очень правдоподобную в своей основе) версию установления власти инков, связывая его не с мифическим предком Манко Капаком, а с Инкой Рока, первым инкой династии "Верхнего Куско" (Hanan Cuzco). Она хорошо согласуется со сведениями хрониста начала XVII в. П.Гутиерреса де Санта-Клара о том, что

новый город Анан Куско был построен над старым Куско победившими инками, а царь старого Куско был преследуем и убит инкой [22]. Следы излагаемой Монтесиносом версии, правда, в связи с Манко Капаком, сохранились в "Официальной истории инков в картинах": "Династия инков началась с него, когда его мать ложно провозгласила его сыном Солнца и что он явился из пещеры Пакаритаambo" [8.P.122].

В целом можно предположить, что "инки династии Урин Куско" на самом деле были либо последними царями Тампотоко (владевшими также Куско), около 1300 г. свергнутыми правителями Пинава-Муйна, "старыми царями Куско", либо правителями Пинава-Муйна, занявшими Тампотоко. Власть Пинава-Муйна в Куско в свою очередь сверг около 1350 года Инка Рока. При Пачакутеке, заинтересованном в поддержке кланов, возводивших себя к царям Тампотоко, "инки Урин Куско" были официально включены в состав предков инкской династии [см. 6.66;23.P.415].

С.68. Согласно Инке Гарсиласо (со ссылкой на Бласа Валеру) имя *Инка Рока* (Inca Rosa) означает: «зрелый и благоразумный князь» [16.C.221].

С.70. ... *отвели его в Чинкану [Chingana] – замечательную пещеру ...* – стоит отметить, что в списке вак (священных мест), находившихся возле Куско, Бернабе Кобо называет Инкарока [*Incaroca*], о которой говорит: «была пещерой, и относилась к главным святилищам». Возможно, почитание священной пещеры Инка Рока связано с излагаемой здесь историей воцарения Инки Рока (примеч. А.Скромницкого).

С.71. «Дом Солнца» – храм Солнца в ансамбле *Кориканча* в Куско.

... *место, называемое «Поклонным» [Mochadero]* ... – топоним Мочадеро до сих пор известен в Перу как название некоторых горных вершин, в частности, Мочадеро Гранде в департаменте Арекипа (2927 м.) (примеч. А.Скромницкого).

С.73. *Ватанай (Уатанай)* – река, в долине которой лежит Куско.

С.75. «Если же во владении оружием этим вы должны упражняться, то ведь благодаря ему, говорят кипокамайо, стали владыками мира наши предки». Подражание Цицерону: «Воинская доблесть возвысила имя римского народа. Это она овевяла наш город вечной славой, это она весь мир подчинила нашей державе» [За Мурену,22]. Не вызывает сомнения, что сочинения Цицерона читал ученый иезуит Монтесинос; невероятно, чтобы их знал Инка Рока.

С.76. ... *он найдет на вас громы, которые вас ужаснут, бури, которые повергнут вас в уныние, ливни, которые уничтожат ваши посевы, и молнии, которые лишат вас жизни ...* – текст близок к характеристике бога Париакака, почитавшегося на побережье, которая приводится в сочинении «Боги и люди Варочири» Франсиско Авилы, и мало соответствует известным представлениям индейцев Центральных Анд об Инти-Солнце (примеч. А.Скромницкого).

С.77. *Тиаванако* (Tiaguapaso) упоминается у Монтесиноса единственный раз. Неясно, действительно ли этот огромный центр к юго-востоку от озера Титикака, построенный по всей видимости аймара, был еще населен в XIV веке.

С.78. Согласно Инке Гарсиласо Мама Кора (*Mama Cora*) была женой Синчи Рока [16.С.64,109]. Супругу Инки Рока звали Мама Микай.

С.79. Изложение законов против содомии почти дословно повторяет сообщение Инки Гарсиласо [16.С.169], который приписывает их Капаку Йупанки.

С.80. *Абанкай* – город примерно в 105 километрах к западу от Куско, расположенный на одноименной реке. П. Съеса де Леон пишет об этой местности: «Из этой провинции Андавайлас (обычно испанцами называемую Андагуайлас) прибываешь к реке Абанкай, протекающую в 9 лигах далее по направлению к Куско, и есть на этой реке свои «быки» или очень крепкие каменные опоры, где подвешен мост, как и на остальных реках. Под этим переходом горы образуют маленькую долину с деревьями и плодами и другим изобилием съестного» [Lib.I.Cap.XC] (перевод А.Скромницкого).

Область *Ванкаррама* (*Huancarrama*) или *Ванка* (*Huanca*) находилась в районе нынешних городов Уанкайо и Хауха в перуанском департаменте Хуни. Она расположена приблизительно в ста пятидесяти километрах к северо-западу от Вильки, следовательно, не могла лежать на пути похода из Куско в Вильку. О говорящем идоле ванков упоминает Инка Гарсиласо: «У них имелся также идол в виде изображения человека, в нем говорил дьявол, приказывающий то, что хотел, и отвечавший на то, о чем его спрашивали» [16.С.364].

С.81. *Отец Хосеф Арриага* [*Joseph Arriaga*] ... – имеется в виду сочинение: Arriaga, José de. La extirpación de la idolatría en Perú, 1621. Соответствующие сведения содержатся в главе IX6 "Там есть одна древняя очень знаменитая вака, чье название я забыл, которая во времена инков говорила. И есть предание между ними, что, проходя через это селение, Манко Капак [Manco Cápac] совершил жертвоприношение ей, а она сказала, что не хочет принимать его, потому что он не был законным Инкой, и что он должен оставить царство. Из-за этого разгневанный Манко Капак приказал сбросить ее вниз с горы. И когда пришли перевернуть камень, из него вылетел очень пестрый попугай, и полетел к холму впереди. И хотя инка приказал чтобы его преследовали камнями, пращами и стрелами, в него не попали, пока он не достиг одного большого камня, который раскрылся, и заключил его в себе, и опять соединился, как был раньше".

«Общество» – орден иезуитов.

... *Луис де Теруэль* ... – миссионер-иезуит, проповедовавший среди чанков, автор утраченного сочинения "Contra idolatrium", выдержки из которого приводит Арриага.

С.82. Поход Инки Рока против Антавайльи, Урамарки (этот эпизод у Монтесиноса отсутствует) и Вильки, закончившийся миром с Вилькой, описывает Инка Гарсиласо [16.С.222-225].

С.84. Инка Гарсиласо со ссылкой на Бласа Валеру сообщает, что Инка Рока царствовал около 50 лет [16.С.231. В соответствии с принимаемой большинством исследователей хронологией инков Инка Рока правил около 1350-1380 гг.

... в его время берет начало род *Раураупанака* [*Rauraupacas*], который происходит от его брата Манко Капака ... – согласно Сармьенто де Гамбоа этот

род происходит от второго сына (?) Синчи Рока (отца Льоке Юпанки) – Раура (примеч. А.Скромницкого).

В главах 19-22 Монтесинос в соответствии с официальной пачакутековской версией помещает после Инки Рока четырех "инков династии Урин Куско", уже перечисленных выше, в главе 15 как "цари Тампотоко". При этом Инку Рока он заменяет на правителя со схожим именем, Синчи Рока (второго "инку" официальной версии).

Вариант имени супруги Льоке Йупанки – *Mama Cahua (Caua)*. Согласно другим источникам супругу Льоке Йупанки звали *Mama Cora Ocllo* (имя, которое у Инки Гарсиласо носит его мать, супруга Синчи Рока).

... *Первым был Майта Капак [Mayta Capac], вторым – Апу Кунти Манко [Apu Cuntimanca], третьим – Апу Така [aputaca]* ... – у Сармьенто несколько иная схема: Майта Капак действительно сын Льоке Йупанки, но Апу Кунти Майта (!) – сын Майты Капака (примеч. А.Скромницкого).

... *Айлью Чибанин [aillo chibanin]*... – в издании 1882 г.: Chibainin (примеч. А.Скромницкого).

С.84-85. ... *женился на Маме Танкарайвачи [Mama Tancarayhuachi]* ... – именем *Mama Tancaray* (описка вместо *Tancaray*) *Yacchi* супругу Майта Капака называет также Пачакути-Йамки Салкамайва. В других источниках ее имя – *Mama Tиси-curay* из селения *Tисисuray*, *Mama Chimbo Yachi Urta*, *Mama Cusa*.

С.85. *он имел двух сыновей: Капака Йупанки [Capaca Yupanqui] и Путано Умана [Putano Uman]*... – согласно Сармьенто де Гамбоа Путано Уман является сыном Капака Йупанки (примеч. А.Скромницкого).

С.86. Варианты имени супруги Капака Йупанки – *Mama Corillpay Cahua*, *Mama Cori Illpay Chaua*, *Mama Chimbo Cahua*, *Curi-hipsi*. Согласно Сармьенто де Гамбоа она происходила из селения Айармакас (её отец – вождь селения) или из Куско.

... *Капак Йупанки ... имел ... четырех сыновей ...* – по сведениям Сармьенто де Гамбоа сыновьями Капака Йупанки были Инка Рокка Инка, Апу Кальа, Апу Чима-Чавин, Апу Сака и еще двое других (примеч. А.Скромницкого).

С.87. "Гнусный грех" – мужеложество.

С.87-88. Распространение любовной магии связывает с правлением Синчи Роки также Пачакути-Йамки Салкамайва. Он, в частности, сообщает: "После смерти старого инки [Манко Капака – В.Т.] царство перешло к его сыну Синчи Рока Инке [*Sinchi Rroca Ynca*], который был очень гордым мужем. В его время случилось, что там были юноши и девушки, которые чрезмерно любили друг друга и, в ответ на вопросы, заданные им инкой, они публично сознавались, что они не могут жить порознь. Обнаружили, что эти любовники имели некие маленькие камни, совершенно круглые, и они говорили, что эти камешки называются *sonsoara chinacos huacca chinacos*. Они говорят, что один бедный юноша в лохмотьях, пастух лам [*llama-miches*], вошел в дом Инки Синчи Рока, и что одна девственница, очень дорогая инке, убежала с этим парнем. Их искали, пока не нашли, и было приказано, чтобы их пытали. Девушка созналась, что

пастух овладел ее любовью после того, как сделал *huacanqui* (амулет), чтобы она появилась, данный ему демоном. Парень заключил договор с дьяволом в одной пещере..." [17.P.81].

С.88. ... *тунки* ... – *Rupicola*, или род *Trogon* либо *Tanagra* (примеч. А.Скромницкого).

... *пилько* ... – от кечуа *pillco*, "разноцветный" (примеч. А.Скромницкого).

С.89. *Chaquira* – золотое ожерелье, в доколумбовом Эквадоре чакира выполняли функции денег.

С.90. *Его давал гадатель*... – схожий способ гадания описан Франсиско Авила в сочинении «Боги и люди Варочери» (примеч. А.Скромницкого).

С.91-94. Монтесинос совмещает в этом рассказе сообщения о походе Инки Рока в Антавайлью и Вильку (см. стор.80-83 "Памятных записок", а также [16.C.221-225]) и еще один вариант описания битвы при Йаварпампе.

С.93. О *золотых жезлах*, полученных инкой накануне битвы при Йаварпампе, Монтесинос пишет также в главе 5 [3.L.II.P.24], о них же сообщают Инка Гарсиласо [16.C.238,306,310] и Пачакути-Йамки Салкамайва [17.P.91].

С.94-97. Схожее описание победного шествия – *haili* или *haylli* по поводу завоевания Ваманки, Кахамарки и Йавйу приводит Инка Гарсиласо [16.C.376-377].

С.95. По другим источникам с захваченных в плен вождей чанков была заживо содрана кожа, которую после выделки наполнили пеплом и золой; эти трофеи хранились в Куско, и их еще показывали первым испанцам.

С.97. Монтесинос указывает на некоего "автора приводимой истории" [historia citada], послужившей источником его сочинения.

В данном месте супруга Синчи Рока имеет общепринятое (хоть и в своеобразном фонетическом варианте) имя супруги Инки Рока – *Mama Mica*.

Лавар Вакак (Йавар Вакак) согласно общепринятой хронологии царствовал около 1380-1410 гг.

С.98. ... *Уман Тарси* [Human Tarssi] ... – у Сармьенто де Гамбоа: Ваман Тайси Инка; от него пошел род Викакирау Панака Айлью (племя Сутик-токко), реформированный при Пачакутеке (примеч. А.Скромницкого).

Схожее с Монтесиносом объяснение *имени Йавар Вакака* приводит Инка Гарсиласо: "Индейцы говорят, что когда он был ребенком трех или четырех лет, он заплакал кровью. Было ли это только однажды или много раз – они не знают; должно быть, какая-то хворь случилась с его глазами, и она была причиной появления в них крови" [16.C.25-226].

... *его собственное имя было Майта Йупанки* [Mayta Yupanqui] ... – согласно Сармьенто де Гамбоа личное имя Инки Йавар Вакака было Титу Куси Вальпа (примеч. А.Скромницкого).

Чакра, чакара – возделанное поле, надел. Монтесинос почти дословно повторяет слова Х. де Акосты: "Инка Йупанки отвел чакры, земли и скот для Солнца, грома и других вак, но ничего не выделил для Виракочи по той причине, что, являясь всеобщим господином и творцом, он не нуждался в этом" [20, VI,21].

... *Мама Кочекиклай Тупай [Mama Cochequiclay Tupa]* ... – иной вариант того же имени супруги Йавар Вакака приводит Пачакути-Йамки Салкамайва: *Mama Chiqui-chesua*. В других источниках эту царицу зовут *Mama Chisua*, *Mama Chisua*, *Hira Huaso Mama Machi*.

... *имел от нее шестерых сыновей* ... – то же сообщает Сармьенто де Гамбоа, у которого сыновей Йавар Вакака зовут: 1) Павкар Айлью (старший сын); 2) Павак Вальпа Майта (наследник, убит); 3) Виракоча; 4) Викчу Тупак (завоеватель селения Викчу) – не собственное имя, наверное, это Тупак Павкар Монтесиноса; 5) Марк-Юту; 6) Инка Рокка Инка, вероятно, Синчи Рока Монтесиноса (примеч. А.Скромницкого).

С.99. События, которые Монтесинос связывает с Инкой Виракочей: поход в Чили и завоевание Эквадора – другие источники относят к правлению Тупак Инки Йупанки (1471-1493) [см.:16.С.471-476,494-519]. Очевидно, что Монтесинос отождествил правителя, имевшего личное имя "Тупак Йупанки" (у Сармьенто – Атун Тупак Йупанки, в другой версии – "Рипак Йупанки") с его внуком, известным под тронным именем "Тупак Инка Йупанки".

С.99-101. Поход Тупак Инки Йупанки в Чили в начале правления описывает Инка Гарсиласо [16.С.471-476].

С.101. Инка Гарсиласо так характеризует область Чачапоя: "Ее населяло много очень храбрых людей – мужчины прекрасного сложения, а женщины чрезвычайной красоты. Эти чачапуйя поклонялись змеям, а главным богом они считали птицу кунтур... Эти индейцы в качестве головного украшения и знака различия носят на голове пращу; ... а праща сделана не так, как ее делают другие индейцы, и является главным оружием, которым они пользовались на войне..." [16.С.500].

С.101-102. *Кито* – до третьей четверти XV в. на территории центрального Эквадора существовало царство Киту (Шири), о котором Инка Гарсиласо пишет, что "оно было знаменитым и большим, так как имеет 70 лиг в длину и 30 в ширину плодородной и изобильной земли" [16.С.515]. Это царство сложилось около 1000 г. в результате покорения племен кара племенами шири, а в дальнейшем включило также народы канъари и пуруае.

С.102. Главы 24-26 содержат очень реалистический, подробный и толковый рассказ о завоевании инками территории современного Эквадора, осуществленном Тупаком Инкой Йупанки.

Вулкан в пяти лигах от Кито – Пичинча. "Другой вулкан" – по всей вероятности Котопахи.

Пальта – область на юге современного Эквадора (провинция Лоха).

С.103. *Митмаэс*, митмак – принудительные переселенцы. По оценкам современных исследователей накануне прихода испанцев митмак составляли до 10 процентов населения Тавантинсуйу, а в некоторых районах – до четырех пятых.

Котапампа – одна из областей проживания кечва в подразделении Контисуйу. В тексте Монтесиноса, возможно, описка вместо Кочапампа. Согласно документальным данным крупномасштабное переселение митмак в Кочабамбу (на

восточных склонах боливийских Анд, в 240 километрах юго-восточнее Ла-Паса) было организовано Вайна Капаком. Общее число одновременно живших в Кочабамбе переселенцев составляло 14 тысяч (без членов семей) [24.P.47-62].

Каньари – область и группа племен на территории Эквадора к югу от Кито (современные провинции Асуай и Каньар). “Дома, которые имеют туземцы каньари ..., маленькие, сделанные из камня, крытые соломой ... Поклоняются Солнцу... Владыки женятся на женщинах, каких хотят, и очень им угождают; и хотя бы их было много, одна главная. И перед тем, как жениться, устраивают большой пир, на котором, после того, как вдоволь наедятся и напьются, делают некоторые вещи по своему обычаю. Сын от главной жены наследует власть, хотя бы владыка имел многих других сыновей от остальных жен. Покойников помещают в случайные могилы, сделанные их соседями, сопровождаемых живыми женщинами, и кладут с ними их богатства, и используют те же оружие и обычаи. Некоторые являются великими гадателями и колдунами, но не подвержены ни гнусному греху, ни иным идолопоклонствам, кроме того, что некоторые имеют обычай уважать и почитать дьявола, с которым говорят те, кто для этого избран” [15.Lib.I, cap. XLVIII].

Мака (Мока), Кисна (Кесна), Помальата (Пума-льакта) – области между Каньари и царством Киту (современные эквадорские провинции Боливар, Чимборасо, Тунгурауа).

C.104. Аналогичную историю подчинения Каньари излагает Инка Гарсиласо [16.C.510-511]. Он, впрочем, не согласен с мнением о низких моральных качествах этого народа: "Они были очень верными вассалами, как они доказали это в войнах Васкара и Атавальпы, хотя позднее, когда пришли испанцы, один из каньаров, перейдя к ним, оказался для остальных достаточно убедительным примером, чтобы они полюбили испанцев и возненавидели инков" [16.C.511].

... *построил дворец* – речь идет о знаменитом дворцовом комплексе в Томепампе, описанном Съесой де Леоном и Инкой Гарсиласо. «Покои [aposentos] Томебамбы расположены около двух небольших речек на плоской равнине, имеющей в окружности более 12 лиг. Это прохладная земля, но богатая дичью: оленями, кроликами, фазановыми, горлинками и прочими птицами. Храм Солнца был построен из искусно обработанных камней, и некоторые из этих камней очень большие, одни - черные, необработанные, а другие - похожи на мрамор с прожилками [яшма]. Некоторые индейцы пытаются сказать, что большая часть камней, из которых сооружены эти покои и Храм Солнца, были принесены из великого города Куско, по приказу короля Вайна Капака и великого Тупака Инки [Юпанки], его отца, с помощью многочисленных канатов, что немалое [вызывает] восхищение (если так оно было), судя по величине и очень большому количеству камней, и большой протяженности дороги.

Входы во многие покои были изящными и очень разукрашенными [myu pintadas], и в них были вставлено несколько драгоценных камней и изумрудов, а внутри стены Храма Солнца и дворцов царей-Инков были облицованы чистейшим золотом, и выгравированы многочисленные фигуры, внутренняя отделка по

большей части была выполнена из этого металла и очень изысканно. Покрытие этих домов было из соломы, столь умело размещенной и разложенной, что никакой бы огонь ее не погубил и не уничтожил, а само покрытие простояло бы много времён и веков, не подвергаясь повреждениям. Внутри покоев в изобилии имелась золотая солома, а на стенах выгравированы овцы [ламы] и овечки, и птицы, и много других вещей. Кроме этого, говорят, масса сокровищ была в кувшинах и горшках, и в других предметах и много очень дорогих плащей, исполненных золотым шитьем и «чакирой» [chaquirá]» [15.Lib.I, cap. XLIV. См. также 16.C.511-513].

На другом берегу реки Гуаякиль – то есть племена, жившие между правым, западным берегом реки Гуаяс тихоокеанским побережьем.

Пурувае, перуае – народ, живший в южных районах царства Кито. Съеса де Леон сообщает о них: «Эти поселения в Риобамбе, как я уже сказал, относятся к области Пуруаэс [Puruaes], которая принадлежит к густозаселенной округе города Кито, и с добрым народом [у de buena gente]; они ходят одетыми, сами и их женщины. Имеют те же обычаи, что и их соседи, а чтобы быть признанными, носят повязку на голове, а некоторые или почти все имеют длинные волосы и очень тщательно их заплетают, женщины делают то же самое. Поклоняются Солнцу; говорят с демоном те, кого среди всех выбирают как самых подходящих для такого дела, и у них были и еще кажется есть другие обряды и злоупотребления, какие имели инки, кем они были завоеваны. Для владык, когда те умирали, они делали в той части поля, в какой хотели, глубокую квадратную могилу, куда клали их вместе с оружием и сокровищами, если они их имели. Некоторые из этих могил делали в собственных домах их жилищ; придерживались того, что вообще большинство уроженцев этих мест делают, то есть, бросали в могилы живых женщин из числа самых красивых ...» [15.Lib.I, cap. XLIII].

Острова Барловенто (Наветренные) – Малые Антильские острова. Речь идет об индейцах аравакской группы.

С.105. Выше, на стр.65, семьдесят второй "царь Перу" назван Токо Коске (*Toco Cozque*).

Атакунка – совр. Латакунга, центр эквадорской провинции Котопахи в 80 км к югу от Кито. *Ампато* – совр. Амбато, южнее Латакунги.

С.105-106. Согласно Инке Гарсиласо война инков против Кито была тяжелой и затянулась на пять лет. Решающую роль сыграл приход дополнительной армии из Куско, которой командовал царевич-наследник Вайна Капак [16.C.516-517].

Стр.106. ... *Кофанов*... – название какого-то народа или местности, очевидно не кечуанского происхождения (примеч. А.Скромницкого).

С.107. Горы от Санта-Марты до Магелланова пролива – Анды. Экспедиция инки была снаряжена в Западную Амазонию и прошла вдоль восточного склона Анд более 1560 километров.

С.107. ... на юге – Лавирак [Lahuirac], на севере – Кайминка [Cauminga] ... – Анаварке, Ванаккаури, Йавирак и Карменка – названия холмов в окрестностях Куско.

"Тигры" – ягуары, Felis onsa.

С.108. ... в селении Мулаало [Mulahalo] ... – об этом населенном пункте имеются сведения у Сьесы де Леона: «Дальше от Пансалео в 3 лигах находятся постоянные дворы и селения Мулаало [Mulahalo], оно хоть и маленькое сейчас, из-за уменьшившегося количества местных жителей, в прошлом имело постоянные дворы с большими складами, для того, чтобы Инки или их военачальники, проходя здесь, были обеспечены военным снаряжением. По правую руку у этого селения Мулаало – вулкан, или огненное жерло. И которого, говорят индейцы, в старину произошло извержение и он выбросил из себя очень много камней и пепла, да столько, что разрушил большую часть селений, куда то несчастье достигло. Некоторые хотят сказать, что прежде, чем взорваться, они видели адских призраков, и слышали несколько ужасных голосов» и далее: «Немного далее от Мулаало находится селение и крупные постоянные дворы, называемые Такунга [Tacinga], такие же важные, как и в Кито. А в сооружениях, хоть они сильно разрушены, обнаруживается их величие, потому что на некоторых стенах этих постоянных дворов виднеется четко, где вставлялись [в пазы] золотые овцы [ламы], и другие знатные вещи, высеченные на стенах. Особенно это богатство было в покоях, предназначенных для королей Инков, и в храме Солнца, где совершались жертвоприношения и подношения, где также пребывало множество девственниц, приставленных служить в храме, которых (я уже неоднократно говорил) называли Мамаконы» [15.Lib.I, cap. XLI, перевод А.Скромницкого] .

... что еще были живы некоторые из тех, кто вновь отправился в это путешествие по приказу Вайна Капака... – "Если правдиво (а это ему свойственно) то, что утверждает Торибио де Ортигера [Toribio de Ortiuguera] в своих "Заметках и Сообщении о Кито и реке амазонок" ["Noticias y Relación de Quito y del Rio de las Amazonas"], что еще жила в декабре 1569 года в этом городе одна индеанка по имени Донья Исабель Вачай [Isabel Guachay], которая участвовала в походе Вайна Капака в Пограничье, чьи подробности она сообщила Ортегера в следующих словах: 'Мы вошли через Чапи [Chapi] в Пимампиро [Pimampiro], в шестнадцати лигах к северо-востоку от Кито, в области Икес и Атун-Ике [Iques y Atun-Ique], соседствующие друг с другом. Мы шли, прокладывая путь руками по горной тропе. Через шесть дней мы пришли в долину с многочисленными индейцами хорошего сложения, которые имели головы спереди выбритыми, а с задней половины с очень длинными волосами. Их одеждой были плащи, завязанные на плече на цыганский манер, и набедренные повязки [zaraguellas]. Долина была плоской и жаркой, с обилием маиса и хлопка, юкки, сладкого картофеля, тыкв, множеством индюшек и уток. Индейцы носили большие диски [patenas] из золота, как маленькие щиты, а индеанки – многочисленные украшения из него. Пользовались пращами. Постарался Вайна Капак при помощи многих обменов узнать, что имелось в той стране, и какие вещи

были самыми привлекательными для них из имевшихся в его земле, и ни к одной они не обнаружили никакого пристрастия, кроме определенного вида топоров для рубки и соли, которую брали во множестве, и за нее давали золото ношами, и дали копи его Вайна Капаку, в которых принялись копать палками, поскольку тогда не было железа, и добыли много золота, похожего на тыквенные семечки. В этой долине была река, берега которой были заселены большим количеством индейцев, плававших по ней на каноэ, и в этой долине Вайна Капак приказал сделать каменные дома, где находился некоторое время и имел свое местопребывание, и к нему вышли многие владыки и касики этой страны, чтобы увидеть его и признать владыкой из-за славы, которая имела о его великих свершениях и доблестях, из которых он забрал тридцать индейцев и восемь касиков в Кито, а оттуда послал их в Куско, чтобы они понимали его язык, и чтобы содержать их там в уверенности, и чтобы они не смогли бежать. И в это время в страну пришли испанцы, и Вайна Капак умер от оспы до того, как испанцы смогли видеть его, по причине чего никто не отправился снова увидеть эту страну и не пошел открыть ее" (примеч. издания 1882 г.).

С.109. *Пукара* – на языке кечуа *pusara* означает "крепость". Непереведенное слово указывает, что источником Монтесиноса в этом месте был некий текст на кечва.

С.109-110. Здесь описывается поход инки в равнинные области западного Эквадора.

С.109. ...*поплыл по реке, очень большой...* – река Караколь, восточный исток Гуаяс.

Уаиа – современный Бабаойо на реке Караколь.

С.110. *Пунá* – остров в заливе Гуаякиль. Согласно Инке Гарсиласо Пуна была подчинена в правление Вайна Капака [16.C.572-577], однако, Инка Гарсиласо по всей вероятности сообщает не о первичном завоевании, а о восстании жителей Пуны против инков и его подавлении. По сведениям Съесы де Леона Тупак Инка Йупанки (тождественный Виракоча Инке у Монтесиноса) “отправил послов к жителям этого острова, спрашивая их, не хотят ли они быть его друзьями и союзниками, и они из-за славы, которую он имел, и потому, что уже слышали о его великих делах, выслушали его посольство, но не служили ему и не были полностью подчинены до времен Вайна Капака, хотя другие говорят, что ранее они попали под владычество инков при Инке Йупанки, и что они восстали” [15.Lib.I, cap. LIV].

С.111. Индейское название области *Пуэрто-Вьехо* – Манта [*Mantas*]. Согласно Инке Гарсиласо эта область также была подчинена Вайна Капаком [16.C.580-582]. Впрочем, власть инков над тихоокеанским побережьем Эквадора не была прочной и могла устанавливаться несколько раз.

Съеса де Леон сообщает о своеобразном культе, центром которого был этот город: “Утверждают, что владыка Манты имеет или имел изумруд, огромного размера и очень ценный, который его предшественники имели и считали очень чтимым и уважаемым, и в определенные дни выставляли его напоказ, и

поклонялись и почитали, как если бы в нем было заключено некое божество. И когда какой-нибудь индеец или индеанка заболели, после того, как они совершали свои жертвоприношения, они шли молиться камню, которому, как утверждают, служили другие камни, и жрец, который говорил с демоном, давал понять, что здоровье может вернуться при посредстве некоторых жертв” [15.Lib.I, cap.L].

С.116. Инка Гарсиласо относит войну Тупака Инки Йупанки с Чимором и посещение им Пачакамака к концу правления Пачакутека Инки Йупанки, когда Тупак Инка Йупанки был еще царевичем-наследником [16.С.412-415].

С.117. *Мама Рунтукай* (в других версиях – *Mama Runtu*, *Mama Runtucayan*) – имя супруги Инки Виракочи, Инка Уркан (*Urcu*, *Urcon*) – старшего сына этого инки; от Виракочи производил себя клан Соксо (Суксе) Панака. Следовательно, названный здесь наследник Топа Йупанки тождественен царевичу Инке Йупанки или Куси Йупанки, после воцарения принявшему тронное имя Пачакутек Инка Йупанки (1438-1471) (примеч. В.Талаха).

У Сармьенто де Гамбоа имена детей Виракочи Инки имеют следующий вид: 1) Инка Рока Инка, 1-й сын, 2) Тупак Юпанки, 2-й сын, 3) Куси Инка Юпанки (будущий Пачакути), 4) Капак Юпанки, 5) Инка Урко – убит Пачакути, 6) Инка Соксо, от него род Соксо Панака Айлью (примеч. А.Скромницкого).

С.117-118. В общепринятой версии подчинение царства Чиму (Чимор) около 1470/1471 года связывается с Пачакутеком Инкой Йупанки (1438-1471). Так, Пачакути-Йамки Салькамайва пишет: "Инка Пачакути получил большое количество золота серебра и *mitiña* (изумрудов); и тогда он пришел на остров йунков [*Yuncas*], где было много жемчуга, называемого чуруп-мамам и еще больше изумрудов. Оттуда он прошел в страну Чиму, где был Чиму Капак, вождь йунков, который подчинился и сделал все, что тот от него потребовал" [16. P.93].

В рассказе об "экологической" войне инков против Чимора вероятно отражен факт неудачного строительства большого оросительного канала в долине Моче, главном экономическом центре Чимора: в результате землетрясения изменился наклон местности, и канал не удалось заполнить водой [25].

С.118. Имена членов семьи *Топа Йупанки*, как и продолжительность его правления, соответствуют Тупаку Инке Йупанки (1471-1493).

Вайна Капак (у Монтесиноса употреблен диалектный вариант произношения его имени – *Huaina Caua*) правил в 1493-1525 годах. Его личное имя, согласно Сармьенто де Гамбоа – Титу Куси Вальпа.

С.119. *Мейобамба*, Мойобамба – река в восточной части области Чачапоя, левый приток Уальяги, притока Мараньон.

Мотилоны – группа племен карибско-аравакской группы, ныне проживающие на северо-западе Венесуэлы и в сопредельных районах Колумбии. Из сообщения Монтесиноса следует, что на рубеже XV-XVI веков они занимали земли гораздо юго-западнее.

Восстание в *Пальта* было одним из эпизодов большого движения против инков на севере Тавантинсуйу, в середине 1490-х годов, охватившего Тумбес,

Чачапоя, Пуну, Пальту и Каньари [16.C.568-577]. Согласно Съеса де Леону это восстание началось еще при Тупак Инке Йупанки, и было подавлено Вайна Капаком [15.Lib.II, cap. XLVII- XLVIII].

С.120. Река *Кисне* – вероятно, Самора.

Кильяку (*Quillacus*) – не имя правительницы, а название народа группы каньари, жившего в Эквадоре. Инка Гарсиласо дает ему крайне враждебную характеристику: "Среди тех народов [каньари – В.Т.] имеется один, именуемый кильяку, это гнуснейшие люди, столь жалкие и ограниченные, что они боятся, что им обязательно не хватит земли, и воды, и воздуха... Инка приказал взимать с них особую дань, которую взимали с людей несчастных – их вшей, чтобы заставить их чистить себя" [16.C.511].

Пачакути-Йамки Салкамайва войну с "госпожой из Кильяка" относит ко временам Тупака Инки Йупанки, однако, у него события происходят не в Эквадоре, а в землях аймара (колья) южнее озера Титикака: "Они начали воевать в Варми-Пукара [*Huarmi-Pucara*] з женщиной из народа кильяка [*Quillacas*], и кечуа были побеждены. Они бежали в главную крепость Льва-Пукара [*Llahua-pucara*], где они были осаждены колья [*Collas*] и все изрублены в куски. Один человек спасся и принес новость Тупаку Инке Йупанки, как погиб цвет его войска" [17.P.101]. Неясно, то ли Монтесинос, то ли Пачакути-Йамки совместил события в Эквадоре в Боливии из-за схожести этнонимов *quillaca* и *quillasi*.

С.122. *Койямбе* (Кайямпи), иначе *Каранке* – область в Эквадоре в 70 км северо-восточнее Кито; завоевана инками одновременно с царством Кито.

Озеро *Йаваркоча* расположено недалеко от современного города Ибарра, административного центра эквадорской провинции Имбабура.

Кильясинка – область к северу от Кайямбе.

Пасто – область по соседству с Кильясинка; восточная часть современного колумбийского департамента Нариньо.

Войну Вайна Капака против Кайямбе кроме Монтесиноса описывают Съеса де Леон [15. Lib.II, cap.LXVI-LXVII], Инка Гарсиласо [16.C.587-588], Пачакути-Йамки Салкамайва. Последний, в частности, пишет: "Все обитатели [областей Пигуйа, Сичу и Пурувай – В.Т.] вместе с кайямби [*Cayambis*], кильисенка [*Quillisencas*] и кильяку [*Quillacus*] бежали в крепости, чтобы защищаться от инки. Два войска тогда начали сражаться, и было пролито много крови. Войскам из Кольясуйу было приказано зайти в тыл врагу, но тем временем люди кайямби причинили большой ущерб царскому лагерю и обнаружили, что воины из Кольясуйу шагали очень неспешно. Тогда они с яростью обрушились на них и устроили большую резню, так что немногие ускользнули из разряженного и могучего войска Кольясуйу. Инка глубоко переживал это несчастье, так как военачальник Кольясуйу был одним из мудрейших его советников. Но инку следует порицать за доверие к обещаниям ваки в Пачакамаке и других идолов. Его люди остались голодными и в лохмотьях, тогда как война становилась ожесточеннее, чем когда-либо. Наконец, инка послал в Куско за подкреплениями, но пришла новость, что чиригуаны напали на его землю, что причинило ему новые

тревоги. Он отправил своих самых опытных командиров на завоевание чиригуанов с 20 тысячами человек из Чинчасуи. Таким образом его войско сократилось до 100 тысяч человек, и с ними он продолжал войну. Он послал войска Кольясуйи по горам напасть на крепости кайямби, тогда как Чинчасуи шло по равнинам. Сам инка двинулся по прямой дороге. Он сражался яростнее, чем когда-либо, и воины Кольясуйи поднялись к крепостям кайямбе и свирепо напали на них, не щадя ни женщин, ни стариков. И даже инка лично сражался, сопровождаемый майу [*Mayus*], санку [*Sancus*] и кильи-качи [*Quillis-cachis*]. Противники были измотаны усталостью, но на следующий день бой возобновился, и войска Кольясуйи и Чинчасуи еще раз атаковали крепости, которые были на крутых скалах. Противник обратился в бегство в другую местность, а инка приказал войску день отдыхать. Враг нашел убежище в более сильной крепости, а к войску инки присоединились подкрепления из Куско. Кайямби бежали в горы Отабала и собрались на берегах озера, где они были окружены, и там была большая резня. Воины вымыли свое оружие в озере, и в глубине его собралось много крови, так что озеро было названо Йавар-коча" [17.Р.109-110]. Согласно П.Сьеса де Леону: " Утверждают, что, когда пришли его военачальники и люди, с ними начали войну, которая была жестокой, и победа была сомнительной, но, в конце концов, люди из Куско проявили такую сноровку, что убили большое число врагов, а те, которые остались, обратились в бегство. И так разгневан на них был царь-тиран за то, что они взялись за оружие, так как хотели защитить свою землю, а не признавать подчинения, что приказал всем своим, чтобы они отыскиали всех остальных, кто там мог бы быть, и они с большим старанием разыскали их и схватили почти всех, так что мало кто из них смог ускользнуть; и, собрав их у одной лагуны, которая там была, он приказал, чтобы их обезглавили перед ним и бросили в глубину; и было столько крови от множества убитых, что вода потеряла свой цвет, и не было видно ничего, кроме сгустков крови" [15. Lib.II, cap.LXVII]. Этот же автор приводит колоритное предание о последствиях войны: «Этих жителей Отабала и Каранге называют вамараконами [*guamaraconas*], потому что об убийствах, совершенных Вайна Капаком [*Guaupacapa*] на озере, где он убил большинство взрослых, из-за чего от этих народов остались только дети, как они говорят, *вамаракона*» [15. Lib.I, cap.XXXIX].

...антар... – антара, музыкальный инструмент (ныне называемый также сампонья, **затроña**), вид флейты Пана (примеч. А.Скромницкого).

С.123. *Пукара* – в данном случае одно из племен аймара.

Октавало, описка вместо *Отавало*, *Ота-вальу* – область и горная цепь на границе нынешних Эквадора и Колумбии.

С.125. Мать Атавальпы, согласно Инке Гарсиласо, была дочерью последнего царя Кито (Шире), ее звали *Tocto Ocllo Cusa* [16.С.589; 17.Р.107].

Согласно Инке Гарсиласо Вайна Капак назначил Атавальпу правителем Кито и сопредельных областей [16.С.589-590].

С.126. ... *Инти Куси Вальпа Йупанки...* – согласно Сармьенто де Гамбоа личное имя Инки Васкара было Тупак Куси Вальпа Инти Ильяпа (примеч. А.Скромницкого).

Все, что рассказывают ... о большой золотой цепи ... – согласно Агустину де Сарате: "Во время рождения сына-первенца Вайна Кава приказал изготовить из золота такую толстую цепь ..., что более двухсот индейцев-длинноухих, взявшись вместе, не без труда поднимали ее. И в память об этой столь выдающейся драгоценности они назвали сына Васка [*Guasca*], что на их языке означает 'канат' [soga] с прозвищем 'инка' " [16.С.342].

С.127. Об обращении Вайна Капака к Пачакамаку схожим образом сообщает Инка Гарсиласо: "Из Римака и из других мест ему были доставлены мрачные и путаные ответы, из которых не следовало, что они обещают какое-то добро или не угрожают большим злом; а большинство колдунов находило предзнаменования дурными" [16.С.596].

С.128. ... *назначил главным военачальником войска Ван Ауки...* – согласно Сармьенто де Гамбоа *Вака Авки* (примеч. А.Скромницкого). Выше (стр.118) этот царевич назван *Ауки Туна Инка*, а Мартин де Муруа во "Всеобщей истории Перу" [Murúa, Martín de. *Historia General del Perú*, 1613] называет его Ванка Ауки [Huanca Auqui].

С.129. Испанцы из экспедиции П. де Андагойя впервые появились у северного побережья Перу в 1522 году. Согласно П. Съеса де Леону Вайна Капак, находясь в Томебамбе, получил известия об экспедиции Франсиско Писарро и Диего Альмагро, состоявшейся зимой 1524/1525 годов [15. Lib.II, cap. LXVIII].

Сокращения цитируемой литературы:

- 1 – Стингл М. Индейцы без томагавков. М., 1971.
- 2 – Березкин Ю.Е. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I-VII вв. Л., 1983.
- 3 – Montesinos, Fernando de. *Memorias Antiguas Historiales y Politicas del Perú* // El manuscrito conservado en la Biblioteca universitaria de Sevilla, no.332/335 (1644)
- 4 – Hyland S. *The Quito Manuscript. An Inca History Preserved by Fernando de Montesinos*. New Haven, Connecticut. 2007
- 5 – Hiltunen J.J. *Ancient Kings of Peru. The reliability of the Chronicle of Fernando de Montesinos*. Helsinki, 1999.
- 6 – Hiltunen J.J. *Andean History from Non-Cuzco-Centric Sources. Separating Invention from Possible Inherited Tradition in the Chronicle of Montesinos* // 5th World Archaeological Congress, 21-26 June 2003
[/www.traditionalhighcultures.com/HiltunenPaper.html](http://www.traditionalhighcultures.com/HiltunenPaper.html).
- 7 – Guaman Poma de Ayala, Felipe. *El primer nueva crónica y buen gobierno*. Ed. by J.V. Murra, R. Adorno y J.L. Urioste. Tomos I-III (1584-1615). México. 1980.
- 8 – Barnes M. *A Lost Inca History* // *Latin American Indian Literatures Journal*. Vol.12. No 2, Fall 1996.
- 9 – Means Ph. A. *Introduction* // *Montesinos Fernando de. Memorias Antiguas Historiales y Politicas del Peru (1644)* / Transl. and ed. by Philip A. Means. London, 1920.
- 10 – Szeminski J. *Los Reyes de Thiya Wanaku en las tradiciones orales del siglo XVI y XVII* // *Estudios Latinoamericanos* 16 (1995). Pp.11-72.
- 11 – Ponce Sanginés C. *Los Jefes de Estado de Tiwanaku*. La Paz, 1999.
- 12 – Biadós Yacovazzo, B.V. *Hiltunen y como hace sus críticas a Zseminsky de Habich y Ponce Sanginés*
[/www.faculty.ucr.edu/~legnere/biados/hitunen.htm](http://www.faculty.ucr.edu/~legnere/biados/hitunen.htm)
- 13 – Montesinos, Fernando de. *Ophir de España. Memorias Antiguas Historiales y Politicas del Perú* // *Revista de Buenos Aires*, Noviembre de 1869 a XXII, 1870.
- 14 – A.S.Freilich. *El origen de los indios: El mito de los tribus perdidas* // *Reflejos (Jerusalén)*, No5, diciembre de 1996. P.71-85
- 15 – Cieza de León, Pedro. *Crónica del Perú*. Lima, 1986.
- 16 – Инка Гарсиласо де Ла Вега. *История государства инков*. Л., 1974.
- 17 – *An Account of The Antiquities of Peru* // www.sacred-texts.com/nam.inca/rly/rly2
- 18 – Ibarra Grasso D.E. *La Escritura Indígena Andina*. (Lima,) 1953
- 19 – Sarmiento de Gamboa, Pedro. *Historia de los Incas* / Ed. by Angel Rosenblat. Segunda edición (1572). Buenos Aires, 1942.
- 20 – Acosta, José de. *Historia Natural y Moral de las Indias*. Madrid, 1894.
- 21 – Oliva, Anello. *Historia del reino y Provincias del Perú...*(1631). Lima, 1895.
- 22 – Gutierrez de Santa Clara, Pedro. *Quinquenarios o Historia de las guerras civiles del Perú (1544-1548) y otros sucesos de las Indias (ca. 1595-1603)*. Madrid, 1963.
- 23 – Ibarra Grasso, D.E. *Sudamérica Indígena*. Buenos Aires, 1994.
- 24 – *Inca Ethnohistory* // *Ethnohistory*. 1987. Vol.34, #1.
- 25 – Kus J.S. *The Chicama-Moche Canal* // *American-Antiquity*. 1984. Vol.49. No2. P.408-415.